

ISSN 0201 — 7245

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

29

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ УКРАИНЫ

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
междуведомственный
научный сборник

ВЫПУСК 29

Основан в 1976 г.

Харьков
1995

В сборнике анализируются важнейшие политико-правовые, государствоведческие проблемы формирования в Украине правового государства, становления конституционализма, вопросы повышения эффективности гражданско-правовых институтов в условиях формирования рыночных отношений. Рассматриваются вопросы Общей и Особенной частей уголовного права, уделяется внимание криминалистической тактике. Ряд статей посвящен совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, даются практические рекомендации правоохранительным органам по его применению.

Для преподавателей, научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук, проф. В. Я. Таций (отв. ред.), д-р юрид. наук, проф. Н. И. Панов, (зам. отв. ред.), д-р юрид. наук, проф. Ю. М. Грошевой (отв. секр.), д-р юрид. наук, проф. М. И. Бажанов, д-р юрид. наук, проф. М. И. Бару, канд. юрид. наук, проф. Н. П. Воронов, д-р юрид. наук, проф. И. Н. Даньшин, канд. юрид. наук, проф. П. И. Жигалкин, канд. юрид. наук, проф. В. В. Комаров, д-р юрид. наук, проф. В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук, проф. И. Е. Красько, д-р юрид. наук, проф. В. К. Попов, д-р юрид. наук, проф. Н. Н. Страхов, д-р юрид. наук, проф. Ю. Н. Тодыка, д-р юрид. наук, проф. М. В. Цвик.

Адрес редакционной коллегии: Украина, 310024, Харьков, ул. Пушкинская, 77. Национальная юридическая академия Украины.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Осуществление политической реформы в Украине, смысл которой можно определить как поступательное движение к демократии, гражданскому обществу и правовому государству, придает проблемам государствоведения особенную остроту. Наибольшую содержательную нагрузку в процессе теоретического постижения демократии несут представления о таком универсальном явлении социального бытия, как государственность. К тому же концепция правового государства нередко трактуется как исключительно формально-юридическая, т. е. проблемы становления правового государства рассматриваются только в контексте разработки, принятия и осуществления нового законодательства. С этой точки зрения любое государство является правовым по определению (в том числе диктаторское, фашистское и пр.), что, безусловно, размывает самые глубокие, имеющие гуманистическую природу основания и права, и государства, в том числе правового. Кроме того, данная концепция рискует быть оторванной от жизни, от реальных проблем, и поэтому вряд ли она может быть полезной и жизнеспособной.

Опыт работы украинского парламента свидетельствует о том, что одним из главных препятствий на пути его становления и приобретения им авторитета являются традиционные представления о сущности и социальном назначении феноменов государственности. В результате количество издаваемых законов увеличивается, а вместе с ним возрастает показатель их неэффективности. Рассматривая вопросы реализации законодательства, их сводят преимущественно к традиционным основаниям — опоре на силу и принуждение. Если обозначенная схема не срабатывает, ее подкрепляют новыми законами и теми же средствами их исполнения.

Известен гуманистический пафос тезиса о том, что и государственные функции есть не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека (5, с. 242). Не выглядит поэтому случайным обращение юристов к исследованию государства и права сквозь призму человеческого измерения, поиску путей и способов преодоления человеческого отчуждения с помощью специфических государственно-правовых средств (1, с. 25 и др.).

Поэтому чрезвычайно значимым будет обращение к проблемам общесоциальных оснований государственности на уровне этих самых социальных качеств человека.

Если формирование и осуществление власти основаны на упрощенных идеологизированных началах, то, конечно, не может быть потребности ни в гражданском обществе, ни в развитом государственном устройстве, ни, соответственно, в теоретическом осмыслении данных явлений. И наоборот, демократическое государственное устройство не может не опираться на объективный нормативный фундамент — механизмы, нормы и институты власти. Именно эти обстоятельства обуславливают сложность устройства государства, требуют профессионализма политической деятельности и государственного управления. Наиболее очевидный путь решения данной проблемы состоит в том, чтобы в первую очередь восстановить в науке о государстве и праве элементарные демократические истины, которые составляют весомую часть современной цивилизации, отразить в государствоведческих категориях новые социальные реальности. Это будет сделать нелегко, поскольку истоки правового нигилизма, о котором сейчас много пишут, не сводятся только ко временам господства революционного правосознания. Они значительно глубже — в сформированном веками стереотипе принижения формы и устройства, формального и юридического перед так называемым органическим и содержательным, в образе мышления с крайних, по сути тотальных противоречий (3).

Вряд ли возможно формирование юридического мировоззрения, являющегося идеологической предпосылкой правовой государственности, без определения особенностей собственно государственного подхода к решению проблем общественной жизни. И здесь не обойтись без констатации, что именно догматическое выпячивание одной из сторон социальной сущности государства является препятствием на пути формирования адекватных современным цивилизационным подходам представлений о государстве. Конечно, деление людей на классы имеет для государства важное значение и подтверждений этому немало в сегодняшней истории становления государства бывшего Советского Союза. Более или менее незначительное смещение акцентов в этом вопросе не меняет сути дела (19, с. 30). Но еще в начале XX века исследователи, не отрицая огромных заслуг исторического материализма в объяснении общественных явлений, подчеркивали принципиальную несводимость факторов общественности только к экономике. Тяга к мистическому объяснению явлений квалифицируется как свойство неразвитого сознания, которое, не будучи в состоянии охватить многофакторность действительности, абсолютизирует какое-то одно из ее измерений и сводит к нему все многообразие мира, что по

сути не может не быть искусственным и произвольным (7, с. 7, 8). Политика, как известно, (по крайней мере со времен Аристотеля) отражает не только борьбу и соотношение социальных групп. Такой подход будет плодотворным только в соединении с пониманием того, что эта борьба является лишь средством для удовлетворения более общих интересов, которые затрагивают саму сущность человеческого бытия (8, с. 113).

Государство должно удерживать социальные противоречия в допустимых законом цивилизованных рамках и поэтому не может по своей природе быть орудием в руках одной части общества. Иначе оно рискует не удержать эти противоречия, что может закончиться уничтожением и общества, и государства. Во всяком случае еще Аристотель называл такое государство неправильным. В то же время при разработке концепции государства так называемого нового типа дело было доведено до логического завершения: понятие суверенитета прямо определялось как отсутствие формальных правовых ограничений для государственной власти, возможность для нее принятия любых решений, которые она признает необходимыми, поскольку в действительности она ограничена не «какими-либо нормами права, а реальным соотношением классовых сил» (4, с. 34—37).

Нельзя не отметить также попытку отечественной юридической науки выйти за рамки узкоклассовой интерпретации государства путем конструирования понятия «общенародное государство». Нельзя сказать, что не было попыток его опредметить, однако недоставало основного — демократической правовой технологии формирования и осуществления государственной власти (12). Интересно этот вопрос ставил Ж.-Ж. Руссо: могут ли быть в обществе какие-либо основания для управления, если людей воспринимать такими, какими они есть, и законы такими, какими они могут быть? И отвечал на него, что только общая воля может руководить силами государства согласно целям его учреждения, которая состоит в достижении общего блага (10, с. 13).

Дело, конечно, не в словах. Важно то, насколько наши представления о государстве соответствуют реалиям и перспективам гуманистического развития. В прикладном аспекте утверждение общечивилизационного смысла понятия государства будет способствовать утверждению приоритета общества перед государством, а в теории — тезису о производности и вторичности государства. И еще один очень важный вывод: демократизация общества отнюдь не приводит к ослаблению государства, скорее — к становлению подлинной, основанной на народовластии, сущности государства, а компетентная и оперативная исполнительная власть — это как раз характерная черта современных демократических государств. Наоборот, тоталитаризм не тождествен укреплению го-

сударственности, более того, он практически приводит к уничтожению её как формы политического общения людей. На этой основе современные исследования справедливо разграничивают как разнокачественные явления тоталитаризм и государственность, которая предполагает онтологическую зависимость публично-политической власти от саморазвивающегося и в определенной мере саморегулирующегося гражданского общества (11, с. 16). Еще Аристотель считал естественным для государства стремление к единству, но в то же время отмечал невозможность его полного достижения, поскольку государство по своей природе представлялось ему «неким множеством» (2, с. 404).

Множественность интересов различных социальных групп складывается в обществе объективно в силу их специализации и поэтому необходима для него, если общество стремится стать на собственную почву и признает неотъемлемыми права и свободы человека. Плюрализм дает возможность подключить человеческий потенциал социального развития — широкий спектр интеллекта и стремлений различных людей и социальных групп, обеспечивает условия для их конкуренции и выбора из них тех, которые в наибольшей степени соответствуют потребностям общественного развития и удовлетворению интересов его членов. Но для того, чтобы иметь влияние на политику, множественность общественных интересов должна стать элементом государственной организации, воплотиться в правовых нормах и институтах, среди которых основные — права человека, многопартийность, свободные выборы, разделение властей, парламент, ответственное правительство, независимый суд. Государство для их адекватного отражения не может не быть соответствующей организацией. Следует подчеркнуть, что на этой основе устроен и механизм государства, т. е. сфера, где традиционно абсолютно господствовал авторитет: он тоже знает множественность воли — разделение властей. При уяснении же глубинных оснований государственности нужно исходить из принципиального положения, что государство — это не только и не столько государственный аппарат, но прежде всего люди, имеющие неотъемлемые права, организовавшиеся во всеобъемлющую политико-правовую ассоциацию. Поэтому, если агент государства (государственный служащий) выступает носителем государственной власти по отношению к гражданину, то и гражданин должен иметь гарантированные возможности для влияния на работников государственного аппарата. Достигается это с помощью правового равенства участников властно-управленческих отношений, когда они имеют взаимные права и обязанности, что и может быть гарантией взаимной ответственности государства и гражданина в правовом государстве. Причем сама формальность права в таких условиях становится составным элементом устрой-

ства общества и социализация индивида, и поэтому она является для правовой государственности и органической, и содержательной.

Учет разнообразия интересов, их удельного веса и соотношения позволяет обеспечивать социальный контекст государственности, выявить действительную, а не мифическую государственную волю, определить общегосударственные приоритеты. Заметим, что только формирование общей воли на основе взаимодействия различных социальных интересов может стать фундаментом организации государства как социального. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с современными представлениями общая воля по своей сути и есть частный интерес, но наиболее часто встречающийся, повторяющийся.

В то же время смысл плюралистической организации общества и государства состоит не только в том, чтобы отразить и зафиксировать определенный диапазон взглядов и интересов различных субъектов. Ее логическое завершение состоит в направленности участников политического процесса к достижению гражданского согласия. Гражданское согласие выступает как форма рационального (разумного) управления обществом, цель которого — получение положительного результата посредством достижения общей точки зрения при исключении крайних, радикальных подходов. Поэтому если противоположность частных интересов сделала необходимым учреждение государства, то согласие этих интересов сделало его возможным (10, с. 42). Демократическая организация общества и государства должна обязательно предполагать специальные нормы и процедуры достижения гражданского согласия. Принятые на основе гражданского согласия законы и иные решения в силу своей социальной обоснованности содержат сами по себе значительный потенциал воплощения в жизнь.

В основе продуктивности гражданского согласия лежит методологический акцент на договорном происхождении государства, хотя образование некоторых государств в Новое время имело своим основанием нередко и реальный договор. Наиболее ярким примером последнего является, как известно, образование США: «Мы, народ Соединенных Штатов, ..., и т. д.». Договорные основания имел первый конституционный проект П. Орлика. Человек, как член сообщества людей, не может не ощущать своей связи с другими людьми, и поэтому главным законом гражданского согласия является признание чужих интересов как гарантии для реализации своих, а моральным основанием — известное правило: «Не делай другим то, чего бы ты не хотел, чтобы делали тебе». Как не вспомнить Ш. Монтескье, который подчеркивал, что демократию приводит в движение добродетель (6, с. 167).

Таким образом, государственное устройство должно быть при-

способлено для выявляния различных социальных интересов, законных форм их конкуренции, достижение гражданского согласия и реализации принятых решений с опорой на широкий социальный контекст. Государственность выступает с точки зрения общезначимого предназначения — гарантирования основных прав и свобод человека, обеспечение стабильности и развития общества посредством консолидации и интеграции различных социальных интересов.

Список литературы: 1. Алексеев С. С. Теория права.— М., 1994.—223 с. 2. Аристотель. Политика: Соч. в 4-х т.— т. I.— М.: Мысль.—1983. 3. Бердяев Н. Русская идея //Вопр. философии.— 1990.—№ 1—2. 4. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права.— М.: Госюриздат.—1947. 5. Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд.—Т. I. 6. Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Изб. произв.— М.: Госполитиздат.— 1955. 7. Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности.— М., 1994. 8. Політологічні читання.— Київ,— 1992.— № 1. 9. Рабинович П. М. Основи загальної теорії права та держави.— Київ, 1994. 10. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор.— М., 1906. 11. Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию.— М., 1993. 12. Теория юридического процесса /Под ред. проф. В. М. Горшенева.— К.: Вища школа.—1986.

И. Б. Шахов, канд. юрид. наук

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Провозглашение в августе 1991 г. Украины как независимого суверенного государства открыло реальные перспективы для преодоления деструктивного тоталитарно-административного режима и радикальных изменениях общественных отношениях. В Украине покончено с однопартийной системой и идеологическим монополизмом, подорваны административно-командные рычаги руководства в экономике. Утвержден политический суверенитет Украины как самостоятельного, признанного мировым сообществом государства. В стране повысился уровень политических свобод. Приобретают всестороннее развитие демократические институты, все больше реализуются права и свободы граждан, началось экономическое раскрепощение личности (1).

Процессы формирования демократического правового социального государства Украины, налаживания цивилизованных основ гражданского общества, строительства современного механизма государственной власти, создание прочной законодательной основы требуют по-новому рассмотреть преемственность глобальных мировых политико-правовых доктрин и институтов в отечественной практике. Порожденная классическим юридическим мировоззрением теория правового государства является выверенной веками непреходящей общечеловеческой ценностью, равно как политическая свобода личности с ее естественными и неотчуждае-

мыми правами, всеобщее избирательное право, парламентские и судебные учреждения и др. Теоретическое моделирование и практика формирования исходных принципов и институтов правового государства требуют нового осмысления наших представлений: об институциональной основе гражданского общества в его соотношении с государственностью; о соотношении народного и государственного суверенитета; национального суверенитета и прав человека; государственной власти и политической оппозиции; государства и права; права, нравственности и совести; тоталитарно-административного режима и демократического правового; унитаризма, ферерализма, конфедерализма и имперских тенденций; парламентаризма, основанного на разделении властей, и все еще существующей советской организационно-местной власти; государственности и самоуправления — и отказа в этих сферах от все еще живущих стереотипов, покоящихся на «идейных» достижениях прошлых лет. Отработка и осуществление концепции правового государства, ее составных принципов и институтов будет способствовать созданию эмоционально-интеллектуальной привлекательности теории и практики государственно-правового строительства суверенной Украины.

Правовое государство следует рассматривать как явление (понятие) и государствоведческое (институционально-правовое), и правоведческое (нормативно-правовое), и личностноведческое (лично-правовое: а) это правовая характеристика демократической организации системы государственной власти, основанной на принципах народного суверенитета и разделении властей, иных принципах, формах, методах, способах и гарантиях организации и осуществления конституционной государственной власти и самоуправления народа Украины; б) это конституционализм, предусматривающий гармонию (единство и согласованность) всех принципов, отраслей, институтов и норм правовой системы при обеспечении верховенства конституционного закона и осуществлении конституционного контроля; в) это правовой характер взаимоотношений государства и личности, основанный на признании высшей гуманистической ценностью естественных и неотчуждаемых прав и свобод личности; гарантированности и охране ее чести и достоинства; единстве прав и обязанностей; неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение. Формирование правового государства требует последовательного проведения в жизнь ряда основополагающих принципов: а) конституционализм или верховенство (господство) закона; б) народный суверенитет (народовластие); в) демократизм, основанный на разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную; г) правовой характер взаимоотношений между государством, его органами и должностными лицами с личностью; д) си-

стематический, высокопрофессиональный и в высшей степени гуманный контроль и надзор за деятельностью органов государства, их должностных лиц и иных управляющих субъектов.

Такой подход в понимании правового государства дает возможность юридически профессионально и концептуально завершено рассмотреть его содержание и одновременно предпринять попытку смоделировать его структуру, т. е., с одной стороны, выделить все основные элементы, из которых оно построено, а с другой — дать схему тех логических связей, которые складываются между основными компонентами. Представляется, что система правового государства состоит из двух комплексов. Первый — генетико-гносеологический, включающий такие разделы, как: экономика и право, политика и право; идеология и право; право, нравственность и совесть; культура и право; наука и право и т. д. Второй — онтологический, адекватный правовой основе государства и гражданского общества. Правовая основа как специально-юридическое отражение системы правового государства состоит из нормативной основы — системы отраслей, институтов и норм права как исходных основ, фундамента правовой основы; юридического процесса — комплекса правовых форм деятельности как динамического элемента правовой основы; государственной дисциплины, законности и правопорядка — ее результата. Совершенствование правовой основы — самые актуальные направления проводимой правовой реформы (1).

Ныне как никогда остро ощущается потребность сбалансированности и демократизации двух перекрещивающихся структур: гражданского общества как глобальной системы и олицетворяющей его государственности. Причем легитимность государственной власти проявляется лишь в той мере, в какой гражданскому обществу и его институциям (партиям, общественным организациям, прессе и др.) удается осуществлять эффективный контроль за реализацией политико-правовых процессов, исключив саму возможность узурпации государственной власти каким-либо классом, партией, кланом, группировкой; пресекать факты бюрократизации государственного аппарата и злоупотребления властью; наделять лучшего кандидата из многих государственной властью на лимитированный законом срок с постоянной, сохраняющейся между выборами подотчетностью избирателям, правом его отзыва. Итак, природа социального контроля в правовом государстве коренится в дуализме гражданского общества и государственной власти, народного и государственного суверенитетов, а осуществляется через демократическую систему разделения властей посредством механизма сдержек и противовесов.

Великие просветители (левеллеры и Дж. Локк в Англии, Ш.-Л. Монтескье и энциклопедисты во Франции) вынашивали идею о

всемерном ограничении произвола государственной власти и обеспечении политической свободы в виде разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, что, с одной стороны, обеспечивает гуманизм и практичность, а с другой — наиболее целесообразную для гражданского общества и государственной власти форму делового разделения труда и взаимоконтроля. Однако останавливаться на конструкции, пусть и гениально задуманной и посылно осуществленной несколько столетий назад, было бы нерационально, ибо сами авторы замысливали теорию разделения властей лишь как основополагающее начало прогрессирующего разделения функций и в других социальных подсистемах как внутри законодательной, так и внутри государственной и судебной власти. В начале XX ст. Сунь Ятсеню была предложена «конституция пяти властей» как юридическая база республиканского самоуправления народа, где государственный механизм представлен самостоятельными, независимыми друг от друга властями: законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной. Прерогативы первых трех властей даны в духе Ш.-Л. Монтескье. Экзаменационная власть ведаёт экзаменами должностных лиц до их учреждения, проверяя их способности и компетентность, а контрольная — наблюдением за осуществлением ими своих полномочий. При этом экзаменационная и контрольная власти не выходят за рамки законодательной власти и осуществляются специальными парламентскими палатами (контрольной и экзаменационной). Использование данной идеи в ее механизменном, процессуально-функциональном плане сопоставимо с концептуально представленными в нашей юридической литературе попытками индивидуализировать свойства и понятия приведенных институтов механизма государственной власти к праву как социальной реальности и тем самым выделить главные контуры соотношения государства и права, что непосредственно воплотилось в теории юридического процесса как комплексе правовых форм деятельности, основателем которого стал выдающийся теоретик права Украины профессор В. М. Горшенев. Основная цель теории юридического процесса состоит в том, чтобы дать обобщенную характеристику всех правовых форм деятельности органов государства, должностных лиц и иных уполномоченных субъектов: правотворчества, правоисполнения, правосудия, учредительной и контрольной деятельности. Первые три правовые формы в юридической науке исследованы конструктивнее и содержательнее (3, 4). Меньшей степенью разработанности характеризуется состояние науки по таким правовым формам, как учредительная и контрольная, хотя и по этим разделам предложены ряд гипотез и позитивная аргументация (2, 5, 6).

Так, в институционально-функциональном плане социальный

контроль — это элемент политической власти, основанный на дуализме гражданского общества и государства, осуществляющийся посредством разделения властей через механизм сдержек и противовесов. Социальный контроль обеспечивает соблюдение системы социальных регуляторов, т. е. нормативных и индивидуальных предписаний (правовых, административных, моральных, корпоративных, религиозных, обычаев, привычек и т. д.) в деятельности, поведении подконтрольных субъектов с целью устранить отклонения от заданных параметров. Функционально социальный контроль выступает как проявление народного суверенитета, форма осуществления государственной власти, демократии и самоуправления народа, правовая форма управленческой деятельности. Институционально социальный контроль включает в себя парламентский контроль, административный контроль, конституционный контроль, общественный (корпоративный) контроль партий, общественных организаций, трудовых коллективов, групп граждан (избирателей, потребителей и т. д.), индивидуальный контроль граждан. К специализированным институтам контроля относятся: контроль общих и арбитражных судов, прокурорский надзор.

В процессуально-правовом плане контрольная деятельность — это правовая форма деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, иных субъектов, выражающаяся в совершении юридических действий по наблюдению и проверке соответствия исполнения и соблюдения подконтрольными субъектами правовых предписаний и пресечении правонарушений соответствующими организационно-правовыми средствами. Юридическим результатом контрольной деятельности выступает контрольно-правовой акт (решение, постановление, представление, предостережение, частное определение, сообщение и др.), содержащий предписания констатирующего порядка, когда вследствие проверки устанавливаются лишь положительные моменты либо наряду с ними и правоохранные предписания по устранению обнаруженных правонарушений. Контрольная деятельность обнаруживает основные элементы процессуальной формы. Контрольный режим отражает обстановку напряженности осуществления контрольной деятельности, состоящую в реализации принципов (систематичность, профессионализм, законность и др.), способов ее осуществления и гарантий обеспечения. Контрольные производства разделяются на: ординарные — исполнительно-распорядительные и правоохранные; специальные — учредительные и правотворческие; особые — судебный контроль и прокурорский надзор. Стадии контрольной деятельности разделяются на: организационно-подготовительную; установления фактических обстоятельств дела и их анализ; выработки и принятия решения по делу; проверки исполнения решения (7).

Список литературы: 1. Кучма Л. Д. Путем радикальных экономических реформ: Доклад Президента Украины об основных принципах экономической и социальной политики //Голос Украины.—1994.—13 окт. 2. Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности.— М., 1987. 3. Научные основы советского правотворчества.— М., 1981. 4. Правоприменение в Советском государстве.— М., 1985. 5. Правовые формы деятельности в общественном государстве.— Харьков, 1985. 6. Теория юридического процесса.— Харьков, 1985. 7. Русско-украинский словарь терминов по теории государства и права.— Харьков, 1993.

В. В. Речицкий, канд. юрид. наук

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА В УКРАИНЕ

Конституционный процесс в Украине сегодня уже трудно очертить лапидарно, определив главные моменты и мотивации участников. Сегодня он полифоничен и контрапунктивен. Рядом с главной темой звучат мелодии автономной политической окраски. Работа официальной конституционной комиссии вот-вот должна завершиться согласованным текстом (с начала усилий — третьим по счету), однако его появление в прессе вряд ли станет событием ближайшего времени.

Тем временем партии и общественные организации предлагают альтернативные подходы. Полдюжата проектов различной политической окраски и неодинакового уровня юридического совершенства имеют хождение в стране и за ее границами, демонстрируя реальную заинтересованность различных общественных слоев в принципах общего будущего, а вместе с тем и пораженность устарелыми фобиями, среди которых сохраняется и страх перед экономическим хаосом рынка, и предубежденность в отношении политического многоцветья демократии. Мы все еще боимся дрейфа в не определенном предварительно направлении. Именно поэтому большинство проектов написаны не как масштабные правила политической игры для неограниченного числа участников, а как юридическое изложение того или иного политического кредо. Как болезнь роста это само по себе понятно.

Официальный проект Конституции готовится сразу несколькими подкомиссиями, в состав которых приглашены ведущие (в соответствии с официальным статусом) юристы. Можно ожидать, что каждая подкомиссия будет пытаться подчеркнуть значимость именно своего раздела проекта, что в итоге завершится снова его чрезмерной общей регламентивностью. Неизвестно также, разделяют ли эксперты-правоведы единый подход к определению «метафизических оснований» украинской государственности. Скорее всего одна часть экспертов будет пытаться под влиянием не слишком искренней экзальтации нашего истеблишмента усилить в про-

екте идею государственности. Иные же попытаются защитить основы гражданственности, верховенства общества над государством. Очевидно, что баланс усилий первых и вторых будет представлять собой нечто весьма существенное. По крайней мере уже сегодня известно, что от отдельного раздела Конституции «Гражданское общество» решено отказаться.

Впрочем, при всем уважении к профессиональной компетентности экспертов, их труд в политическом смысле вряд ли стоит переоценивать, ибо существо дела заключено отнюдь не в уровне их юридической умелости. Ведь как и три года назад, главным источником динамизма и стагнации в конституционном процессе остается, так сказать, общеукраинский политический дизайн — крупномасштабная композиция различных политических интересов. Последние сегодня (пусть и отчасти формально) имеют три главных источника: Президента и тех, кто искренне поддерживает его курс; парламентские структуры; пока все еще незрелое гражданское общество — структурированная изнутри и с течением времени все более консолидированная на основе здоровой оппозиционности к госаппарату часть народа. Именно гражданское общество по исторической логике и канонам правовой науки должно было бы стать главным конституционным демидургом.

Похоже, что президентское окружение, привычное к политическому рынку, несколько наспех модернизированное зарубежными командировками и соблазненное преимуществами западных стандартов жизни, готово сегодня внедрить в Украине уже и экономический рынок. Внедрить по возможности радикально и быстро. Есть основания, чтобы оценить его общий курс как основанный не столько на мудрости, сколько на прагматической рациональности. В целом он воспринимается как социально-инженерный, технологический.

Конституционные усилия президентской команды воплощает в себе уже известный общественности проект закона о власти и местном самоуправлении — «малая Конституция Украины». Проект является не очень популярным в стенах Верховного Совета, однако он сумел пройти там первое чтение, едва не спровоцировав парламентский кризис в начале второго чтения. Компромисс предложил депутат В. Мусияка. Существо предложенного выхода свелось к процедурной схеме: принимать закон постатейно, передавая несогласованные статьи в специальную комиссию, преодолевать противоречия в отношении к действующей Конституции приостановкой действия ее отдельных статей и положений, приблизительно так, как это имело место ранее в отношении раздела «Экономическая система».

Спасет ли найденный компромисс президентскую инициативу,

покажет время. Известно, что надежды на это в кулуарах парламента не слишком велики. Однако и при позитивном решении коллизии «малая Конституция» останется упрощенной попыткой решения стратегических задач тактическими средствами. Эта попытка в смысле общего ускорения конституционного процесса, разумеется, позитивна, так как при всех обстоятельствах последний нуждается в динамике. Но она заслуживает серьезной критики как попытка чрезмерной централизации исполнительной ветви власти. Выражаясь несколько метафорически, можно сказать, что президентский закон о власти есть отражением распространенного в посттоталитарных обществах предрассудка, что только государственная администрация, по словам О. Тоффлера, может «принудить поезда приходить вовремя».

Так или иначе в законе о власти нашло отображение весьма наивное упование на то, что кризис нам удастся преодолеть главным образом правильной стратегией и тактикой государственных мероприятий. Без государственного курса нам, конечно, не обойтись, но считать наш экономический и политический хаос исключительно деструктивным явно ошибочно. В свое время большевизм также был представлен формулой стратегии. Набор формул предлагает сегодня (не только для нас) Международный Валютный Фонд и Мировой Банк. Однако даже в Польше, по свидетельству Х. Сухоцкой, элиты уже осознали, что готовые рецепты спасения действуют эффективно только там, где для них успели спонтанно сложиться внутренние предпосылки. И, наоборот, они не вызывают ожидаемого эффекта там, где в той либо иной степени успел утвердиться отличный от частнособственнического ментальный стереотип. Прежде всего благодаря действию именно этого стереотипа довольно специфическим сегодня выглядят польский парламентаризм и польская партийная система.

Таким образом, конституционный процесс в Украине, имея три источника, органично представлен тремя векторами. Первый из них — президентский — направлен на прорынковую и продемократическую стратегию, однако по несколько патерналистскому образцу. «Малая Конституция» полагается на «разумную администрацию», которой по схеме будет подчиняться общественность. Следовательно, этот вектор есть административно-государственным. Во многом (прежде всего по методу) он остается для нас традиционным и, похоже, не нравится новым коммунистам только потому, что потенциально сориентирован не на строительство «загорной коммуны», а на рынок. Является ли этот вектор по-настоящему демократическим, остается вопросом. Во всяком случае он не очень склоняет нас к ценностям либерализма.

Второй вектор можно условно назвать пропарламентским. В определенной степени он представлен усилиями официальной кон-

ституционной комиссии со всеми ее внутренними подразделениями. Реальных свершений тут еще следует подождать, однако с учетом прошлого опыта можно предвидеть, что результат имеет риск стать снова компилятивным и эклектичным. Эклектичным не в смысле прямых заимствований, как это было в самом начале, а скорее в смысле идейного наполнения.

Последний, третий вектор, воплощает гамму альтернативных неофициальных проектов, к которой добавятся еще, несомненно, новые тона. Свободные конституции так же свободно обращаются в Украине и имеют ограниченную популярность в диаспоре. Они разные по политическим приоритетам (не сказали еще своего слова украинские коммунисты), а также по уровню совершенства юридической композиции, согласованности положений в рамках единого текста и т. д. Пробьется ли этот вектор к подлинно большому делу, сказать трудно. Однако пожелать этого хотелось бы. Известно, что в стенах Верховного Совета сегодня уже имеют место попытки соединить альтернативные конституционные проекты на почве умеренной конструктивности, которая бы могла удовлетворить запросы если и не всех, то подавляющего большинства. И эти попытки (буквально с ножницами и клеем) имеют место на основе независимо созданных вариантов. Возможно, что сегодня они выглядят несколько наивно. Однако именно они имеют наиболее реальный шанс встретиться с оригинальными достижениями украинской политической и правовой мысли. Мысли действительно раскованной, вдохновленной не конъюнктурой, а глубоким внутренним вызовом, может быть, исходящим из политического подсознания украинского народа. Ведь именно здесь мы имеем свободное поле творчества для меритократии политического таланта, таланта редкостного, интуитивно чуткого к самым слабым и отдаленным по времени отголоскам отечественной истории и обертонам национального характера.

Благодаря известным особенностям своей истории Украина является несколько чрезмерно конформной к внешним воздействиям. Но, с другой стороны, этот конформизм характеризуется почти полным отсутствием признаков ксенофобии. Как политический фактор в Европе Украина демонстрирует уравновешенность, терпимость и открытость. Несколько приглушенно звучат пока что в общем политическом оркестре мотивы свободы. Однако именно свобода должна стать доминирующей темой украинско-конституционализма, именно она должна рано или поздно прозвучать в полный голос. Без нее в полифонии политического настоящего мы имеем сегодня вариации на темы симфонии, которая не сложилась как органически завершенное творение. Конституция должна окончательно раскрепостить нашу волю и разум, стать гарантом активности и инициативы людей, способствовать непред-

убежденности (экономической, политической, моральной) наших частных, коллективных и общегосударственных усилий.

В. П. Колесник, канд. юрид. наук

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

В настоящее время в большинстве стран мира особую значимость приобретает проблема достижения межнационального согласия и оптимизации межнациональных отношений. Эти вопросы тесно связаны с соблюдением прав человека, их реальностью и гарантированностью, что является одной из определяющих черт современного правового демократического государства. Тем более, что наряду с правами человека как отдельного индивида существуют также и права социальных общностей и прежде всего права наций и национальных меньшинств. Причем именно необходимость защиты прав национальных меньшинств стала одной из главных причин возникновения первых международных норм, связанных с правами и свободами человека. После первой мировой войны в связи с возникновением на территории Австро-Венгрии новых стран был подписан целый ряд соглашений по защите прав национальных меньшинств.

В соответствии с общепризнанной классификацией права человека подразделяются на три вида или три поколения. Права человека первого поколения — это гражданские и политические права, которые были провозглашены первыми буржуазными революциями. Права человека второго поколения — это социально-экономические права, которые возникли в результате попыток определенным образом смягчить негативные тенденции рыночной экономики. Произошла трансформация идей социалистических теорий и идеи «общества всеобщего благоденствия». Окончательное закрепление прав человека первого и второго поколения произошло с принятием после второй мировой войны Международной Хартии прав человека. Права человека третьего поколения — это права социальных общностей. Они возникли как требования стран так называемого третьего мира и еще не получили своего полного признания, а те из них, которые мировое сообщество уже признало и которые получили закрепление в международно-правовых документах, еще не воспринимаются как общеобязательные и еще не имеют четкого правового механизма реализации. Права социальных общностей нашли свое отражение в Уставе ООН, Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Декларации о принципах международ-

ного права, которые касаются дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., Декларации о праве народов на мир 1984 г.; Декларации о праве на развитие 1986 г. и в других международно-правовых документах.

Права социальных общностей, несомненно, составляют отдельную группу прав, и их соотношение с правами человека первого и второго поколения является чрезвычайно сложным. Распространенное утверждение о первичности, приоритете прав человека нельзя противопоставлять правам социальных общностей и прежде всего правам наций, национальных меньшинств и национальных групп. Тезис о приоритете прав человека над правами нации содержит в себе определенное противоречие, ибо если права человека первого и второго поколения — это права и свободы человека как индивидуума, как отдельной личности, то права третьего поколения — это одновременно и права человека, и права нации, народа [5, с. 30]. Соблюдение прав человека как отдельной личности может быть достигнуто лишь при условии одновременного обеспечения ее основных национальных прав. Ведь в мире нет ни одного человека, который не осознавал бы своей принадлежности к той или иной социальной общности и прежде всего к определенной нации, народности или этнической группе. Л. Н. Гумилев подчеркивает: «Несомненно одно — вне этноса нет ни одного человека на земле... Этническая принадлежность в сознании — явление всеобщее» [3, с. 22]. Другое дело, что такое ощущение может быть довольно слабым. Однако даже дети межнациональных браков отождествляют себя с определенной культурой, признают определенные морально-этические нормы, определенные обычаи и традиции своими, что, несомненно, влияет и на их мировосприятие, и на формирование мировоззрения, и на их поведение, а значит, и на их отношение к правам других людей, к правовым нормам и к правовой системе в целом. Ведь общий уровень культуры, который является обязательной предпосылкой и основой правовой культуры, составляющий один из элементов правореализации, зависит прежде всего от национальной культуры, которая объединяется с другими национальными культурами в общечеловеческую мировую культуру, но не растворяется в ней. Взаимодействуя и взаимообогащаясь, национальные культуры содействуют реализации общечеловеческих ценностей и вместе с тем являются самоценными в собственной уникальности. Великий русский философ И. А. Ильин писал: «Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда националь-

ны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли... Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа» [4, с. 200—201]. Именно поэтому все попытки создать панацееобразную эрзац-культуру, лишить человека исторической памяти и сформировать космополитический тип личности всегда приводили к утрате духовности и морально-этических ориентиров. Яркий пример тому — состояние маргинальности, через которое вследствие социалистических экспериментов прошла значительная часть людей, когда они были оторваны от обычной среды и культурных корней, вынуждены были вопреки собственному желанию изменить традиционный жизненный уклад.

Правовое закрепление основных национальных прав личности и регулирование межнациональных отношений в Украине и в Российской Федерации пошло разными, принципиально отличающимися друг от друга путями. Если в России уже принята и введена в действие новая Конституция, определившая основные направления, тенденции и уровни дальнейшего регулирования межнациональных процессов и именно в соответствии с ней создается новое законодательство, то в Украине, наоборот, сначала было принято ряд актов текущего законодательства (Закон о языках, Декларация прав национальностей Украины, Закон о национальных меньшинствах), а затем началась разработка возможных вариантов соответствующих конституционных положений. Поэтому представляет значительный интерес опыт конституционного регулирования основных национальных прав личности в России. Конституция Российской Федерации, проникнутая духом уважения к личности и свободе ее развития, по-новому решает вопросы, связанные с реализацией национально-культурных потребностей личности, закладывает принципиально иные основы для гармоничного развития межнациональных отношений в стране. Определяющим принципом конституционного статуса личности признается принцип равноправия граждан независимо от каких бы то ни было факторов. В ст. 26 Конституции Российской Федерации особо выделяется право каждого «определять и указывать свою национальную принадлежность» [1]. Это положение, на первый взгляд, может показаться несколько странным. Однако его анализ убеждает в обратном. Изначально в нем заложен глубокий демократический смысл. Ведь к этому нас подталкивает собственный исторический опыт, когда сотни тысяч людей были вынуждены по разным причинам под давлением обстоятельств либо скрывать свою национальную принадлежность, либо вообще отказываться от своей национальности. Иногда после очередной переписи населения из официальных статистических данных «исчезали» целые народности. К тому же довольно часто по разным причинам

Возникают такие обстоятельства, когда человек очень долго (иногда всю свою жизнь) оказывается полностью оторванным от культуры, языка, традиций той национальной общности, к которой относили себя его родители. Он воспитывается, получает образование, работает в совершенно иной среде, чем его родители, и поэтому отождествляет себя с иной общностью, считает своей иную культуру, иной язык, иную религию. Это касается прежде всего тех детей, чьи родители неизвестны либо принадлежат к разным национальностям. В последнем случае человек, несомненно, может избрать себе национальность одного из родителей. Однако, как представляется, выбор индивидом своей национальности объективно ограничен и поэтому, дабы избежать всевозможных спекуляций и злоупотреблений, следует законодательно установить порядок реализации этого права. Вместе с тем в соответствии с Конституцией «никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» [1]. Если же лицо считает необходимым сделать такой выбор, то он должен осуществляться в условиях отсутствия любого давления. В документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (июнь 1990 г.) указывается, что «принадлежность лица к национальному меньшинству является предметом его личного выбора, и никакие неблагоприятные последствия не могут возникать из осуществления такого выбора» [2, с. 101]. Иные подходы возобладали при разработке новой Конституции Украины, в проекте которой речь идет не о выборе национальной принадлежности, а о том, что «каждый имеет право на сохранение и защиту своей национальной принадлежности». Тем самым как бы презюмируется, что национальная принадлежность является чем-то объективным, раз и навсегда данным, что, впрочем, не исключает возможность ее изменения при определенных условиях.

Следует отметить, что невозможно обеспечить права отдельного человека, если пация, народность или национальная группа, к которой он принадлежит или относит себя, находится в угнетенном положении, испытывает притеснения и дискриминацию. Об этом свидетельствует положение курдов в Турции, Ираке и некоторых других странах. В этом убеждает и советский период нашей истории, когда многие народы были депортированы из мест традиционного расселения, а также судьба малочисленных народов России, во многом утративших свое лицо, свою культуру и традиции. Коренными малочисленными народами в России признаются народы, считающие себя самостоятельными этносами, проживающие на территории традиционного расселения своих предков и сохраняющие самобытный уклад жизни. В настоящее время с Российской Федерации насчитывается более 60 малочислен-

ных народов, из которых 35 не имеют никаких национально-территориальных образований. Однако не всегда целесообразно и оправдано создание национально-государственных и национально-территориальных образований, что не является гарантией поступательного национального развития. Поэтому Российская Федерация берет на себя обязательство обеспечить «права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» [1]. К таким актам можно отнести принятую в 1989 г. Международной организацией труда Конвенцию о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Вместе с тем даже специалисты затрудняются определить перечень так называемых «общепризнанных принципов и норм международного права», и поэтому от закрепления подобных положений в Конституции следует отказаться.

Особое внимание уделяется в Конституции Российской Федерации проблеме функционирования языков разных этносоциальных общностей как обязательного условия их существования и дальнейшего развития. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории признается русский язык. Вместе с тем за республиками закреплено право устанавливать свои государственные языки, которые используются наряду с государственным языком Российской Федерации. Учитывая многонациональную структуру населения России, Конституция, с одной стороны, признает за каждым «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества», а с другой — возлагает на государство обязанность гарантировать всем народам «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [1].

Для обеспечения оптимального развития межнациональных отношений, возрождения культуры и традиций всех наций, национальных групп и национальных меньшинств конституционных положений все же недостаточно. Требуется прежде всего создание целостной системы правовых гарантий, которые составляют совокупность законодательно установленных средств, определяющих порядок реализации (использования), а в случае необходимости — охраны и восстановления как прав наций, национальных меньшинств и национальных групп, так и их отдельных представителей. Необходимо также дальнейшее развитие демократических принципов языковой политики. Посредством текущего законодательства следует создать обстановку взаимного уважения, терпеливого и доброжелательного отношения представителей разных национальностей друг к другу, что позволит поставить развитие этносоциальных процессов на цивилизованную основу. Представ-

ляется, что отправным пунктом текущего правового регулирования должно стать признание и отнесение к категории основных (конституционных) прав личности ее права на сохранение и защиту национальной идентичности и права на свободу национального развития. Указанные права должны стать тем звеном, которое объединит права отдельной личности с правами национальной общности, будет способствовать более полному и всестороннему развитию личности. Эти права могут быть реализованы лишь при условии нормального существования и полноценного развития определенной нации, с которой отождествляет себя личность. Особо следует подчеркнуть, что взаимосвязанность и взаимозависимость прав национальных общностей и прав отдельной личности ни в коем случае не означают игнорирования прав последней.

Анализ Конституции Российской Федерации и проекта Конституции Украины позволяет также сделать вывод о необходимости уточнения традиционной классификации основных прав и свобод личности, выделив при этом в отдельный вид (отдельную группу) ее основные национальные права.

Список литературы: 1. Конституция Российской Федерации.— М.: Юрид. лит., 1993. 2. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению БСЕСЕ // Сов. гос-во и право, 1990.— № 11.— С. 93—104. 3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.— М., 1993. 4. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1.— М.: Русская книга, 1939. 5. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность.— М.: Юрид. лит., 1991.

В. Е. Рубаник, канд. истор. наук

К ВОПРОСУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ МОНОПАРТИЙНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ УКРАИНЫ

Последние годы в исторической литературе и в публицистике не утихают дискуссии вокруг альтернатив развития Украины в 1917—1925 гг., в частности вокруг проблемы установления монопартийной системы государственного устройства. Обращаясь к этой теме, следует прежде всего отметить, что элементы многопартийности существовали в Украине более продолжительное время, нежели в Советской России. Однако жесткая нацеленность большевиков на захват и удержание любой ценой безраздельной власти изначально обрекали на провал любые попытки вдохнуть новую жизнь в политический плюрализм.

Еще накануне октябрьского переворота 1917 г. Ленин подчеркивал, и притом неоднократно, что большевики, захватив власть, из рук ее уже не выпустят. Сама изначальная концепция большевистской партии не допускала раздела власти: эта организация нового типа уже не являлись чисто политической партией в ее

традиционном понимании, поскольку ее компетенция простира-лась практически на все сферы — экономику, культуру, семью, общество в целом. При такой постановке вопроса любая попытка сопротивления контролю за общественным и политическим развитием воспринималась как саботаж. Правда, Конституция, принятая в России 10 июля 1918 г., еще не провозглашала, что коммунистическая партия руководит всем государственным аппаратом, и не запрещала еще иные политические образования. Но в ст. 23 было уже записано, что в интересах всего рабочего класса отдельные граждане и социальные слои лишаются прав, которые они могли бы использовать во вред социалистической революции (9). Фактически это давало карт-бланш любому произволу власти.

Следующим шагом по пути реализации ленинского понимания диктатуры стало создание Совета Рабоче-Крестьянской Оборона, наделенного широкими правами. Ряд ведомств, в частности наркоматы продовольствия, путей сообщения, военных дел, получают чрезвычайные полномочия. В районах, где позиции большевиков были шаткими, а положение угрожающим, Советы заменялись ревкомы. В прифронтовой полосе и того более — вся власть, причем ничем не ограниченная, сосредоточивалась в руках армейского командования. Все большее распространение получила практика, когда как мелкие, повседневные, так и существенно важные решения принимались исполкомами без созыва сессий или съездов Советов. Начинался процесс подмены представительных органов власти исполнительными.

В нарушение декларированного большевиками принципа демократического централизма местные органы власти и управления, предприятия и учреждения выводились из подчинения местным Советам и управлялись непосредственно из Центра. Централизация становилась стержнем государственного и партийного строительства.

В период попытки пересадить на реальную почву концепцию «военного коммунизма» вводится продразверстка, карточное распределение продовольствия и товаров; все более широкое распространение получают милитаризация труда, взимание, как это официально освещалось, «контрибуций с эксплуататорских элементов»; обычными явлениями становятся взятие заложников и их расстрелы, внесудебные репрессии и т. п.

Для осуществления чрезвычайных мер необходимым условием являлось создание чрезвычайных органов с чрезвычайными полномочиями. И они были созданы — Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, революционные трибуналы, Комиссия по осуществлению трудовой повинности и др. Получают распространение превентивные аресты и превентивные ре-

прессии. Вполне достаточным основанием для помещения человека в концлагерь становится «пролетарский внешний вид». Уже 31 января 1918 г. Совнарком за подписью Ленина дает директиву «принять меры к увеличению количества мест заключения» (14, с. 96). Выходило, что новой власти, клеймившей позором бывшую «тюрьму народов», уже не хватало централов, существовавших при царе.

Немного позже тот же Совнарком признает необходимым «оградить Советскую республику от угрозы со стороны классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях» (15, ст. 124). Насилие становится стержнем политики новой власти. Признанный теоретик партии Н. Бухарин в своей «Экономике переходного периода» подчеркивает, что при пролетарской диктатуре принуждение впервые становится орудием большинства в интересах этого большинства (2, с. 63). Ленин, прочитав книгу, на полях против этих слов пишет: «Верно!» Тогда же появляется изданный массовыми тиражами плакат «Железной рукой загоним человечество к счастью!». Именно тогда, в 1918 году, партийные комитеты большевиков начали ощущать себя властью. Они начали определять состав исполкомов, издавать распоряжения, становившиеся обязательными для местных Советов. Дело доходило до того, что большевистские парторганизации даже распускали беспартийные исполкомы и комбеды и требовали избирать в новый состав исключительно бедноту и коммунистов [12, с. 432].

«Партия руководит», «правлящая партия», «партия господствует», «диктатура партии» — эти и подобные им выражения становились обычными и в партийной прессе большевиков, и в их партийной работе. Насильственное утверждение руководящей роли одной партии вело к противопоставлению коммунистов как другим политическим партиям, так и преобладающему большинству рабочего класса и всего населения страны. Однако коммунисты продолжали нагнетать атмосферу «бури и натиска». Господствующим становилось представление, будто бы командными методами можно форсированно решить все проблемы. К тому же использовать командные методы управления было намного проще, нежели политически либо экономические.

Положение правящей и господствующей партии вызвало колоссальный прилив членов, многие из которых стремились лишь вкусить свое от общего пирога. При этом пять-таки хороши были любые способы и методы действий. С мест непрерывным потоком шли сообщения о чинимых коммунистами беззакониях. Спекуляция, припрятывание хлеба, самочинные реквизиции, наложение контрибуций на подвластные села, волости и уезды, аресты ни в чем не повинных людей, содержание арестованных в погребах и им подобных местах, применение телесных наказаний —

все это вызывало недовольство, протест, а затем и озлобление различных слоев населения. Преступное поведение многих коммунистов-руководителей способствовало вызреванию и взрыву целой вереницы антибольшевистских восстаний в конце 1920—в начале 1921 годов. Главными лозунгами того же так называемого «кронштадтского мятежа» стали призывы «Вся власть Советам, а не партиям!», «Советы — вне партий!» и «Крестьянству — полное право распоряжения землей!» [11, с. 213].

Проводимая большевиками политика жесткой централизации все больше сковывала местные Советы. Предпринимавшиеся попытки хоть как-то активизировать их деятельность несли на себе печать административного декретирования, а потому не имели не только успеха, но даже и шансов на него. В итоге не только усиливалась зависимость Советов от партии большевиков, но и шло фактически их полное ей подчинение.

«Военный коммунизм» породил милитаристский стиль руководства и характер мышления руководящих кадров: организационные формы и методы деятельности государственных и партийных органов приобрели административно-командный характер, демократические начала были резко ограничены и постоянно рамки этих ограничений сужались. Демократия, впрочем как и законность, стала классовою и революционной. В систему мер, призванных облегчить, оправдать и узаконить сосредоточение всей полноты власти в руках одной партии входили и искусственное преувеличение военной угрозы со стороны Запада и деление людей на «красных» и «белых», и нагнетание классового антагонизма, навязывание образа «врага народа», создание атмосферы всеобщей подозрительности и т. п. Именно на этом фоне и проходил процесс устранения большевиками своих политических оппонентов.

Существуют несколько точек зрения на время установления политического монизма: 1) лето или осень 1918 г.; 2) завершение гражданской войны; 3) середина 20-х годов; 4) середина 30-х годов. Здесь необходимо отметить, что взгляд на то, что когда же именно установилась реальная однопартийность в системе политического и государственного устройства, зависит от трактовки самого понятия: или исходя из реалий концентрации всей полноты власти в руках одной партии, или из существования, хотя и формального, альтернативных политических партий.

Если согласиться с первым мнением, то за точку отсчета необходимо, видимо, брать завершающий период гражданской войны. Как известно, именно в это время абсолютный перевес в Советах получили большевики, а другие политические партии сохраняли за собой лишь незначительное представительство [13, с. 315].

Если же исходить из формальных признаков, то для Украины таким периодом можно считать март 1925 г., когда была ликвидирована Украинская коммунистическая партия [5, с. 303].

Как же развивались события? Как известно, особенностью политической жизни в Украине было то, что в ней наряду с национальными действовали общероссийские политические партии. При этом нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что в украинских организациях общероссийских партий работали далеко не последние по способностям и политическому весу деятели. Все это не могло не наложить своего отпечатка и на политическую палитру в Украине, и на процесс ее «замазывания только красной краской».

Довольно часто в литературе можно наблюдать смешение названий «Украинские большевики», и «украинские левые социал-демократы». Это не одно и то же. Как известно, еще с весны 1917 г. при комитетах РСДРП (б), действовавший в Украине, создавались группы так называемых «украинских большевиков»; в состав их входили члены РСДРП (б), хорошо владевшие украинским языком и знакомые с местной обстановкой. Основным назначением этих групп было ведение агитационно-пропагандистской работы среди населения Украины и, естественно, проведение политической линии большевиков. А левые украинские социал-демократы — это левое крыло Украинской социал-демократической рабочей партии. Наиболее активно они были представлены в Одессе, Киеве, Харькове, Полтаве, Черкассах [8, с. 311].

13 ноября 1918 г. создается Директория Украинской Народной Республики. УСДРП была в ней представлена Владимиром Винниченко и Симоном Петлюрой. В Киеве по инициативе УСДРП создается Украинский Военно-революционный комитет, главной задачей которого провозглашалась подготовка к низложению гетманата. 14 декабря 1918 г. П. Скоропадский передает власть Директории, а 10—12 января 1919 г. проходит VI конгресс УСДРП, завершившийся расколом ее на две фракции — «официальных украинских социал-демократов» и «незалежных».

Лидерами «незалежных» выступали хорошо известные украинские деятели — Н. Ткаченко, А. Драгомирецкий, Ю. Мазуренко, А. Речицкий, Н. Авдиевко, М. Яворский. Главным их требованием было создание «самостійної Української Народної Республіки», а потом — суверенной независимой Украинской Социалистической Республики [7, с. 203]. «Незалежники» предлагали признать власть Советов, но VI конгресс УСДРП отверг это предложение и заявил о необходимости решительной борьбы с большевиками [6, с. 419]. В результате этого «незалежники» покинули конгресс и организационно порвали с УСДРП. В это же время официально вышел из состава УСДРП и Симон Петлюра, чтобы, как отмеча-

лось в его заявлении, «принадлежность к последней не связывала ему руки в государственной деятельности [4, с. 194]». Чем эта «государственная деятельность» характеризовалась — общезвестно.

Сразу же приобрел ускорение процесс падения авторитета и численности партии. В январе Екатеринославский комитет информировал ЦК б уменьшении численности партийной организации в 10 раз. 24 февраля Николаевская организация извещала, что Николаев имеет «чрезвычайно мало сознательных украинцев, а также партийных работников». Аналогичные сообщения поступали в ЦК УСДРП из Одессы, Полтавы и других городов [17, с. 96].

А что же с «незалежниками», которые предлагали и были готовы идти на сотрудничество с большевиками? Вскоре ЦК КП(б)У квалифицировал УСДРП — «незалежників» как основную из партий кулацкой контрреволюции и против них были развернуты массовые репрессии.

ЦК КП(б)У проводил тактику раскола своих политических оппонентов. В апреле 1919 г. всем течениям, которые разорвут организационные связи с УСДРП, гарантировалось право на представительство в органах власти и издание своих печатных органов. Однако уже в августе 1919 г. ЦК КП(б)У принимает решение о недопущении представителей и выходцев их других партий в Советы [16, с. 132].

Оппоненты большевиков выдвинули тезис об объединении всех коммунистических сил в Украине в единую украинскую коммунистическую партию — УКП. Но большевикам это было никак не по вкусу, и в 1925 г. «укаписты» объявляются партией «врагов народа». Коминтерн под давлением Москвы принимает решение о ее роспуске, а официальная большевистская пресса продолжает кампанию борьбы с инакомыслием [3, с. 182]. С этого времени, набирая обороты, пошел процесс утверждения в Украине однопартийной диктатуры большевистской партии. Вместе с тем, как подчеркивал еще Антонио Лабриола, ставший действительностью вариант исторического развития часто несет на себе следы тех тенденций, которые не смогли одержать верх в политическом столкновении или победили лишь частично [10, ст. 66]. Так и в этом случае: вся последующая история развития системы государственного устройства Украины несла на себе отголоски политического плюрализма и его уничтожения [1, с. 84].

Список литературы: 1. Басманов В. И. Борьба Советского государства с мелкобуржуазной контрреволюцией.— Ярославль, 1985. 2. Бухарин Н. И. Экономика переходного периода.— М., 1918. 3. Верг Н. История Советского государства. 1900—1991.— М., 1992. 4. Вишниченко В. Відродження нації. У 3-х т. Т. 3.— К., 1990. 5. Історія України: курс лекцій: У 2-х кн. Кн. 2— XX століття.— К., 1992. 6. Історія Української РСР. У 2-х т. Т. 2.— К., 1967. 7. История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1966. В 2-х т.

Т. 2. — М., 1970. 8. История Украинской ССР. В 10-ти т. Т. 6. — К., 1984. 9. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Известия ВЦИК Советов. — 1918. — 19 июля. 10. Лабриола А. Очерки материалистического разумения истории. — К., 1960. 11. Милуков П. Н. Воспоминания. — М., 1991. 12. Пионтковский С. А. Гражданская война в России. 1918—1921. — М., 1925. 13. Полонська-Василенко Н. В. Історія України. В 2-х т. Т. 2. — К., 1992. 14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. — 2-е изд. — М., 1918. — № 10. 15. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. — № 12. 16. Хесин С. С. Становление пролетарской диктатуры в России. — М., 1975. 17. Юрченко О. Українсько-російські стосунки після 1917 р. в правовому аспекті. — Мюнхен, 1971.

А. М. Запорожец, д-р юрид. наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ ПРАВА УКРАИНЫ

Формирование государственности с неизбежностью поставило вопрос о наведении порядка в действующем и предполагаемом к изданию законодательстве Украины, определенном упорядочении всей правовой системы. Нынешний стремительный скачок в законодательстве — объективное явление, однако, как и всякий социальный процесс, предполагает широкое использование субъективного, человеческого фактора. Это позволяет утверждать, что речь идет о двуедином явлении. При его анализе необходимо учитывать данное обстоятельство и на этой основе попытаться наметить пути дальнейшего совершенствования и систематизации законодательства, формирования структуры права.

Для достижения поставленной цели в первую очередь следует определить хотя бы минимальный рабочий инструментарий, посредством которого возможно рациональное научное исследование реального массива нормативного материала. В частности, требуется уяснить, что понимается под структурой, есть ли потребность в этом образовании, либо более точнее исходить из общепостоявшегося положения о системе законодательства. В юридической литературе в последние годы стало складываться утверждение о том, что указанные понятия представляют собой некое комплексное научное положение. В частности, «структуру права можно рассматривать в качестве внутренней формы, а систему законодательства — внешней» [1, с. 58]. Следуя этому суждению и в соответствии с требованиями формальной логики, в самой внутренней форме, как и в системе законодательства, опять-таки необходимо видеть и содержание, и форму. Эту дифференциацию далее можно продолжать и в конечном счете дело закончится абсурдом.

Следовательно, такое утверждение, с одной стороны, не решает

поставленную задачу, а с другой — позволяет говорить, что право необходимо рассматривать как некую самоорганизующуюся систему [13, с. 361], в которой происходят сложные структурные преобразования в ходе ее развития и совершенствования. Как любая система, она формируется и по объективным принципам, одновременно испытывает влияние субъективных факторов структуризации: потребность в определенном законе, его прохождении, принятии и вступлении, реализация в практику, место закона в правовом механизме, дополнение и уточнение, отмена, прекращение действия, последствия его функционирования, непосредственная предопределенность законодательства содержанием государственной деятельности, его служебная роль и зависимость и др. При этом структура включает в себя и систему законодательства, и систему права при непосредственном первенстве первой. На это обстоятельство обратил внимание Знаменский Г. Л., утверждающий, «что система законодательства в не меньшей мере объективна, чем система права, поскольку именно она первой реагирует на прогрессивные структурные изменения в государственной и общественной жизни [5, с. 60—61].

А в общем плане, очевидно, надо согласиться с утверждением Шебанова А. Ф. о том, что «...советские законы и подзаконные нормативно-правовые акты в их совокупности можно представить как гигантскую структурно-сложную, динамическую систему, обусловленную общностью основных принципов, целей, исходных понятий и конструкций и состоящую из большого числа взаимосвязанных звеньев, которые сами представляют самостоятельные, причем тоже сложные правовые системы» [11, с. 33]. Данные системы, безусловно, подчиняются определенным требованиям расщепления нормативного материала на основе факторов системообразования. В юридической литературе на эти обстоятельства обращалось внимание. В частности, И. Сабо таким центральным методом считает инкорпорацию, утверждая, что в случае изменения или дополнения основных частей кодексов или других нормативных актов эти изменения и дополнения включаются в их первоначальный текст [8, с. 172].

Однако такие суждения не оказали существенного влияния на проблемы упорядочения законодательства. Массив законодательства и тогда, и особенно теперь растет необыкновенно высокими темпами, а вопросы его научного распределения практически не решаются. Очевидно, недостаточно обоснованный методический подход не позволил решить поставленные вопросы.

Методология состоит в том, что необходимо на базе основных понятий системного подхода наметить все же пути упорядочения нового, нарождающегося законодательства Украины. Известно, что и после международной конференции ЮНЕСКО в январе

1959 г. не только не сблизились подходы в понимании сущности «системы» и «структуры», а наоборот еще более усложнились. И все же некоторые исследователи отмечали, что, например, в математике и логике понятия «система» и «структура» по существу совпадают. Такой вывод, очевидно, невозможен в отношении права, ибо, как уже было показано, структура — понятие более глобальное и всеобъемлющее, нежели система. Ибо, если система предопределяется лишь внутренним распределением законодательства, структура права представляет собой объективно формируемый макроуровень правовой организации жизни определенного общества, т. е. структура наряду с законодательством включает в себя весь массив иных правовых предписаний, установлений, обычаев, иных правил поведения. В этом плане следует критически подойти и к новейшим исследованиям в данной отрасли. Вряд ли можно согласиться с утверждениями А. П. Коцюбы, что правовая система состоит из таких частей: системы права, системы законодательства, систем законодательной, исполнительной и судебной властей и системы правоохранительных органов [4, с. 11—12]. Думается, что автор проявляет чрезмерно узкий подход в унификации правового массива Украины, тем самым проявляет излишнюю ограниченность и неполноту оценки складывающейся правовой структуры.

В нынешних сложных, противоречивых условиях, когда историческая нить развития государственности обрывается, а новая рождается в муках и страданиях народа, говорить о какой-то четкой правовой структуре очевидно недопустимо, но тем не менее ее контуры следует обозначить и стремиться к их реальному воплощению. Право Украины в общем продолжает свое движение в сложившемся русле. Очевидно, такая тенденция и правомерна, и целесообразна, ибо социальный строй Украины продолжает оставаться неизменным. Вместе с тем в самом его содержании происходят резкие, иногда полярные противопоставления. При этом все же остается стабильной историческая правопреemptивность. Такие резкие колебания усложняют и правотворческую, и саму правоприменительную деятельность. Поэтому и требуется поиск новых форм, методов, средств формирования собственной структуры права. При этом нужно исходить из реального положения, которое складывается. А оно таково, что отрасль законодательства первична, она формируется в зависимости от потребности человеческой деятельности, объективно диктуется ходом социальных и экономических процессов. Ее идеальным, так сказать, условным слепком может быть отрасль права. Их совпадение — случайное явление. В большем своем временном интервале они находятся в различных состояниях — по объему, методам, механизмам и другим систематизирующим факторам. Поэтому отрасль

права как идеальное явление нужно считать чисто теоретической конструкцией, имеющей наряду с общепознавательным также и ориентировочное значение. Другая ситуация относительно отрасли законодательства. Нарботка огромного массива нормативного материала — свершившийся факт. В этой ситуации, очевидно, надо согласиться с утверждением И. Сабо и Л. С. Явича о том, что систему права нельзя строить по самому искусному плану, задача заключается в уяснении закономерностей ее развития [8, с. 371; 14, с. 93]. Вместе с тем при комплексном характере большинства новейших законов отраслевая их принадлежность несомненна, но говорить, что идет процесс создания отраслей права, неправомерно. В этих условиях идет речь о «строительстве» фундаментальных основ отраслей законодательства. Однако при этом нужно выяснить, по каким же правилам должна определяться эта деятельность, для чего следует избрать определенные методологические средства, вооружившись которыми можно получить окончательный ответ на поставленный вопрос.

А. В. Мицкевич обратил внимание на то, что комплексные сферы законодательства также имеют свой предмет, область регулируемых ими отношений [7, с. 20—21]. Такая позиция отвергает иное утверждение Иоффе О. С. и Шаргородского М. Д., что комплексные отрасли являются результатом систематики законодательства, не более [3, с. 362, 363]. В чем здесь сущность, есть ли здесь рациональные зерна? Суть, очевидно, состоит в том, что, действительно, к единичному, обособленному комплексному акту допустимо применение положений О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского. Но как только мы говорим об актах, регламентирующих комплексные сферы деятельности, допустимо использование утверждения Мицкевича А. В.

Под влиянием данных обстоятельств в правовой науке стала складываться позиция, отражающая практику законодательства. Речь идет о расслоении права и его дифференциации, реализуемой в нынешней законодательной деятельности. Концепции специализации и унификации законодательства в полной мере внедряются в законодательстве [1, с. 52—54; 9, с. 20—27]. Речь идет о формах и методах реализации данного процесса в законодательстве Украины. Возможны несколько направлений работы. Речь идет, во-первых, о текущем законодательстве в порядке решения вопросов, постоянно возникающих в деятельности государства, во-вторых, о подготовке и принятии комплексных актов, регулирующих значимые направления государственной и хозяйственной деятельности, в-третьих, — о принятии кодифицированных актов. Практика в полной мере использует все эти три направления. Но в ходе законодательства имеют место значительные объемы излишеств: дублирование, частные переработки, постоянные возвра-

ты к одной и той же проблеме. Все это объясняется одним — новое законодательство само по себе достаточно низкого качества. Возникает вопрос: как этого избежать, как оптимизировать эту деятельность, особенно в использовании третьего направления, так как было принято считать, что оно наиболее эффективное? Сложилось широко распространенное утверждение, которое воспринималось априорно, о том, что весьма удобно иметь кодифицированный акт. Правда, всегда подчеркивалось, что для этого необходимы определенные условия, в частности, наработка значительного объема нормативных актов. Тем не менее сейчас стоит более пристально оценить сложившуюся систему кодификации.

Существующие нынешние кодексы постоянно изменялись, дополнялись, происходили серьезные уточнения их содержания. В этом и заключается главный недостаток системы кодификации. В новых условиях изменяются все виды общественных правоотношений. Учесть и урегулировать их единоразово практически невозможно. Поэтому говорить сейчас о формировании кодифицированных актов вряд ли правомерно. Негативный опыт последних лет дает повод для серьезных раздумий. К примеру, Земельный кодекс Украины в течение практически полутора лет принимался дважды. К тому же и последний вариант нельзя считать оптимальным. Что касается Таможенного и Арбитражно-процессуального кодексов, то они оказались настолько несовершенными и ограниченными, что постоянно нуждаются в дополнениях, согласованиях и уточнениях. Кроме того, известно, что кодексы «обрастают» непомерным количеством подзаконных актов, которые в некоторых случаях вообще «опрокидывают» сам закон. В условиях, когда законотворчество стало повседневным явлением, такой подход в формировании структуры права нужно рассматривать как недостаточно эффективный, хотя и допустимый.

Известно, что в советской системе права сложилось два основных направления систематизации законодательства — кодификация и инкорпорация с известными формами, принципами и методами [10, с. 11—30]. Представляется, что наше понимание кодификации является чрезвычайно узким и потому нуждается в дальнейшем углублении и преобразовании. Речь идет о том, что форму кодифицированного акта может приобретать не только кодекс, но и Свод — кодифицированный акт по соответствующей отрасли законодательства. Естественно, речь идет о своде как целостной системе, высшем этапе кодификации. Практика развитых индустриальных стран пошла именно по такому пути. Давно было подмечено, что «для современной практики капиталистических стран характерно антикодификационное направление» [8, с. 185]. Правда, сам этот анализ был чрезмерно политизирован, а утверждение сторонников социалистической системы права в значитель-

ной мере абсолютизировано. К тому же это утверждение исключительно касалось только такого вида систематизации, как кодекс. Другие исследователи отмечали, что кодификация как таковая ведет к потере правом необходимой ему динамичности [5, с. 4]. В таких утверждениях была доля истины, ибо они отражают действительную практику законоотворчества. Однако в самом подходе вряд ли можно было усмотреть негативные черты, а тем более осуждать их. Скорее всего речь шла о своеобразном способе упорядочения огромных массивов законодательства. В этих условиях следует не абсолютизировать этот опыт, а учесть его положительные черты. Целесообразно использовать и практику российского правотворчества [12, с. 397—466, 335—340].

Следовательно, правовая структура Украины — это сложившаяся система законодательства, к которой непосредственным образом примыкают иные правовые нормы. В этих условиях наиболее оптимальным путем унификации действующего законодательства могло бы стать формирование Сводов законодательства Украины по соответствующим отраслям законодательства.

Список литературы: 1. Алексеев С. С. Структура советского права.— М.: Юрид. лит., 1975. 2. Дмитриев Ф. Д. Сочинения. Т. 2— М., 1900. 3. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права.— М.: Юрид. лит., 1961. 4. Коцюба О. П. Проблеми формування правової системи законодавства України // Правова система України: теорія і практика.— Київ, 1993. 5. Сов. гос-во и право.—1982.—№ 8. 6. Кулагин М. И. Гражданские и торговые кодексы в системе источников буржуазного права //Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. норм. актов: Гражданские и торговые кодексы.— М., 1986. 7. Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства //Уч. зап. ВНИИСЗ— Вып. 11.— М., 1967. 8. Сабо И. Социалистическое право.— М.: «Прогресс», 1964. 9. Сеньякин И. Н. Проблемы специализации и унификации российского законодательства //Гос-во и право.— 1993.— № 5. 10. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства //Под. ред. Братуся С. Н. и Самошенко И. С.— М.: Юрид. лит., 1962 г. 11. Шебанов И. Ф. Система законодательства как научная основа кодификации //Сов. гос-во и право.— 1971.— № 12. 12. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права.— Казань, 1902. 13. Юдин В. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем //Пробл. методологии системного исследования.— М., 1970. 14. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования общественных отношений.— М.: Госюриздат, 1961.

С. И. Максимов, канд. филос. наук

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Введение в контекст методологических и мировоззренческих проблем правоведения категории «правовая реальность» позволяет рассматривать право не просто в качестве надстрочечного явления, живущего лишь отраженной жизнью экономической струк-

туры общества, а как особый мир, имеющий собственную логику, с которой нельзя не считаться. Смысл проблемы правовой реальности заключается в выяснении того, «что» есть право и «как оно есть». Поэтому основным здесь является вопрос о бытии права, включающий проблему его онтологических оснований, присутствия в человеческом существовании.

Обычно правовая реальность воспринимается как совокупность внешних проявлений права, его предметных форм: норм, судебных решений, обычаев, законов, правоотношений и т. п. Таким предстает право в опыте человека как внешнего наблюдателя. С методологической точки зрения это означает, что правовые явления рассматриваются такими же, что и природные явления, т. е. как эмпирические данные, которые следует наблюдать, классифицировать и систематически объяснять в терминах общих принципов. Объяснения проверяются и подтверждаются логикой и опытом. Так как можно привести положительные примеры их применения и измерить эффект, то может иметь место и своего рода эксперимент. Такова позиция традиционной науки права, которая конституирует правовую систему хотя и из общественных, но все же наблюдаемых явлений, а применяемые ею методы для обработки этих «фактов» нередко мало чем отличаются от тех, которые используются учеными для исследования и обобщения естественно-научных данных.

С функциональной точки зрения право является инструментом изменения действительности, а его бытие оказывается растворенным в сфере государства, которое обеспечивает и процесс правотворчества, и процесс правореализации. Ценность права рассматривается как чисто инструментальная, оно есть просто полезное орудие для достижения определенных целей. Акцент здесь делается на формальной рациональности, т. е. на формулировании и применении абстрактных норм в процессе логического обобщения и толкования, выдвигении на первое место логической согласованности.

Однако при этом право оказывается без собственного основания. Оно или выносится во вне — в сферу экономических отношений, политической силы, или вообще отрицается сама постановка вопроса об объективных основаниях и содержательном критерии права, а дело сводится к формальному критерию государственной установленности на основе логически предполагаемой «основной нормы», как это имеет место в теории Г. Кельзена. Поэтому существование права лишь оправдывается с позиций рациональной и причинной обусловленности.

Человек же рассматривается как существо, действующее рационально и каузально, как в качестве объекта системы, управляемой правилами для достижения определенных целей, так и

в качестве субъекта системы, участвуя в процессе детерминаций этих целей. Его бытие в социальном порядке оказывается атомистичным и эгоистичным. Хотя человек вынужден согласовывать свою свободу со свободой всех, его рациональное «Я» не заинтересовано в других, выбирает лишь в соответствии со своими интересами и нейтрально ко всей системе.

В таком понимании право воспринимается как внешняя сила, проявляющаяся в объективности норм, в которых мы ищем спасения от субъективного произвола других. Такая сила хотя и обеспечивает порядок, но дегуманизирует человеческую жизнь. А поскольку право характеризуется как нечто утилитарно-ценное, но не раскрывается его безусловная ценность для человеческого существования, инструментальный подход к праву содержит опасность «правового нигилизма».

Таким образом, рассмотренный подход представляет собой сциентистский взгляд на право как предметно-эмпирическую реальность, которая отождествляется с функционированием позитивного права. В той или иной мере данная позиция тяготеет к правовому позитивизму.

Однако такой взгляд сильно обедняет картину правовой реальности. Он должен быть дополнен альтернативным подходом, исходящим из внутреннего опыта человека как участника правового общения и поэтому может быть обозначен как коммуникативный. Суть его состоит в требовании относиться к праву как особому миру, осуществляющемуся в определенных смысловых полях и выражающемуся в правовом этосе. Здесь происходит смысловое конституирование права из самоочевидностей (презумпций), которые принимаются безусловно. Нельзя просто ввести право, а необходимо уловить и воспроизвести его смыслы. Это осуществляется в правовом общении, в процессе которого люди стремятся к достижению консенсуса. Если этого не происходит, то мир права не конституируется и законы не работают. Право, таким образом, должно первоначально свершиться вне пределов государства, в сфере гражданского общества.

Здесь делается акцент на проблеме поиска собственных оснований права. Однако решается она не через нахождение субстанциональной основы права в духе классической теории естественного права, а путем феноменологического описания внутреннего опыта участника правового общения, который не менее реален, чем опыт права как совокупности норм и процессов их реализации. Тем самым проблема обоснования права решается через выявление его укорененности в человеческом бытии. Вопрос о том, «что» есть право решается через уяснение вопроса о том, «что» есть мы сами.

Право не может быть выведено полностью ни из мира мора-

ли, ни из социального мира. Оно, как и мораль, религия, политика, есть способ нашего бытия в мире как бытия с другими. Так если этический способ бытия конституируется моим отношением к другим, которое мы испытываем через подлинность или ее отсутствие либо отрицание, а религиозный — моим отношением к неизведанному горизонту всех, испытываемым через трансценденцию и ее пределы, то право конституируется отношением между мною и целым, которое мы испытываем через порядок, существующий между всеми нами [2, Р. 42]. В праве мы находим наше место в социальном целом, потому что благодаря ему универсализируется частное. В то же время, требования права зависят от того, смогут ли содержащееся в них универсальное отдельные индивиды отнести на свой счет. Порядок, существующий среди нас, — вот результат того способа, каким мы находимся в праве. В подтверждении своей позиции сошлемся на убеждение американского историка и философа права Г.-Дж. Бермана, который, выделяя «правовое измерение общественной жизни», определял его как «разделяемое членами сообщества ощущение (любого сообщества, будь это семья, квартал или школа) того, что они связаны взаимными правами и обязанностями, исходящими от признаваемого ими всеми авторитета» [1, с. 90].

Мы «делаем» право в совместном бытии с другими до того, как знакомимся с ним или применяем его, и этот порядок испытывается всеми нами индивидуально как личностями до того, как мы испытываем его как граждане. Другими словами, право есть часть нашего бытия как человеческих существ, и поэтому юридическая теория должна в первую очередь сосредоточиваться на личности как «бытии в праве», а затем уже на таких внешних проявлениях права, как нормы, судебные решения, конкретные дела.

Однако личность или персона есть не атомарный индивид, а человек в его отношении к другим людям. Личность всегда конституируется другими, но не в объективном смысле, а в том, что осознает себя в отношении к другим, в отношении понимания его роли другими. Она есть структурное единство отношения и его носителя [3, Р. 121].

В содержательном плане первичное отношение права может быть обозначено как справедливость. Справедливость проявляется как человеческая готовность действовать в соответствии с требованиями прав и обязанностей. Она есть форма человеческого сосуществования и в таком качестве — эквивалент моего «да» по отношению к субъективности другого, или признания другого как субъекта, т. е. существа свободного и тем самым равного мне. Благодаря такому признанию, носящему взаимный характер, конституируется определенный порядок, связь между людьми через

систему прав и обязанностей. Этот порядок делает сосуществующих людей неким целым («мы»).

«Право другого» как требование справедливости в то же время есть обязанность субъекта по отношению к другому. Она не навязывается ему извне, а исходит из самого субъекта, поскольку является тем, благодаря чему он оказывается подлинным человеком. Оно есть «естественное право» в том смысле, что подразумевается в «природе» или «сущности» человеческого существования с другими. Можно даже утверждать, что «естественным правом» является сам человек в его качестве сосуществования с другими, т. е. в качестве личности. Это и есть та реальность, которая в эмпирическом выражении дает правовые отношения.

Качество личности не дано человеку ни «от природы», ни от Бога, ни априори, ни в силу «общественного договора». Человек становится личностью путем признания в бытии с другими людьми. Тем самым он конституируется как субъект права, как основополагающий элемент правовой реальности. По мнению немецкого философа права А. Кауфмана, именно личность как единство отношения к другому и его носителя есть тот онтологический элемент, благодаря которому можно идентифицировать принадлежность к собственно праву (но не в субстанциональном смысле) любого правового явления [3, p. 122—123].

Несубстанциональность основания права означает то, что из взаимного признания как сущности справедливости нельзя вывести ни одной нормы позитивного права. Здесь скорее применимо отношение не дедукции, а аналогии. Там, где имеют место отношения взаимного признания, конституирующие качество личности, там есть и право, и, наоборот, там, где их нет, где личности не гарантируется ей атрибутивно присущее (жизнь, свобода, собственность), там и право как таковое не реализуется.

Обоснование права идеей личности не дает четкого и единственно правильного ответа на возникающие вопросы. Для достижения взаимного понимания необходим дискурс, темой которого было бы «истинное право». Однако основанием дискурса, гарантирующим идентичность его содержания, а следовательно, основой и критерием всех изменений в праве, должна быть человеческая личность. «Идея права есть идея человека в качестве личности или она есть ничто» [3, p. 123].

Итак, рассмотренные подходы к праву делают акцент на различных сторонах правовой реальности: на ее предметных формах и смысловом содержании. В принципе оба подхода правомерны и юридические рассуждения могут исходить как из взгляда на право как систему норм, так и из точки зрения на право как способ бытия. Методологически они ориентируются на альтернативную перспективу отношения «человек — право», где роль челове-

ка определяется как «внешний наблюдатель» и «участник правового общения». Эти подходы взаимодополняют друг друга, поскольку внешний и внутренний опыт бытия человека в праве непрерывен. Вместе они задают концептуальный образ правовой реальности в единстве ее смыслового и предметного аспектов, сущности и существования.

Целостность и многогранность правовой реальности и ее укорененность в жизни могут быть описаны метафорой плавающего в море айсберга, где вершина его — это сторона права, данная в нашем внешнем опыте, его предметно-эмпирическая реальность, а его подводная (большая) часть и есть его смысловая реальность, благодаря которой право укоренено в человеческом бытии. Право не стоит в стороне от нас, а опирается на наш жизненный мир, как здание опирается на землю или айсберг опирается на воду.

Следует отметить, что в англо-американской юридической теории, например, давно признается сосуществование двух взглядов на право в форме теории социальных правил и теории нормативных принципов и даже отмечается тенденция стирания границ между ними, что в перспективе может привести к созданию синтетической теории [2, р. 43]. Что же касается нашей юридической теории, которая пока считается с правом преимущественно как системой норм и процессов их реализации, то для нее актуальной является задача освоения взгляда на право сквозь призму внутреннего человеческого опыта. Во-первых, потому, что, обращаясь только к внешним проявлениям права, а не к той реальности, где мы находимся лицом к лицу с нашим сосуществованием, невозможно выявить основания права и, следовательно, дать ориентир для теоретической, законодательной или любой другой юридической деятельности. Во-вторых, потому, что опыт человеческого бытия в праве является как бы «задним фоном» всех рассуждений о предметных формах права, корректирующим эти рассуждения. Внешние проявления права представляются нам такими, какими мы их знаем по присутствию в нашей жизни, в дорефлективных структурах нашего сознания. Этот опыт окажется действительно бесценным, если юридическая теория сможет дать ему рефлексивное выражение.

Список литературы: 1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования /Пер. с англ.— М., 1994. 2. Hicks S. Law and Being in Law as Way of Being //Human Being and the cultural Values. Athens, 1985 g.— Stuttgart, 1988. 3. Kaufmann A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations //Law, Interpretation and Reality. Essays in Epistemology, Hermeneutics and Jurisprudence.— Dordrecht — Boston — London, 1990.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЫБОРОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ УКРАИНЫ

Задача формирования в Украине демократического правового государства предполагает необходимость существенного изменения политической и правовой систем общества, развития демократических институтов, совершенствования избирательной системы, которая должна отражать складывающийся в республике экономический и политический плюрализм, новое соотношение социальных сил, изменяющиеся ценности и устремления общества. В любом государстве формирование органов власти, особенно ее высшего звена, имеет основополагающее значение для судьбы государства и общества, направленности политического процесса, развития демократии и самоуправления. В переходный период общества эта проблема особенно актуальна. Велико ее значение для стран СНГ. Отходя от командно-административного стиля решения вопросов в политической сфере, государственные структуры стремятся учитывать, с одной стороны, достаточно богатый мировой опыт государственно-правового регулирования избирательного процесса, а с другой — особенности менталитета народа, политического процесса, накопленные демократические традиции, уровень правовой культуры населения.

Из посткоммунистических стран на путь радикального совершенствования своих избирательных систем первыми пошли страны Восточной и Центральной Европы — Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия. Выбор в 1990 г. в этих странах избирательных систем осуществлялся в сложной политической обстановке и был нацелен на то, чтобы придать переходу к демократии легитимный характер, по возможности обеспечить широкое представительство населения в органах власти. Он был направлен на создание с помощью государственного механизма условий для эффективного решения накопившихся экономических и социальных проблем. В результате — Чехословакия, Румыния, ГДР выбрали пропорциональную избирательную систему, Болгария и Венгрия — смешанную систему, Польша сохранила мажоритарную с голосованием в два тура.

Проблема выбора оптимальной избирательной системы стала весьма актуальной для стран СНГ, в том числе Украины. Сегодня он определяется соотношением социальных сил в обществе, властных полномочий парламента и главы государства, конкретной исторической обстановкой, процессом формирования многопартийности, политического плюрализма, новых демократических

традиций, состоянием политико-правовой культуры законодателя общества.

В мире имеется три типа избирательных систем: мажоритарная, пропорциональная и смешанная. Существует мажоритарная система абсолютного и относительного большинства; пропорциональная предполагает жесткие с предпочтениями и полужесткие списки; смешанная система представляет собой комбинацию мажоритарной и пропорциональной систем в различных сочетаниях.

Мажоритарная система абсолютного большинства — это система определения результатов выборов, благодаря которой депутатские мандаты от избирательных округов получают только те кандидаты, которые собрали в установленном законом порядке большинство голосов. При этой системе другие кандидаты в депутаты не получают мандатов. При мажоритарной системе абсолютного большинства избранным считается тот кандидат в депутаты, который набрал абсолютное (или простое) большинство голосов от общей численности поданных голосов и признанный действительными по избирательному округу. Поскольку абсолютное большинство голосов при этой системе в первом туре набрать нелегко, то голосование проводится в два и более тура. Это особенно наглядно показала практика выборов в Верховный Совет Украины тринадцатого созыва.

Одним из существенных недостатков мажоритарной системы абсолютного большинства заключается в том, что голоса, которые были поданы за кандидатов, потерпевших поражение, пропадают. Поэтому при данной системе приходится проводить не только второй, но и третий тур голосования, что ведет к значительным материальным затратам. Однако, по мнению некоторых западных конституционалистов, это дает возможность образовать стабильное правительство, которое опирается на надежное большинство. Но эта система выборов не дает возможности установить четкое соответствие между действительным весом партии в политической жизни и ее влиянием в парламенте.

Мажоритарная система относительного большинства наиболее распространена. При ней избранным считается тот кандидат в депутаты, который набрал больше голосов, чем каждый из его противников в отдельности, хотя это превышение может составлять меньше половины голосов. При этой системе перевес, как правило, имеют большие партии, и не исключены ситуации, когда партия, которая набрала абсолютное число голосов избирателей, получает абсолютное большинство мест в парламенте или муниципалитете.

В зависимости от числа депутатов, которые избираются от каждого избирательного округа, различают одномандатную и многомандатную избирательную системы. При одномандатной от изби-

рательного округа идет один депутат, а при многомандатной — несколько депутатов.

Политико-правовая практика проведения выборов в западных странах показала, что мажоритарная система имеет определенные недостатки, и уже в XIX в. начался поиск более оптимальной избирательной системы с позиции пропорциональности распределения мандатов.

При пропорциональной избирательной системе депутатские мандаты распределяются между партиями пропорционально числу голосов, собранных партией в избирательном округе. Основное отличие этой системы от мажоритарной заключается в том, что она опирается не на принцип большинства, а на принцип пропорциональности между полученными голосами и мандатами. При применении этой системы округа являются многомандатными и выборы осуществляются таким образом, что каждая партия выдвигает свой список кандидатов и избиратель голосует за список своей партии в целом. Но в ряде случаев избирателю дается возможность определить свое отношение к кандидатам в этом списке.

Смешанная избирательная система — эта комбинация мажоритарной и пропорциональной систем. Она менее распространена в мире, но имеет важное значение в переходные периоды общества.

По вопросу о выборе характера избирательной системы в Украине шли жаркие дискуссии, поскольку речь идет о принципиальных основах формирования органов власти и местного самоуправления, о возможностях тех или иных политических сил влиять на государственные структуры, направления общественного развития. Верховный Совет Украины 18 ноября 1993 г. принял новый Закон о выборах народных депутатов Украины, который был неоднозначно оценен различными политическими течениями Украины. Одни из них охарактеризовали его как нормативный акт тоталитарного прошлого, реанимирующий старую избирательную систему и перечеркивающий принятые в демократическом обществе принципы политического плюрализма. Эти силы стояли за немедленное введение в политическую практику Украины пропорциональной избирательной системы. Другие доказывали жизнеспособность и целесообразность мажоритарной системы абсолютно большинства, аргументируя это тем, что в Украине нет объективных условий для перехода к пропорциональной избирательной системе, поскольку не сформировалась многопартийность, а имеющиеся политические партии малочисленны и невлиятельны. Отмечалось, что избрание депутатов на основе пропорциональной системы приведет к нестабильности правительства и его политического курса. В качестве аргумента проводилось и то, что в мире четко проявляется тенденция отхода от пропорциональных избирательных систем к мажоритарным, что обусловлено усилением

коррупцированности партийных кругов, нарушением избирательного законодательства, падением уважения к правящей элите, государственной и политической системе в целом.

Многие ученые Национальной юридической академии Украины, Академии правовых наук Украины, вузов республики, представители некоторых политических партий выступали за введение в Украине смешанной избирательной системы, при которой 25—40% депутатов избирались бы по пропорциональному, а остальные — по мажоритарному принципу. Последующая практика выборов народных депутатов Украины подтвердила обоснованность такого предложения. Но, к сожалению, в основу нового Закона о выборах была положена мажоритарная избирательная система абсолютного большинства, причем с более усложненной системой прохождения в депутаты. Из-за несовершенства закона выборы проходили в несколько туров, затрачены были огромные финансовые средства. Сам избирательный процесс характеризовался большой напряженностью, конфронтационностью, нарушением демократических основ. Многочисленные замечания и предложения правоведов и общественности по совершенствованию этого закона не были учтены. Поэтому имеется необходимость дать анализ закона в аспекте накопленного опыта его реализации и имеющейся практики нормативного регулирования избирательного процесса в других странах.

Новый Закон о выборах народных депутатов Украины от 18 ноября 1993 г. несмотря на то, что базируется, как и предыдущий Закон от 27 октября 1989 г., на мажоритарной избирательной системе, значительно отличается по порядку выдвижения кандидатов в депутаты, определению результатов выборов, гарантиям проведения кандидатами предвыборной агитации. Принципиальное значение имеет положение о том, что выдвигать претендентов на кандидатов в депутаты имеют не только трудовые коллективы и избиратели (не менее 10-ти избирателей), но и политические партии и их избирательные блоки. Впервые в избирательном процессе в Украине появились такие новеллы, как выдвижение не кандидата в депутаты, а претендента на кандидата в депутаты, сбор подписей в его поддержку не менее 300 избирателей, внесение денежного залога в размере 5 минимальных заработных плат, что, по мнению законодателя, должно было уменьшить число претендентов в депутаты. Однако этого не случилось. В некоторых избирательных округах было выдвинуто более 20-ти кандидатов в депутаты. Повышен также возрастной ценз для кандидатов в народные депутаты Украины, введен для них ценз оседлости — 2 года.

Анализ Закона и практика его применения свидетельствуют, что в нем более демократично урегулирована процедура органи-

зации и проведения выборов, но более жестко — определение результатов голосования. Поэтому, на наш взгляд, необходимо совершенствование положений Закона о выборах народных депутатов по следующим направлениям. Выборы народных депутатов следует проводить по смешанной системе, при которой половину депутатского корпуса формировать по мажоритарному, а половину — по пропорциональному принципу. Некомпетентность нынешнего Центризбиркома в некоторых вопросах выявилась довольно четко. Возглавлять окружные избирательные комиссии должны юристы. Центральную избирательную комиссию считаем необходимым тоже формировать только из юристов с высшим юридическим образованием или ученой степенью в области юриспруденции путем представительства от основных субъектов государственно-правовых отношений — Автономной Республикой Крым, 24-х областей, Киева и Севастополя. Тем самым территориальное представительство будет сочетаться с должным профессионализмом. В Законе необходимо более четко определить контрольные полномочия Центральной избирательной комиссии и механизм их осуществления на практике.

Избирательное законодательство предусматривает, что кандидат в народные депутаты Украины в любое время до дня выборов может снять свою кандидатуру в избирательном округе, обратившись с заявлением в избирательную окружную комиссию. Такое положение выглядит внешне демократично. Но, учитывая опыт многих стран, следовало бы установить, что если претендент снимает свою кандидатуру без уважительных на то обстоятельств (болезнь и пр.), избирательная комиссия должна отнести за его счет соответствующую часть понесенных комиссией затрат, включая и те, которые были выделены на его предвыборную кампанию, и прежде всего те средства, которые уже затрачены на предвыборную агитацию. Это важно с тех позиций, что немало кандидатов в депутаты несерьезно относятся к данному вопросу и не задумываются, сколько же стоит государству и народу его участие в выборах.

В Законе о выборах народных депутатов Украины от 27 октября 1989 г. существовало положение о том, что субъекты выдвижения кандидатов в депутаты имеют право в любое время до дня выборов отменить свое решение о выдвижении кандидата в народные депутаты. В соответствии с новым избирательным законом таким правом они не обладают. Считаем, что это существенный недостаток нового Закона, поскольку некоторые претенденты в кандидаты в депутаты после их регистрации иногда ведут себя неэтично, нарушая нормы морали, не уважая закон, своих конкурентов, а отозвать их кандидатуру практически невозможно.

В новом Законе о выборах народных депутатов Украины уста-

навливается, что предвыборные плакаты не должны содержать неправильных сведений или коммерческую рекламу, но не говорится, что в них не должно быть призывов к насильственному изменению конституционного строя, территориальной целостности Украины, информации, направленной на подрыв безопасности государства, разжигание расовой, национальной и религиозной вражды. Считаем, что такие ограничения следует закрепить в законе. Практика избирательной кампании в Верховный Совет Украины тринадцатого созыва показала, что печатание материалов предвыборной агитации — это, к сожалению, неконтролируемый процесс, и нередко печатались материалы, которые находились за пределами этики и морали, не способствовали общественному согласию. Поэтому, на наш взгляд, действующий закон о выборах народных депутатов Украины следует дополнить положением о том, что все агитационные печатные материалы должны содержать информацию об организациях и лицах, ответственных за их выпуск. Следует закрепить положение о запрещении распространения анонимных материалов. И если окружные избирательные комиссии имеют информацию о распространении таких материалов, необходимо принимать меры по прекращению этой деятельности. Считаем, что в Законе о выборах народных депутатов или в специальном нормативном акте, посвященном предвыборной агитации, следует определить этические правила поведения участников предвыборной агитации.

Практика проведения социологических опросов свидетельствует, что обнародование их результатов может довольно существенно повлиять на общественное мнение, на действия субъектов государственно-правовых отношений. Это касается и избирательных кампаний. Поэтому Закон о выборах народных депутатов следовало бы дополнить положением о том, что во время избирательной кампании запрещается обнародование результатов общественного мнения относительно рейтинга политической партии, избирательных блоков, отдельных кандидатов в депутаты. Считаем, что в законе также следует закрепить, что в период проведения избирательной кампании средства массовой информации не должны давать преимущество тем или иным кандидатам в депутаты, избирательным блокам, предвыборным программам (платформам). Важно установить, что злоупотребление правом на проведение предвыборной агитации, которое проявляется в распространении сведений и материалов, не отвечающих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию кандидатов в депутаты, их доверенных лиц, избирательный объединений, должно наказываться по закону.

Не только в Законе о выборах народных депутатов Украины, но и в других избирательных законах, на наш взгляд, следует

установить правило, что кандидаты в народные депутаты, претенденты в Президенты Украины, снимая свою кандидатуру с голосования в процессе избирательных кампаний, не должны агитировать за других кандидатов, претендентов, как бы «передавая» им голоса своих избирателей. Пока не прошло голосование, никто не может сказать, сколько голосов принадлежит каждому кандидату, претенденту и «передавать» они ничего не могут.

На избирательную кампанию значительное влияние оказывает, кто ее финансирует. В Законе следовало бы четко установить, что предвыборная агитация не может финансироваться за счет средств предприятий с иностранным капиталом. Например, в Положении о выборах депутатов в Государственную Думу Российской Федерации устанавливается, что на проведение избирательной кампании не допускается пожертвования со стороны иностранных государств, организаций и граждан, российских юридических лиц с иностранным участием, а также международных общественных объединений.

Считаем, что в Законе о выборах народных депутатов Украины следовало бы более четко закрепить процедуру освобождения доверенных лиц кандидатов в депутаты от производственных или служебных обязанностей во время избирательной кампании, более детально определить случаи признания выборов недействительными. Нынешняя обтекаемая формулировка п. 1 ст. 47 Закона может толковаться субъективно, произвольно.

В последние годы в Украине, как и в других странах СНГ, все более четко проявляется абсентеизм, т. е. нежелание граждан участвовать в выборах, что обусловлено целым комплексом объективных и субъективных факторов. Закон о выборах народных депутатов Украины устанавливает, что выборы считаются состоявшимися, если в них приняло участие не менее 50 процентов от числа избирателей, внесенных в списки избирателей данного округа. При обсуждении на сессии Верховного Совета Украины проекта Закона Украины о выборах народных депутатов было предложено установить, что выборы признаются несостоявшимися, если в них приняло участие менее 25 процентов избирателей, внесенных в списки. Это предложение аргументировалось тем, что возможна ситуация, что на повторное голосование, повторные выборы не придет больше половины избирателей. И последующая практика это опасение подтвердила. Выход из такой ситуации необходимо искать, по-видимому, на путях изменения законодательства, понизив, например, при повторном голосовании явку избирателей с 50 до 40 процентов.

Новый Закон о выборах народных депутатов по сравнению с законом 1989 г. устанавливает более жесткие условия прохождения в депутаты. И основное здесь в фразе «не менее 25 процен-

тов». В соответствии с Законом о выборах народных депутатов Украины от 27 октября 1989 г. при повторном голосовании избранным считается кандидат в депутаты, который получил большее число голосов избирателей по сравнению с другим претендентом. То есть в Законе не устанавливался минимальный процент прохождения кандидата в депутаты — 25 процентов, и это, на наш взгляд, было разумно. Гипотетично можно представить такую ситуацию: при повторном голосовании на избирательные участки пришло чуть более 50 процентов избирателей и при голосовании кое-кто вычеркнул не одного, а обоих кандидатов в депутаты или никого не вычеркнул. В результате эти бюллетени считаются недействительными, хотя выборы будут считаться состоявшимися, поскольку на них пришло более половины избирателей, внесенных в списки. Может получиться, что и один и другой кандидат в депутаты наберут по 24,9 процента от числа избирателей и никто не будет избран, поскольку не набрали 25 процентов. А вот придет ли избиратели в третий раз, сказать трудно. Надо учитывать и то, что все это ведет к огромным финансовым затратам на избирательную кампанию.

Формируя правовую систему независимой Украины, следует учитывать позитивный и негативный зарубежный опыт, в том числе избирательного процесса. Так, избирательный Кодекс Франции устанавливает положения, которые заслуживают внимания: голосование проводится только в пределах одного дня; оно должно проводиться только в воскресенье; ни один результат общих или частных выборов не может быть сообщен в прессе или с помощью аудиовизуальных средств до закрытия последнего избирательного бюро на территории страны.

Интересно решается в некоторых странах проблема борьбы с абсентизмом. Вряд ли можно считать Италию, Австрию, Мексику недемократичными государствами. Но в их конституционном и текущем законодательстве содержатся санкции по отношению к гражданам, которые не желают брать участие в выборах. Так, ст. 48 Конституции Италии устанавливает, что участие в голосовании является гражданским долгом, а ст. 11 Закона Италии о выборах в палату депутатов закрепляет, что участие в голосовании — это обязанность, от которой никто не может устраниваться. В соответствии с Федеральным Законом Австрии о выборах в Национальный Совет устанавливается, что каждый, кто без уважительных причин не идет голосовать, совершает административный проступок и наказывается штрафом в 3 000 шиллингов. При неуплате штрафа применяется арест на срок до двух недель. Такие же положения имеются в избирательном законодательстве Мексики. Согласно Конституции Португалии граждане обязаны сотрудничать с администрацией, которая занимается выборами (п. 4,

ст. 116). То есть во многих странах конституционное право участвовать в выборах, в формировании органов государственной власти рассматривается и как конституционная обязанность. И в этом есть большой резон. Гражданство — это постоянная политико-правовая связь лица и государства, которая проявляется в их взаимных правах и обязанностях. И если это так, то гражданин обязан выполнить свой гражданский долг.

Политико-правовая практика проведения выборов в Украине свидетельствует о необходимости поиска путей оптимизации избирательного процесса. В том числе и с позиций преодоления явления абсентеизма. Ясно, что решение проблемы с помощью штрафов как меры административного взыскания за неявку избирателей без уважительных причин на избирательные участки вряд ли можно признать оптимальным. Да и такая законодательная новелла не будет встречена с восторгом со стороны общественности. Может быть, выход селдует искать через понижение квоты обязательной явки избирателей на голосование. По данным западных социологов в обществе политически активны обычно 30—35 процентов граждан, и они считают, что пусть эти люди и решают судьбу страны. На наш взгляд, желательно, чтобы каждый гражданин выполнил свой гражданский долг по участию в выборах, не передоверяя решение своей судьбы и судьбы страны другим.

Соответственно это требует повышения уровня правовой культуры населения, выработки уважения к Конституции, к основам конституционного строя, к основополагающим государственно-правовым ценностям. Совершенствование избирательного законодательства, правового статуса субъектов избирательного процесса, учет позитивного опыта конституционного регулирования государственно-правовых отношений в политико-правовой сфере являются важнейшими направлениями формирования правового государства и дееспособных структур гражданского общества.

Н. П. Воронов, канд. юрид. наук,
А. А. Пономаренко

О ДЕМОКРАТИЗМЕ ВЫРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Развитие и осуществление демократических начал в деятельности органов местного самоуправления, усиление роли этих органов в решении вопросов хозяйственного, социального, культурного, природоохранного значения неразрывно связано с совершен-

ствованием их правовых актов, демократизацией процесса их выработки и принятия.

Правотворческий процесс органов местного самоуправления характеризуется определенным демократизмом, наиболее важными сторонами которого являются: а) самостоятельность органов правотворчества; б) участие граждан в выработке и принятии актов; в) коллективность и коллегиальность; г) гласность. В совокупности названные принципы создают условия и гарантии участия граждан в правотворческой деятельности органов местного самоуправления, обеспечивают выражение и реализацию воли и интересов граждан, способствуют эффективности правовых актов в выполнении общегосударственных и местных задач.

Самостоятельность органов местного самоуправления является существенной стороной демократического механизма осуществления гражданами власти на местах. Она закреплена в правовых актах [2, ст. 1, 3, 18], выражается во многих сторонах правового положения органов местного самоуправления в политической системе общества и государства, в деятельности этих органов и прежде всего в процессе выработки и принятия правовых актов, обеспечивает последовательный демократизм процесса. Это наглядно проявляется: в самостоятельном и окончательном решении вопросов местного значения на своей территории с учетом местных условий и особенностей и в пределах предоставленной законами компетенции без какого-либо предварительного разрешения, согласования или утверждения; в материально-техническом обеспечении процесса правотворчества, наличии своей коммунальной собственности, бюджета, необходимых для реализации принимаемых правовых актов; в создании организационно-правовых гарантий, системы демократических институтов, норм права, регулирующих процесс выработки и принятия правовых актов.

В демократическом обществе и государстве формирование и реализация воли граждан в правовых актах, создаваемых в результате правотворческого процесса, должны иметь подлинно демократическую основу, которая обеспечивается активным **участием граждан в выработке и принятии актов**. При этом используются самые разнообразные как коллективные, так и индивидуальные формы и методы участия граждан. Каждый гражданин, выражая свою волю, имеет право (или обязан) принять участие в этом процессе единолично или в составе определенного коллектива в качестве: а) избирателя, избирая правотворческие органы местного самоуправления — Советы; б) депутата, исполняя свои депутатские обязанности в Советах и их органах; в) работника исполнительно-распорядительных органов Советов; г) члена объединения граждан, трудового коллектива; д) участника собраний (по месту работы, жительства), съездов,

конференций, совещаний; е) приглашенного на заседание Советов, их органов с правом совещательного голоса; ж) члена специально создаваемых для выработки проектов правовых актов комиссий; з) специалиста, ученого, консультанта по тем или иным отраслям или правовым вопросам. Граждане могут высказать свои предложения, замечания по вопросам правотворчества органов местного самоуправления на приемах в государственных и общественных органах и организациях, в выступлениях по радио и телевидению, в печати, письменных обращениях.

Участие граждан в правотворческом процессе проявляется на всех его стадиях: проявлении инициативы принятия правовых актов, подготовке, обсуждении и согласовании проектов, принятии актов.

Идея о потребности правового регулирования тех или иных общественных отношений и выработки правового акта, как правило, возникает среди граждан. Коллективы граждан или отдельные граждане могут вносить предложения и ставить перед органами местного самоуправления, их руководителями вопросы о необходимости принятия того или иного правового акта.

Граждане участвуют и в подготовке проектов правовых актов. Они могут входить в состав специально созданных для этой цели комиссий, принимать участие в осуществлении проверок, сборе материалов для подготовки проектов актов. Для составления непосредственно текстов проектов привлекаются специалисты в той или иной отрасли, юристы.

Особенно наглядно проявляется активное участие граждан в процессе правотворчества органов местного самоуправления при обсуждении проектов правовых актов. Обязанность принятия решений местных Советов и их органов по важнейшим вопросам местной жизни только после предварительного обсуждения проектов этих решений населением закреплена законом [2, ст. 60, ч. 2].

Для организации обсуждения проектов правовых актов органов местного самоуправления используют выработанные практикой такие средства, как: предварительная рассылка проектов депутатам для организации их обсуждения в избирательных округах; публикация их в местной печати для организации предварительного обсуждения населением; доведение содержания проектов до сведения заинтересованных предприятий, организаций, учреждений для обсуждения на собраниях их трудовых коллективов, специалистами, учеными; оглашение их содержания на заседаниях Советов, их органов и обсуждение как депутатами, так и приглашенными лицами; согласование с руководителями заинтересованных предприятий, организаций и учреждений, юристами, специалистами.

Участие граждан в выработке и принятии правовых актов ор-

ганов местного самоуправления свидетельствует о демократизме этого процесса и дает возможность непосредственно выявлять, обобщать и учитывать волю и интересы граждан, их мнение и предложения об изменении и улучшении проектов; позволяет устанавливать, предупреждать и устранять нарушения законности, ошибки, слабые стороны, неудачные формулировки проектов и принимать всесторонне обоснованные и эффективные правовые акты; своевременно изменять или отменять устаревшие акты, тормозящие общественное развитие; помогает определять общественные отношения, требующие правового регулирования, и вырабатывать новые, более совершенные решения; способствует развитию политической активности граждан, лучшему усвоению ими предписаний правовых актов, их соблюдению и исполнению.

Дальнейшая демократизация и совершенствование правотворческой деятельности органов местного самоуправления предполагает расширение общественных начал в этой деятельности, вовлечение в нее как можно большего числа граждан, предоставление им реальной возможности активно влиять на выработку и принятие правовых актов.

Для обеспечения широкого участия и эффективности использования граждан в подготовке и принятии правовых актов необходимо: а) более интенсивно развивать связи и усиливать взаимодействие этих органов с общественными объединениями граждан и трудовыми коллективами; б) эффективнее использовать различные формы непосредственной демократии — собрания, массовые обсуждения вопросов государственной и местной жизни, наказания избирателей, отчеты депутатов и руководителей исполкомов, их отделов и управлений; в) организовывать предварительное обсуждение проектов правовых актов по важнейшим вопросам на собраниях общественных объединений граждан, трудовых коллективов, по месту жительства граждан; г) шире практиковать публикацию призывов и обращений к населению об активном участии в подготовке сессий Советов, обсуждении проектов актов и внесении по ним предложений. Представляется целесообразным определить и законодательно закрепить перечень вопросов, по которым проекты правовых актов органов местного самоуправления должны выноситься на обсуждение граждан. Таковыми могут быть вопросы о планах экономического и социального развития, бюджете, обслуживании населения, застройке населенных пунктов, обеспечении законности и охраны прав и интересов граждан, охране природы, работы исполнительно-распорядительных органов, наказах избирателей.

Важное значение для демократизации и расширения способов участия граждан в процессе правотворчества органов местного

й регионального самоуправления имеет: совершенствование методики изучения общественного мнения; внимательное отношение к предложениям и замечаниям граждан, своевременное их рассмотрение, обобщение и учет при выработке и принятии правовых актов; дальнейший рост образованности, общей и правовой культуры населения, обеспечивающий компетентное участие его в правотворчестве; расширение юридических гарантий и правовых возможностей участия граждан, трудовых коллективов, общественных организаций в выработке и принятии правовых актов, внесении проектов актов на рассмотрение и решение органами местного самоуправления.

Органы местного самоуправления по своей социально-политической природе и организации деятельности являются коллегиальными органами и свою деятельность, в том числе и правотворчество, осуществляют на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и коллегиального решения вопросов, гласности, что закреплено и юридически гарантировано конституционным и обычным законодательством Украины [1, ст. 83; 2, ст. 1—3, 17, 22]. Это также свидетельствует о демократизме выработки и принятия правовых актов органов местного самоуправления.

Коллективность и коллегиальность в правотворческой деятельности органов местного самоуправления проявляется: в коллективном изучении состояния дел, сборе, обсуждении и анализе различных материалов для выработки проектов правовых актов постоянными комиссиями Советов, их исполкомами, отделами и управлениями, специально созданными комиссиями с участием граждан; в широком предварительном коллективном обсуждении проектов актов на заседаниях постоянных и временных комиссий, исполкомов, на собраниях трудовых коллективов, общественных организаций, по месту жительства граждан; в согласовании проектов с заинтересованными организациями, научными учреждениями, юристами, специалистами и должностными лицами; в коллективном обсуждении проектов актов на сессиях Советов депутатами и приглашенными лицами; в коллегиальном принятии правовых актов установленным законом кворумом и количеством голосов членов правотворческого органа. Все это обеспечивает активное участие граждан в этом процессе, позволяет использовать их коллективный практический опыт и знания, дает возможность находить более правильные и эффективные решения.

Демократизм выработки и принятия правовых актов органов местного самоуправления немыслим без **гласности** — открытого характера этой деятельности, широкой и систематической информации о ней. Гласность правотворческого процесса органов местного самоуправления характерна для всех его основных стадий: для проводимых мероприятий по подготовке проектов правовых

актов, предварительного обсуждения проектов, обсуждения и принятия актов на заседаниях правотворческих органов, широкого информирования граждан о принятых правовых актах и их реализации [3, с. 101, 106].

Особое внимание важно уделять гласности подготовки вопросов на заседания правотворческих органов и выработке проектов правовых актов, что обеспечивается прежде всего широкой информацией населения о заседаниях правотворческих органов самоуправления и о вносимых на их рассмотрение вопросах, обращениями к населению об активном участии в подготовке вопросов и высказывании по ним предложений.

Одним из основных способов выражения и осуществления гласности демократического процесса правотворчества органов местного самоуправления является массовое обсуждение проектов их правовых актов, право участия в котором гражданам предоставляет Конституция Украины (ст. 46). Для обеспечения гласности и организации широкого обсуждения проектов актов важно использовать различные средства массовой информации, публикацию проектов в местной печати, размножение и распространение их различными другими способами среди населения, оглашение содержания проектов актов на собраниях, встречах с трудовыми коллективами, населением, что позволяет выявлять и воплощать в правовых актах мнения и предложения граждан, удовлетворять их интересы. Однако, как отмечают некоторые авторы, данная практика еще не стала повседневной нормой деятельности органов местного самоуправления. Редко предварительно публикуются и обсуждаются проекты решений по наиболее важным, представляющим интерес для населения вопросам, что подтверждается проводимыми социологическими исследованиями [3, с. 103].

Гласность правотворчества органов местного самоуправления проявляется также и в свободном, деловом обсуждении и решении вопросов на их заседаниях, которые являются открытыми и в которых могут участвовать с правом совещательного голоса приглашенные представители государственных органов, других органов самоуправления, общественных объединений граждан, трудовых коллективов, представители средств массовой информации, что закреплено законом [2, ст. 60]. На указанных заседаниях оглашаются проекты правовых актов и все присутствующие имеют право и возможность принять участие в их обсуждении, дать им оценку, высказать свои замечания и предложения об изменениях и дополнениях проектов, полезности и целесообразности их принятия.

Выражается гласность правотворческого процесса органов местного самоуправления и в информированности граждан о принятых этими органами правовых актах и результатах их реали-

зации, создании условий для беспрепятственного ознакомления с ними.

В Законе Украины о местных Советах народных депутатов и местном и региональном самоуправлении регламентированы лишь общие положения о том, что решения Совета направляются соответствующим предприятиям (объединениям), организациям и учреждениям, должностным лицам и доводятся до сведения граждан, а также установлены предельные сроки доведения решений до сведения исполнителей после их принятия [ст. 22, ч. 4]. В некоторых случаях дополняют порядок и способы оглашения правовых актов органов местного самоуправления их регламенты. Поэтому органы местного самоуправления в большинстве случаев при выборе форм информации о принятых актах исходят, главным образом из традиций сложившейся практики.

Исходя из правового регулирования и практики можно определить следующие способы оглашения правовых актов органов местного самоуправления и доведения их содержания до сведения исполнителей: а) рассылка правовых актов государственным и общественным органам, организациям, должностным лицам; б) передача текстов актов по телеграфу, телефону, телевидению и радио; в) публикация правовых актов в местной печати, специальных бюллетенях, издание отдельными брошюрами; г) печатание текстов актов на листовках и вывешивание их на видных местах, специальных стендах, витринах; д) оглашение содержания правовых актов на собраниях граждан по месту жительства, трудовых коллективов, общественных организаций, при отчетах депутатов, руководителей исполкомов, отделов и управлений, их встречах и беседах с населением.

Для повышения уровня гласности принятия правовых актов органов местного самоуправления и своевременного их соглашения и вступления в силу представляется целесообразным разработать и юридически закрепить порядок, сроки и формы вступления в силу правовых актов, доведения их до сведения исполнителей, а также закрепить перечень вопросов, акты по которым должны быть обязательно опубликованы. К сожалению, действующее законодательство Украины очень мало внимания уделяет регламентации правотворческого процесса, в том числе и вопросов вступления в силу правовых актов и доведения их до сведения исполнителей. Поэтому предложения некоторых ученых о совершенствовании правового регулирования обнародования решений местных Советов [3, с. 114], введения в местной печати официального раздела по опубликованию решений [4, с. 20] являются актуальными и будут способствовать расширению гласности правотворчества, принятию всесторонне обоснованных и эффективных правовых актов.

Список литературы: 1. Конституция Украины. 2. Закон Украины о местных Советах народных депутатов и местном и региональном самоуправлении // Ведомости ВС Украины. — 1992. — № 2. Ст. 387. 3. Безуглов А. А., Кряжко В. А. Гласность работы Советов. — М.: Юрид. лит., 1988. 4. Принятые решения местными органами власти и управления. — М.: ИГП АН СССР, 1983.

М. В. Буроменский, канд. юрид. наук

ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ДЕМОКРАТИИ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

Изменение политического облика мира, особенно во второй половине 80-х годов, все большее осознание государствами общей ответственности за будущее человечества и цивилизации потребовали глобальной переоценки отношения к проблеме социально-политического выбора и необходимости обеспечения его действительной свободы. Это означает не только актуализацию уже существующих норм в области прав человека, но и появление норм свободного рода. Формируется международная концепция свободы социально-политического выбора, основанная на демократизации государственных режимов. Международное сообщество определенно ставит перед собой задачу стабилизации международной обстановки через стабилизацию политических режимов путем закрепления в международном праве юридически обязательных стандартов демократии. Причем речь идет не просто о международно-правовой политике в области прав человека, а о стремлении воздействовать на важнейшие внутригосударственные политические институты и в конечном счете изменять политические режимы в сторону их демократизации.

Несомненно, человеческая цивилизация имеет достаточный опыт политической организации общества, чтобы выработать такие важнейшие ее стандарты, которые должны существовать и поддерживаться в любом нормально, с точки зрения современных представлений, функционирующем политическом механизме, каковым является государство. Имеющийся у цивилизации опыт убеждает в том, что из существующих форм государственной власти высшей, исторически наиболее справедливой, гуманной и жизнеспособной является демократия. Современные модели демократических режимов, как показывает практика, политически наиболее стабильны и менее подвержены непредсказуемым эксцессам. Их политика защиты прав и свобод человека, несомненно, свидетельствует, по мнению А. Печчеи, о достижении обществом «достаточно высокого уровня зрелости и устойчивости» [9, с. 221]. «Демократии представляют собой собрание зрелых людей, — замечает П. Фейерабенд. — Но зрелость приобретает лишь тог-

да, когда человек принимает на себя ответственность за все события, происходящие в жизни страны, и за все принимаемые решения» [11, с. 133]. В этом смысле демократии наиболее способны эффективно бороться с глобальными потрясениями, охватившими весь мир и, следовательно, каждого человека в частности. К тому же современные демократии, не будучи изоляционистскими, наиболее открыты для международного контроля, что становится все важнее в условиях кризиса цивилизации. Поэтому стабилизация государственных режимов связана в конечном итоге с их демократизацией. В масштабах мира это величайшее политическое предприятие современности, которое должно разрешить, наконец, одно из главных, говоря словами С. Стояновича, противоречий столетия — между демократией и тоталитаризмом в пользу первой [10, с. 151].

Речь идет о чрезвычайно сложном процессе согласования общих идеалов и представлений о демократии с особенностями политической культуры в государствах. Профессор К. Райт замечал, что для каждой цивилизации характерен «собственный комплекс фундаментальных ценностей, которых придерживаются представители данной цивилизации и которые до известной степени определяют их выбор» [3, с. 40—41]. Очевидное преобладание в мире демократических режимов и дальнейшее увеличение их числа свидетельствуют об общности некоторых важнейших ценностных ориентиров в области организации государственной власти. Политическая культура XX века, несмотря на величайшие мировые потрясения, неразрывно связана с устремлением к демократии. Но появление международно признанных принципов и стандартов демократии не означает экстраполяции конкретных политических моделей ни в масштабах мира, ни в масштабах регионов. Хотя «демократия — вещь неудержимая», но это не значит, пишет Р. Дарендорф, что она укажет народам, куда им идти дальше [5, с. 70]. Парламентаризм, по словам А. Янова, — это лишь политическая форма, в которой возможен политический прогресс, и она не исключает самобытности развития [12, с. 6]. Международное признание принципов и стандартов демократии должно сыграть роль мощного, опирающегося на международное сообщество инструмента преобразования тоталитарных режимов. Оценивая польский опыт перехода к демократии, Т. Мазовецкий подчеркивал, как важно, чтобы «основная масса общества существовала на определенном уровне политической культуры» [7, с. 3]. Столь же необходим определенный уровень политической культуры в перестройке международных отношений, и международно-правовое закрепление принципов демократии можно рассматривать как один из путей его создания, как средство формирования политического единства государства в новой, более вы-

сокой организации международного сообщества, на основе общих демократических идеалов. Говоря словами Э. Макуинни, международное право используется для того, чтобы облагородить и сделать более цивилизованными международные отношения [8, с. 78]. В конечном счете в мире происходит «одушевление» того чувства «единой семьи» живущих на земле, которое, по свидетельству Президента Римского клуба А. Кинга, люди во многих странах сохраняют несмотря на стремление к децентрализации и автономии [6, с. 14]. Это чувство совершенно новое, но закономерное, в появлении которого не сомневался В. И. Вернадский в своих рассуждениях о необходимых условиях организованной ноосферы [4, с. 82].

Впервые обратившись к стандартам демократического социального политического выбора во Всеобщей Декларации прав человека, Генеральная Ассамблея ООН зафиксировала некоторые ныне широко известные основополагающие постулаты. В 1966 г. большинство из закрепленных в Декларации положений, а также ряд новых формулировок вошли в юридически обязательный Пакт о гражданских и политических правах. Тем самым была заложена основа международно-правовой концепции демократии, хотя речь пока не шла о возможности преобразования политических режимов, для чего и Декларация, и Пакт несомненно создавали определенные предпосылки. В дальнейшем более детальная разработка в масштабах международного сообщества документов такого уровня, как Пакты о правах человека, оказалась затрудненной. Но в резолюциях Генеральная Ассамблея неоднократно обращалась к проблеме демократии, заостряя внимание как на общетеоретических особенностях политического и социального устройства государства, так и на конкретных примерах политического режима отдельных стран. Один из характерных примеров — принятие Генеральной Ассамблеей ООН серии резолюций о проведении подменных и периодических выборов как законного источника власти в любой стране. Вклад ООН в формирование международно-правовой концепции демократии связан также с деятельностью Комиссии по правам человека, с практическими усилиями в организации выборов в Намибии и с подготовкой к проведению выборов в Камбодже, с направлением в ряд государств наблюдателей за выборами. Эта деятельность ООН влечет за собой появление в международном праве до сих пор не характерных для него норм, касающихся функционирования политической системы государств. Политический и правовой авторитет ООН придает таким нормам, даже в случае их весьма ограниченного действия.

О возможном уровне регионального сотрудничества могут свидетельствовать документы Совещания по безопасности и со-

трудничеству в Европе, особенно те из них, которые были приняты в последние годы. В итоговом Документе Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (июнь 1990 г.) подтверждено, что демократия является неотъемлемым элементом правового государства (п. 3), и содержится обширный перечень признаков плюралистической демократии и правового государства, которые страны-участницы согласились соблюдать. Среди принятых норм — «элементы справедливости, которые существенно необходимы для полного выражения достоинства, присущего человеческой личности, и равных и неотъемлемых прав всех людей»; гарантии народовластия для того, чтобы «воля народа, выражаемая свободно и честно в ходе периодических и подлинных выборов, служила основой власти и законности правительства»; определение важнейших демократических ценностей, практики и демократических институтов, от которых зависит существование жизнеспособной демократии; меры по активизации усилий по борьбе с тоталитаризмом, расовой и этнической ненавистью, антисемитизмом, ксенофобией и дискриминацией⁴ против чего бы то ни было, а также преследованием по религиозным и идеологическим мотивам [1, с. 135—149]. В целом в Копенгагенском документе впервые в международном праве сформулирована единая концепция демократического государства для практического ее применения. Это следует и из самого текста Документа, и из принятой в ноябре 1990 г. Хартии для новой Европы (преамбула), где представительная плюралистическая демократия рассматривается как «единственная система правления», которую участники СБСЕ обязуются «строить, консолидировать и укреплять» [2, с. 1]. Предлагаемая модель предполагает возможность не только коррекции, но и изменения на ее основе политических режимов. Возможно, именно перед таким радикальным выбором находится Албания, заявившая о намерении строить правовое государство в соответствии с европейскими нормами. Перед многими государствами появление международно-правовой концепции демократии ставит задачу ревизии и приведения своих режимов в соответствие с определенными внешними стандартами, а поскольку демократия рассматривается как общечеловеческая ценность, то и отказа от собственных, нередко далеких от нее представлений о демократии. Именно такая задача стоит и перед Украиной, поскольку она является участницей общеевропейского процесса.

Учитывая развитие интеграционных процессов во всех регионах мира, европейский пример политической интеграции не выглядит неповторимым, хотя остается пока единственным.

В условиях все более взаимосвязанного и взаимозависимого мира международному сообществу оказываются далеко не безразличными внутригосударственные политические и социальные

процессы, традиционно относимые к исключительной внутренней компетенции. Появляется практика активного и небезуспешного противодействия международного сообщества существованию государственных режимов, неприемлемых с точки зрения уровня развития существующей общечеловеческой цивилизации. Становится аксиомой международной политики необходимость изменения привычного взгляда на внутригосударственные процессы как на закрытые для внешнего мира. Идет процесс превращения проблемы выбора из сугубо внутренней в имеющую международное значение, с элементами международно-правового регулирования, которое должно охватывать и внешние, международные, и государственно-правовые аспекты права выбора. Предпринимаются меры по выработке на межгосударственном уровне обязательных стандартов демократичности политических режимов при сохранении особенностей многообразия выбора, идет поиск эффективных мер международного контроля за соблюдением этих стандартов, расширяются усилия по внедрению обязательной международной судебной процедуры, возрастает стремление использовать существующие международные структуры, механизмы интеграции для стабилизации внутренней и внешней политики государств. Все это можно рассматривать, как реакцию государств на происходящие в мире глобальные процессы, которые требуют существенных перемен в организации международного сообщества, а право выбора — как инструмент складывающегося механизма разрешения глобальных проблем.

Список литературы: 1. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ //Международная жизнь. — 1990.—№ 9. 2. Парижская хартия для новой Европы //Известия.—23 ноябр.—1990. 3. Бест Дж. Историческая эволюция морально-этических норм, касающихся войны и окружающей среды //Морально-этические нормы. Война. Окружающая среда.—М., 1989. 4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста.—М., 1988. 5. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопр. философии.—1990.—№ 9. 6. Кинг А., Шнейдер Б. Права человека //Лит. газ.—1989.—№ 1. 7. Мазовецкий Т. Интервью //Огонек.—1989.—№ 49. 8. Макуинни Э. От «классического» международного права к современному //Сов. государство и право.—1989.—№ 6. 9. Печен А. Человеческое качество.—М., 1985. 10. Стоянович С. От марксизма к постмарксизму //Вопр. философии.—1990.—№ 1. 11. Фейерабейд П. Избранные труды по методологии науки.—М., 1986. 12. Янов А. Где испытывается новое мышление // Известия.—1990.—8 дек.

Т. Н. Слинько, канд. юрид. наук

ПРАВОМОЧИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГЛАСНОСТИ

В условиях обострившейся экологической ситуации в Украине усилилось внимание государства к правовому регулированию

организации и деятельности средств массовой информации по обеспечению экологической гласности.

До недавнего времени жизненно важная для населения экологическая информация скрывалась либо замалчивалась или приукрашивалась. В значительной мере это было связано с несовершенством правового регулирования отношений в области экологического информирования. В последнее время наметилась тенденция создания должной правовой основы в деятельности средств массовой информации, что следует признать положительным. Так, в соответствии с действующим законодательством средства массовой информации рассматриваются как самостоятельная форма обеспечения экологической гласности. Например, в законе Украины «О местных Советах народных депутатов, местном и региональном самоуправлении» в редакции от 26 марта 1992 г. [2, 1992, № 28, ст. 387] закреплено, что в заседаниях Совета, его постоянных комиссий, исполкома вправе присутствовать представители средств массовой информации. По решению Совета и его органов их заседания могут транслироваться по телевидению и радио. Участие представителей средств массовой информации в работе указанных органов позволяет обеспечить широкую гласность принимаемых этими органами решений по экологическим и другим важным вопросам, даже если Советы не будут заинтересованы в информировании населения о принятых решениях.

Наиболее рельефно о средствах массовой информации как форме обеспечения экологической гласности говорится в постановлении Правительства республики № 100 от 28 апреля 1990 г. «О порядке и периодичности обнародования сведений об экологической, в том числе радиационной обстановке и состоянии заболеваемости населения», [4, 1990, № 8, ст. 42], в котором установлено, что определенная экологическая информация компетентными государственными органами передается средствам массовой информации для обнародования (п. 6).

Но к сожалению, в Законе Украины «Об охране окружающей природной среды» от 25 июня 1991 г. [2, 1991, № 41, ст. 546] не содержится даже упоминания о средствах массовой информации как форме обеспечения экологической гласности, хотя в ст. 25 Закона речь идет и об информировании о состоянии окружающей среды. Считаю, что это существенный недостаток данного Закона. Возможно, законодатель имел в виду, что это будет сделано Кабинетом Министров Украины при определении порядка информирования состояния окружающей природной среды, о чем сказано в этой же норме права. Однако даже при данном условии следовало бы в общих чертах сказать о средствах массовой информации, учитывая огромную роль этих средств в формировании

нии общественного мнения, в том числе применительно к экологическим проблемам.

Большое значение в обеспечении гласности, в том числе и экологической, имеет принятие закона «Об информации» от 2 октября 1992 г. [2, 1992, № 48, ст. 650] и закона Украины «О печатных средствах массовой информации (печати) в Украине» от 16 ноября 1992 г. [2, 1993, № 1, ст. 1]. В них определено правовое положение органов печати и других средств массовой информации, что свидетельствует о качественно новом этапе правового регулирования общественных отношений в данной сфере. По существу в Украине создана должная правовая основа регулирования информационных отношений. Следовало бы также закрепить в общих чертах правовой статус средств массовой информации в Конституции Украины, что имело бы существенное значение для обеспечения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, элементом которого является прежде всего обеспечение граждан Украины достоверной информацией о состоянии этой среды.

Поскольку средства массовой информации выступают специфическими и действенными средствами обеспечения экологической гласности, возникает необходимость в научно-обоснованном определении их правового положения по обеспечению ими экологической гласности. К таким вопросам относятся прежде всего права и обязанности органов средств массовой информации по осуществлению экологической гласности, взаимоотношения этих органов с предприятиями и гражданами, изъявившими желание получить соответствующую экологическую информацию, порядок информирования, разрешение возникающих разногласий в процессе осуществления информирования населения о важных экологических ситуациях, правовые последствия для органов массовой информации в случаях их отказа от информации населения и т. д. От правильного решения данных вопросов зависит реальное обеспечение экологической гласности.

Особое значение приобрела сейчас проблема по обеспечению прав граждан на безопасную окружающую среду, на информированность о ее состоянии. Эта проблема не только внутрисударственная, но и международно-правовая. В литературе обоснованно подчеркивается, что подвергающиеся риску лица должны быть своевременно проинформированы об этом, чтобы они могли принять необходимые меры самозащиты от последствий загрязнения окружающей природной среды. Поэтому все заинтересованные лица имеют право доступа к официальной информации любого вида о загрязнении окружающей среды [3, с. 127—128]. Это правильное положение должно обеспечиваться правовыми гарантиями применительно как к органам массовой информации, так и к лицам,

зайнтересованным в получении информации об экологической ситуации. Не исключены значительные трудности в получении экологической информации самими органами средств массовой информации от официальных государственных органов еще до публикации такой информации. Теперь уже стало известно об умалчивании высшими политическими и государственными органами власти и управления об аварии на Чернобыльской АЭС и ее последствиях. Право на получение достоверной экологической информации о состоянии радиационного фона имеют туристы и другие лица, приезжающие в Украину. И в этом большая роль принадлежит печати, другим средствам массовой информации. Это связано с таким правом человека, как право на жизнь. Более конкретно отдельные положения средств массовой информации по обеспечению экологической гласности закреплены в Законе Украины «Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности» от 8.02.95 г. [5, 13.04.95]. В законе устанавливается более четко приоритет безопасности человека и окружающей природной среды, права и обязанности граждан в сфере и использования ядерной энергии. В нем наряду с другими вопросами определены содержание радиационной безопасности, аварии и защиты, а также указаны конкретные органы государственной власти и управления, отвечающие за предоставление полной и достоверной экологической информации по безопасности ядерной установки или объекта, предназначенного для обращения с радиоактивными отходами. В обязанность этих органов входит периодическое распространение через средства массовой информации официальных сведений о радиационной обстановке на территории, где находятся ядерные установки и источники ионизирующего излучения. Органы, осуществляющие государственный контроль за состоянием экологической, в том числе и радиационной обстановки, обязаны информировать Министерство охраны окружающей среды и ядерной безопасности Украины, Минздрав Украины и их органы на местах об экологическом состоянии, которые после обобщения полученной информации обязаны передавать сведения средствам массовой информации, последние оперативно сообщать об этой информации населению Украины, а в необходимых случаях и за ее пределы. За нарушение законодательства в сфере использования ядерной энергии устанавливается юридическая ответственность (дисциплинарная, гражданская, административная и уголовная).

Возможности средств массовой информации по обеспечению экологической гласности определяются качеством нормативной регламентации их правового статуса. Считаем позитивным, что в Законе Украины о печатных средствах массовой информации (печати) дается понятие средств массовой информации (ст. 1),

перечисляются субъекты деятельности печатных средств массовой информации (ст. 7), дается подробно их компетенция.

Особое значение приобретает отбор экологической информации для последующего ее опубликования, так как это имеет принципиальное значение в процессе информирования населения о важных экологических явлениях. На это обоснованно обращается внимание в литературе [1, с. 21—22], при этом правильно указывается, что экологическая информация должна быть достоверной и полной, особенно по тем объектам, которые получили тревожный резонанс.

К средствам массовой информации относятся информационные агентства. Так, Постановлением Кабинета Министров Украины «Об Украинском национальном информационном агентстве (Укринформ)» от 27 ноября 1991 г. [4, 1992, № 1, ст. 4]. Украинское информационное агентство при Кабинете Министров преобразовано в Украинское информационное агентство (Укринформ). Этим же постановлением утверждено Положение о нем, в котором урегулированы все принципиальные вопросы деятельности этого агентства. Названное агентство является центральным информационным агентством Украины, деятельность которого рассчитана на всеукраинскую межреспубликанскую и зарубежную аудиторию. Своей деятельностью оно обеспечивает законное право каждого гражданина на правдивую информацию по любому вопросу, и прежде всего о деятельности высших органов государственной власти Украины, их внутренней и внешней политике. Соответственно Укринформ вправе давать и экологическую информацию, используя для этого средства массовой информации [п. 3].

Поскольку в Украине сформировалась единая система информационных агентств (бюро, представительства, корпункты, и т. д.), возникла необходимость в создании должной правовой основы их деятельности. Поэтому был принят Закон Украины об информационных агентствах от 28 февраля 1995 г. [5, 13.04.95 г.]. Учитывая, что информационные данные сейчас приобрели важное значение для всех сфер деятельности, включая и сферу экологии, которые должны тщательно анализироваться с выработкой конкретных государственных решений, Указом Президента «Об образовании Министерства Украины по делам печати и информации» создано Министерство Украины по делам печати и информации [5, 23.11.94].

Велика роль средств массовой информации в публикации законодательных актов, их проектов, в обсуждении законопроектов. Такую практику необходимо расширять. К сожалению, она не получила должного развития.

Имеется еще один аспект проблемы. В процессе действия законодательных актов в них вносятся изменения и дополнения.

Однако, к сожалению, они не всегда своевременно доводятся до сведения граждан, предприятий и организаций. Поэтому было бы правильным оговорить в законах о средствах массовой информации правило, согласно которому не только законодательные акты публикуются в газетах в обязательном порядке, но и изменения и дополнения к ним. Возможно, что следовало бы установить определенную плату за такие публикации, поскольку издательства работают на принципе самоокупаемости.

В заключение можно сделать вывод о том, что имеется определенная правовая основа деятельности средств массовой информации по обеспечению экологической гласности. Вместе с тем не все еще вопросы решены, особенно на республиканском уровне. Принятые в Украине законы об информации носят общий характер и не в состоянии учесть все особенности определенных видов информации, поэтому считаем что следует срочно уже сейчас существенно изменить конституционное регулирование информационных отношений. В Конституции Украины целесообразно установить принцип свободы информации, правдивости освещения события, недопущения монополизации любого средства информации, закрепить независимость массовой информации от государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. Конституционное закрепление экологической гласности должно найти четкое отражение в текущем законодательстве, в государственной концепции экологической безопасности Украины.

Список литературы: 1. Безуглов А. А., Кряжков В. А. Гласность работы Советов. — М.: 1988. 2. Ведомости Верховного Совета Украины. 3. Остин Р. К. Информация о загрязнении окружающей среды: гласность и доступность //Право окружающей среды в СССР и Великобритании. — М.: АН СССР, 1988. 4. СП Украины. 5. Голос Украины.

Н. М. Тищенко, канд. юрид. наук

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕКОТОРЫХ УЧАСТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Среди лиц, содействующих осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, видное место занимает эксперт — лицо, обладающее специальными познаниями в определенной области и привлекаемое к исследованию тех или иных обстоятельств дела.

Роль эксперта в производстве по делам об административных

правонарушениях в современных условиях возрастает. Так, при решении вопроса об административной ответственности за мелкое хулиганство возможно, а порой и необходимо привлечение эксперта для разрешения одного из важных обстоятельств дела — вменяемости нарушителя. В практике такие дела встречались, и отсутствие экспертизы приводило к необоснованному наложению административного взыскания на лицо, признанное затем невменяемым. Привлечение в качестве экспертов специалистов-зоологов и орнитологов целесообразно при рассмотрении дел об умышленном уничтожении животных, занесенных в Красную книгу. Целесообразным также представляется участие в качестве экспертов специалистов в области метрологии, товароведения и технологии производства по делам об административных проступках в области стандартизации, качества продукции, метрологии, торговли.

К сожалению, практика показывает, что при разрешении конкретных дел об административных правонарушениях органы и должностные лица, рассматривающие дела, не всегда используют возможности экспертизы даже тогда, когда это объективно необходимо для всестороннего, полного и объективного решения вопроса об ответственности.

Выяснение правового статуса эксперта, вопрос о котором в литературе освещен недостаточно, представляет интерес как с практических, так и с теоретических позиций. Участие эксперта в рассмотрении конкретного дела об административном правонарушении обусловлено объективными предпосылками и основывается на строгом соблюдении принципов производства. Законодательство устанавливает, что в случае, когда возникает необходимость в специальных познаниях, орган (должностное лицо), в производстве которого находится дело об административном правонарушении, назначает эксперта (ст. 273 КАП Украины). Эксперт, участвующий в производстве, наделен определенными полномочиями. В соответствии со ст. 273 КАП Украины эксперт обязан явиться по вызову органа (должностного лица) и дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Для этого он обладает конкретными правами — может знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы, заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, с разрешения органа (должностного лица), в производстве которого находится дело об административном правонарушении, задавать вопросы лицу, привлекаемому к ответственности, потерпевшему, свидетелям, если эти вопросы относятся к предмету экспертизы, а также присутствовать при рассмотрении дела.

Однако ряд моментов, характеризующих правовой статус эксперта в производстве по делам об административных правона-

рушениях, своего отражения в законодательстве до настоящего времени не получил. Это касается вопроса ответственности эксперта и обстоятельств, исключающих его участие в производстве. В кодексе об административных правонарушениях Украины содержится лишь ссылка на обязанность эксперта явиться по вызову органа (должностного лица) и дать объективное заключение. Такое предписание вряд ли можно признать правильным, так как оно не обеспечивает в полной мере эффективное участие эксперта в деле, его ответственность за выводы экспертизы.

В этом плане представляется целесообразным узаконить применение к экспертам, давшим заведомо ложное заключение, административных санкций. Это послужит важным фактором, обеспечивающим объективность решения по делу.

Действующим законодательством об административных правонарушениях порядок проведения экспертизы не регулируется, что можно рассматривать как его пробел. Представляется, что необходимо закрепить круг вопросов, связанных с назначением и проведением экспертизы в производстве по делам данной категории. Процесс производства экспертизы при рассмотрении дел об административных правонарушениях должен характеризоваться четким определением и закреплением функций и полномочий эксперта, что станет действенной гарантией поступления в распоряжение органа (должностного лица), назначившего экспертизу, объективного и достоверного заключения эксперта.

Решение о производстве экспертизы в административно-юрисдикционной деятельности оформляется обычно в виде письменных или устных ходатайств органа, должностного лица, в производстве которого находится дело. Целесообразно, на наш взгляд, установить, что назначение экспертизы должно оформляться отдельным процессуальным актом — постановлением, в котором должны быть отражены наименование органа либо указание на должностное лицо, назначившее экспертизу, место и время вынесения постановления, обстоятельства административного правонарушения, фактические и юридические основания назначения экспертизы, указание, кому поручается ее проведение, а также круг вопросов, подлежащих выяснению.

Вопросы, связанные с местом проведения экспертизы, обстоятельствами, препятствующими ее проведению, назначением конкретного эксперта, также требуют своего разрешения.

Подавляющее большинство экспертиз, назначавшихся в ходе производства по делам об административных правонарушениях, проводились, как видно из практики, в экспертных учреждениях. Однако привлечение экспертов из других учреждений, которые не признаны экспертными, не препятствует достижению объективной истины в производстве. В настоящее время сложилось поло-

жение, при котором те или иные органы (ГАИ, государственного пожарного надзора и др.) в качестве экспертов привлекают специалистов из своей отрасли; они обладают необходимыми знаниями, позволяющими правильно разрешить вопросы, возникающие при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Думается, что это вполне оправданно, тем более, что привлечение эксперта только из экспертного учреждения или из другого ведомства закрепления в кодексе об административных правонарушениях не нашло. Каждый орган или должностное лицо вправе разрешить вопрос о назначении экспертизы и ее проведения по своему усмотрению, руководствуясь интересами своевременного, всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств по делу. Что же касается факторов, исключающих возможность проведения экспертом исследования, то представляется целесообразным законодательное закрепление обязанности эксперта сообщить органу (должностному лицу), о наличии таковых. К ним следует отнести родственные отношения эксперта с кем-либо из заинтересованных в результатах экспертизы, лиц, участвующих в деле, служебную зависимость между ними или иные обстоятельства, которые существенно влияют на объективность экспертного заключения.

Таким образом, очевидно, что вопросы назначения и проведения экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях, правовой статус эксперта нуждаются в более детальной регламентации. По мере накопления практического материала, связанного с проведением экспертизы в рассматриваемом производстве, целесообразно расширить содержание ст. 273 КАП Украины, закрепив подробнее порядок проведения экспертизы, ее юридические последствия, ответственность эксперта за дачу заведомо ложного экспертного заключения, обстоятельства, исключающие проведение экспертизы, а также обязанность эксперта сообщить о них. Наряду с этим представляется правильным законодательно закрепить положение о том, что решение органа (должностного лица), о вызове эксперта обязательно для руководителя предприятия, учреждения или организации, где работает лицо, привлекаемое к участию в деле в этом качестве. Это сможет стать эффективной гарантией привлечения эксперта для участия в производстве по делам об административных правонарушениях, будет содействовать осуществлению в нем принципа быстроты и экономичности.

Действующее законодательство об административных правонарушениях совершенно не регламентирует участие в производстве специалиста. Не освещен этот вопрос и в административно-правовой литературе. Между тем практика показывает, что участие специалиста по определенным категориям дел не только же-

лательно, но и объективно необходимо. Более того, в ряде случаев специалист фактически участвует в производстве, не будучи закреплен в качестве такового законодательно. Так, при проведении предусмотренного ст. 264 КАП Украины личного досмотра обязательно участие специалиста-врача в случаях, если имеются достоверные данные о том, что похищенное либо предметы контрбанды скрыты лицом в естественных отверстиях человеческого тела. Разумеется, что проведение подобных действий каким-либо другим лицом недопустимо, поскольку при этом грубо нарушаются права и достоинство гражданина, подвергнувшегося досмотру, не исключена также и возможность нанесения ему определенных телесных повреждений. По некоторым категориям дел (ст. 129, 130 КАП Украины) специалист участвует в производстве практически во всех случаях. В качестве специалиста обычно привлекаются средние медицинские работники, осуществляющие забор проб крови для производства медицинского освидетельствования с целью установления наличия и степени тяжести алкогольного опьянения. На стадии возбуждения производства по делу об административном правонарушении участие специалиста возможно и при других обстоятельствах. Например, при составлении протокола об административном правонарушении по определенным категориям дел не исключено привлечение специалиста по фото- и киносъемке для фиксации обстановки совершенного правонарушения. Такого рода средства фиксации могут служить наглядным дополнением к протоколу, усилить его доказательственное значение.

Таким образом, сближаясь в определенной степени с экспертом, специалист все же занимает свое, особое место среди лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении. Его основное предназначение состоит не в формулировке и обосновании соответствующих заключений, а в оказании действенной помощи в обнаружении и фиксации доказательств по делу.

К сожалению, лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, редко используют помощь специалиста и технические средства, что, на наш взгляд, не способствует объективности выносимых по делам данной категории постановлений. Думается, что предписание о возможности использования научно-технических средств и привлечения в связи с этим специалиста должно найти отражение в методических рекомендациях для лиц, уполномоченных составлять протоколы о правонарушениях.

Касаясь вопроса о том, должен ли специалист подписывать протокол об административном правонарушении, заметим, что такая подпись в протоколе необходима, если специалист присутст-

вовал при его составлении и об этом в протоколе сделана соответствующая запись.

Представляется, что необходимо восполнить возникший в законодательстве пробел и закрепить процессуальный статус специалиста в производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотрев его права и обязанности, а также ответственность за отказ или уклонение от выполнения возложенных на него обязанностей.

Определяя процессуальный статус специалиста в производстве, необходимо закрепить его право подписывать протокол об административном правонарушении, вносить в его содержание замечания, касающиеся выполняемых им обязанностей. Важно предусмотреть обязанность специалиста явиться по вызову органа (должностного лица) для выполнения определенных действий по делу, связанных с использованием его специальных знаний.

Кроме этого, желательно расширить содержание ст. 275 КАП Украины, регламентирующей возмещение расходов потерпевшим, свидетелям, экспертам и переводчикам, включив в этот перечень и специалиста.

В. С. Яричевский, канд. юрид. наук,
Л. В. Яричевская, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

Длительное существование Украины в рамках монополюсно-централизованного правового регулирования финансовых отношений союзными государственными и партийными органами обусловило на первом этапе формирования и становления независимой государственности резкий кризис финансовой политики не только в ее экономическом содержании, но и в правовом оформлении.

Проблемы правового регулирования бюджетных отношений для каждого суверенного государства да и для международного сообщества имеют особое значение и занимают одно из ведущих мест в сфере социально-экономической политики, о чем свидетельствует конституционный уровень их регулирования. Законодательная власть Украины избрала вариант бюджетной системы, который принципиально отличается от ранее существовавшей, что и было закреплено в Законе «О бюджетной системе Украины». Впервые бюджетная система сформирована как система республиканского и местных бюджетов с принципом равной самостоятельности, основу которой составляют собственные и закрепленные законом доходы по всем звеньям бюджетной системы. Таким образом, ра-

нее существовавший тип единого государственного бюджета был заменен принципиально иным типом бюджетной системы, что позитивно было воспринято международным сообществом.

В процессе формирования текущего бюджетного законодательства государственные органы Украины в силу кризисных явлений в экономике не сумели реализовать собственные правовые нормы в области бюджетного регулирования. В связи с отсутствием необходимого объема источников доходной части республиканского бюджета Украины на 1992 г. Верховный Совет сделал беспрецедентный эксперимент: Постановлением от 20 декабря 1991 г. «О прогнозе Республиканского бюджета на I квартал 1992 года» передал законодательные полномочия по бюджетному регулированию Президенту Украины, который Указом от 18 января 1992 г. «О финансировании из Республиканского бюджета общественных мероприятий в I квартале 1992 года» реализовал предоставленные ему законодательные полномочия. Таким образом, на данном этапе бюджетного регулирования, несмотря на кризисную экономическую ситуацию, ни Верховный Совет, ни Президент Украины не отступили от законодательно закрепленных элементов бюджетной системы Украины.

Иное положение сложилось на основе Закона Украины «О Государственном бюджете Украины на 1992 год», утвержденного лишь 18 июня 1992 г. Уже в самом названии Закона появилась категория, отсутствующая в законе «О бюджетной системе Украины», а именно — Государственный бюджет Украины. Если таким образом законодательная власть изменила основы организации бюджетной системы Украины, то предварительно должны быть внесены изменения в закон «О бюджетной системе Украины». Однако в данном Законе таких изменений до настоящего времени не существует, т. е. текущее финансовое законодательство вступило в противоречие с конституционным законом по своей значимости и сути. За терминологическими категориями стоят принципиальные понятия, связанные не только с конкретными пределами полномочий законодательной власти, но и ущемляемыми в этой связи полномочиями представительных органов власти на уровнях регионального и местного самоуправления.

Установленное в ст. 13 закона «О государственном бюджете Украины» требование — передать на финансирование из бюджетов Республики Крым, областей, городов Киева и Севастополя расходы на дотацию предприятиям и организациям жилищно-коммунального хозяйства, автомобильного транспорта, метрополитенов и Севастопольского морского торгового порта в сумме 34,195,7 млн. руб. — прямо противоречит принципу самостоятельности бюджета каждой административно-территориальной единицы, что закреплено не только в законе «О бюджетной системе

Украины», но и в законе «О местных Советах народных депутатов, местном и региональном самоуправлении». Подобных примеров можно привести несколько. Анализ каждого из них показывает, что необоснованное изменение бюджетной системы влечет за собой подмену принципов бюджетного устройства и ущемление полномочий нижестоящих органов власти и экономических интересов административно-территориальных единиц. Подобную практику нарушения основ организации бюджетной системы законодательный орган продолжает в 1993 г., что негативно отражается не только на взаимоотношениях различных звеньев представительной власти и влечет углубление экономического кризиса; но и вызывает естественное недоумение международных экспертов в области бюджетного регулирования.

Проблемы мобилизации финансовых ресурсов в различные звенья бюджетной системы обострились вычленением из бюджетной системы целой группы финансовых фондов, обеспечивающих реализацию государственных функций — Пенсионного фонда, фондов государственной занятости населения, дорожных фондов, природа которых однородна с бюджетной системой, так как все эти фонды призваны обслуживать разнообразные государственные функции. В условиях болезненного состояния государственных финансовых ресурсов их распыление по различным фондам представляется не только нецелесообразным и разрушающим системность и целостность бюджетных фондов, но и создающим предпосылки для злоупотреблений в процессе исполнения этих фондов, что иллюстрируется результатами правительственной проверки деятельности Пенсионного фонда.

Организация бюджетной системы, основанная на Законе во всех стадиях бюджетного процесса, позволяет более целесообразно осуществлять концентрацию и маневрирование финансовыми государственными ресурсами. При этом сохраняется высший уровень контроля и гласности в стадиях составления, рассмотрения, утверждения и исполнения всех бюджетов при прямом воздействии представительных органов власти, тогда как государственные средства, изъятые у налогоплательщиков и направленные в финансовые фонды, которые регулируют исполнительные органы государственной власти, входят в противоречие с природой их общественного характера формирования и распределения посредством представительных органов власти.

Аналогичные проблемы возникают с той группой финансовых ресурсов Украины, которая отнесена к внебюджетным фондам. Полномочия Советов всех уровней образовывать и использовать внебюджетные фонды закреплены в ст. 16 закона «О бюджетной системе Украины», но в то же время не подкреплены юридической обязанностью по гласному их использованию и отчету об их ис-

полнении, а также соответствующей правовой ответственностью в случае обнаруженных злоупотреблений применительно к финансовым ресурсам, обращаемым через внебюджетные фонды всех уровней. Данный пробел должен быть устранен на законодательном уровне.

Природа источников формирования бюджетных и внебюджетных фондов по сути едина. При увеличении доходной части внебюджетных фондов пропорционально уменьшается доходная часть бюджетной системы. Данное положение можно проиллюстрировать примером с Республиканским внебюджетным фондом стабилизации экономики Украины, созданным Постановлением Верховного Совета от 27 марта 1991 г. Источниками формирования его доходной части определены: 20% суммы амортизационных отчислений предприятий и организаций всех форм собственности; прибыль предприятий и организаций, полученная от превышения договорных цен на продукты (работы, услуги) сверх установленных предельных уровней рентабельности; средства от выкупа трудовыми коллективами имущества государственных предприятий и организаций; 20% средств, поступающих от выкупа имущества государственных предприятий и организаций. В условиях, когда дефицит бюджетной системы превышает верхние пределы международных стандартов, возникает вопрос: можно ли названные выше источники доходов передавать в какие-либо фонды, кроме бюджетных? Ответ может быть только отрицательным. Недаром в бюджетном устройстве цивилизованных стран применяются такие рычаги, как секвестр, консолидированный бюджет — одна из важнейших составных частей бюджетного послания Президента и другие, опробированные практикой в различных экономических условиях, но почему-то до настоящего времени не воспринимаемые законодательной властью Украины.

Бесспорно и безусловно необходимо устранить противоречие категории в правовом регулировании бюджетных отношений, восстановить правовой режим бюджетной системы Украины, принятый в законе «О бюджетной системе Украины» как более прогрессивный по сравнению с действующим ранее центристским бюджетом и устанавливающий сбалансированную самостоятельность бюджетов всех уровней хотя бы по текущим расходам в период галопирующей инфляции и девальвации национальной денежной единицы. Представляется также необходимым сконцентрировать все государственные финансовые ресурсы в бюджетной системе и на этой основе решать оптимально взвешенные государственные функции.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРАВИЛ

В процессе государственного управления как промышленностью, так и другими отраслями, используются разнообразные правовые формы, в том числе нормативные акты. Одним из видов этих актов являются общеобязательные правила, которые содержат предписания, обязательные для исполнения всеми предприятиями, учреждениями и организациями. Посредством обязательных правил обеспечивается нормальное функционирование народнохозяйственных объектов, повышается эффективность промышленного производства, создаются безопасные и здоровые условия труда на промышленных и других предприятиях, возрастает безопасность производства, улучшается охота природной среды.

Одним из видов общеобязательных правил являются стандарты, играющие важную роль в производственной и иных сферах деятельности на современном этапе развития общества и государства. С их помощью определяется оптимальный порядок ведения работ, происходит быстрое развитие производственных сил, повышается качество выпускаемой продукции. Стандартами устанавливаются правила, обеспечивающие наиболее эффективную эксплуатацию производственных объектов (различных механизмов, энергетического оборудования и др.), рациональное использование топливных и энергетических ресурсов.

Содержание правил, устанавливающих стандарты, выражается в требованиях общего и технического характера, предъявляемых к организации технологических процессов, режиму работы и безопасной эксплуатации оборудования промышленных предприятий, качеству продукции и товаров народного потребления. В них устанавливаются пределы должного поведения людей-участников производства и иных лиц, которые своими действиями могут оказать на него определенное влияние или запреты. Соблюдение содержащихся в них правил обеспечивается возможностью применения к правонарушителям мер ответственности.

В теории и практике управления термин «Стандарт» является многозначным и используется в различных по смыслу словосочетаниях: «Стандартный режим», «Стандартный уровень» и др. Однако несмотря на многозначность этого термина, под стандартом, как правило, понимается образец, используемый для сравнения. При этом, с одной стороны, стандарт рассматривается как точный образец меры, с другой — определяется как документ, содержащий определенные требования. Точные образцы меры известны давно, а стандарты как документы на определенные требования — относительно недавно.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРАВИЛ

В процессе государственного управления как промышленностью, так и другими отраслями, используются разнообразные правовые формы, в том числе нормативные акты. Одним из видов этих актов являются общеобязательные правила, которые содержат предписания, обязательные для исполнения всеми предприятиями, учреждениями и организациями. Посредством обязательных правил обеспечивается нормальное функционирование народнохозяйственных объектов, повышается эффективность промышленного производства, создаются безопасные и здоровые условия труда на промышленных и других предприятиях, возрастает безопасность производства, улучшается охрана природной среды.

Одним из видов общеобязательных правил являются стандарты, играющие важную роль в производственной и иных сферах деятельности на современном этапе развития общества и государства. С их помощью определяется оптимальный порядок ведения работ, происходит быстрое развитие производственных сил, повышается качество выпускаемой продукции. Стандартами устанавливаются правила, обеспечивающие наиболее эффективную эксплуатацию производственных объектов (различных механизмов, энергетического оборудования и др.), рациональное использование топливных и энергетических ресурсов.

Содержание правил, устанавливающих стандарты, выражается в требованиях общего и технического характера, предъявляемых к организации технологических процессов, режиму работы и безопасной эксплуатации оборудования промышленных предприятий, качеству продукции и товаров народного потребления. В них устанавливаются пределы должного поведения людей-участников производства и иных лиц, которые своими действиями могут оказать на него определенное влияние или запреты. Соблюдение содержащихся в них правил обеспечивается возможностью применения к правонарушителям мер ответственности.

В теории и практике управления термин «Стандарт» является многозначным и используется в различных по смыслу словосочетаниях: «Стандартный режим», «Стандартный уровень» и др. Однако, несмотря на многозначность этого термина, под стандартом, как правило, понимается образец, используемый для сравнения. При этом, с одной стороны, стандарт рассматривается как точный образец меры, с другой — определяется как документ, содержащий определенные требования. Точные образцы меры известны давно, а стандарты как документы на определенные требования — относительно недавно.

Представления людей о стандартизации формировалось параллельно с ее развитием и отражало на различных этапах достигнутый уровень промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других отраслей. Международная организация по стандартизации (ИСО) в 1952 г. создала комитет по изучению научных принципов стандартизации (СТАКО). СТАКО и ИСО совместно разработали и приняли следующее определение термина «Стандартизация»: «Стандартизация — это процесс установления и применения правил с целью упорядочения деятельности в данной области на пользу и при участии всех заинтересованных сторон, в частности, для достижения всеобщей оптимальной экономии с соблюдением функциональных условий и требований безопасности. Она основывается на результатах науки, техники и практического опыта, определяет не только основу настоящего, но и будущего развития и должна идти в ногу с прогрессом. «Это определение в сжатой форме отражает все многообразие стандартизации, характеризует ее как деятельность, направленную на упорядочение, а не только на соблюдение каких-либо правил и условий. Последняя фраза определения подчеркивает связь стандартизации с прогрессом. Стандартизация, согласно определению ИСО, — это не механический отбор устоявшихся, обычно усредненных характеристик, а выбор или разработка наиболее оптимальных решений, рассчитанных не только на сегодняшний уровень науки и техники, но и учитывающий перспективы развития.

Стандартизация издавна помогала людям в их общественной жизни. Письменность, календари, система счета, денежные единицы, единицы меры и веса и др. были направлены на установление единых средств культурного и экономического общения людей, способствовали развитию человеческого общества и его культуры. Наблюдается стремление придать деятельности в области стандартизации более организованный и целеустремленный характер. Она расценивается как один из важнейших факторов современной технической революции, ставится в один ряд с использованием новых видов энергии, материалов, автоматизации и т. п.

Из определения, принятого международной организацией по стандартизации (ИСО), следует, что основная задача стандартизации — упорядочить хозяйственную деятельность; заменить ненужное многообразие деталей, узлов и изделий рациональной номенклатурой, установить оптимальные параметрические и размерные ряды изделий и т. п. Она создает предпосылки для организации и развития массового производства, которое позволяет широко применять автоматизацию и механизацию, а потому обеспечивает наиболее высокую производительность труда и является экономически наиболее целесообразным.

Разработка стандарта — это работа, связанная с глубокими теоретическими исследованиями и технико-экономическими расчетами: изучается существующее производство, выявляются нужды различных отраслей промышленности, учитывается опыт эксплуатации стандартизуемой продукции в передовых в техническом отношении странах, а в ряде случаев производится ее всесторонняя экспериментальная проверка.

Стандартизация всегда способствовала ускорению технического прогресса. Так, именно на ее базе были созданы и нашли широкое применение методы поточного производства, средства автоматизации и механизации производственных процессов. Например, высокая степень непрерывности производственного процесса на заводах автомобилестроения, основанная на стандартизации технологии и оборудования, строгой специализации участков, линий и рабочих мест, позволяет до минимума сократить складские запасы, повысить производительность труда, изготовлять изделия быстрее и дешевле.

С развитием промышленности и торговли стандарты все больше превращаются в средство улучшения управления, методов производства, обеспечения качества и взаимозаменяемости продукции. Архитектор Г. Б. Борисовский писал: «Стандарт прочно вошел в нашу жизнь, настолько прочно, что порой мы его уже не замечаем, подобно тому, как забываем об окружающем нас воздухе. Стандарт необходим для нас как воздух. Исчезни стандарт из нашей жизни — с ним исчезнет массовое машинное производство, и мы окажемся голодными и раздетыми» [1].

Следует также подчеркнуть, что стандартизация в одной отрасли оказывает непосредственное влияние на иные, смежные. Так, например, стандартизация применяемых на железнодорожном транспорте средств и материалов предопределила организацию и развитие производства в промышленности, строительстве, автомобильном транспорте, способствовала созданию целого ряда стандартизованных производств.

Стандартизация основывается на результатах новейших научных исследований и открытий, на передовом опыте производства и опыте эксплуатации изделий, она способствует достижению технического прогресса во всех областях человеческой деятельности и на всех этапах процесса создания материальных ценностей. В нынешних условиях стандарт — это, с одной стороны, средство защиты интересов потребителя, обеспечения взаимозаменяемости продукции, а с другой — инструмент улучшения условий производства.

Государство, вводя в действие стандарты путем издания нормативных актов, по существу определяет наиболее целесообраз-

ный технический уровень в той или иной области на основе отбора наилучших из всех средств, методов производства и материалов и подготавливает этим базу для дальнейшего развития технических и технологических процессов.

Стандартизация как метод широкого, организованного внедрения в промышленное производство результатов научных исследований ускоряет технический прогресс, делая его всеобщим достоянием, сокращает путь от научного эксперимента и открытия до промышленного освоения новой продукции или нового метода производства. Она позволяет установить единые объективные методы испытаний, унифицировать способы контроля и измерений, средства технологического оснащения производства, методы технической диагностики и прогнозирования. Особенно убедительно эти положения иллюстрируются на примере современного машиностроения. Все возрастающая сложность машин резко увеличивает продолжительность производственного цикла. В то же время развитие технической мысли ускоряет процесс морального старения продукции, вызывает необходимость частой смены объектов производства, а поэтому требует единых подходов к решению производственных и научно-технических задач. Этому служат стандарты.

Названные проблемы требуют повышения роли стандартов и улучшения качества продукции, широкого развития унификации в промышленности, значительного повышения уровня и техники средств измерений, установления единых систем технической документации в стране.

Сфера стандартизации постоянно расширяется. Устанавливаются стандарты на ряд технологических процессов, качество товаров народного потребления, продуктов питания, на правила приемки многих видов изделий, элементы научной организации производства, требования техники безопасности и различные виды документации, терминологии, систему классификации и кодирования. Стала очевидной потребность ускорения разработки новых стандартов. Государство в лице своих органов, представляя, поддерживая и защищая интересы своих граждан, проявляет инициативу в разработке стандартов, контролирует процесс становления, внедрения и соблюдения стандартов, отвечающих международным требованиям. Через систему органов государственного управления действующее законодательство способствует формированию и развитию национальной системы стандартизации, обеспечивающей регулирование производственно-технических отношений, а также правовую и экономическую защиту населения и производителей продукции, что является неотъемлемой частью в проведении государственной технической политики [2, 3].

Систематическая целенаправленная деятельность по стандартизации создает необходимые предпосылки для сотрудничества с зарубежными органами стандартизации. Важную роль в этом процессе играет ратификация Украиной 10 ноября 1994 г. соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и Европейскими сообществами и их государствами-членами, подписанного от имени Украины 14 июня 1994 г. в Люксембурге. Ратификация этого документа позволит нашему государству легче входить в общеевропейские процессы [4].

Список литературы: 1. Борисовский Г. Б. Красота и стандарт. — М., 1968. 2. Про забезпечення єдності вимірювань: Декрет Кабінету Міністрів України //Голос України —1993—11 трав. 3. Про Державний нагляд за додержанням стандартів, норм і правил та відповідальність за їх порушення Декрет Кабінету Міністрів України //Голос України.—1993—21 квіт. 4. О ратификации соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и Европейскими сообществами и их государствами-членами: Закон Украины //Голос Украины.—1994—23 нояб.

А. П. Гетьман, канд. юрид. наук

СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ

В любой отрасли права, равно как и в экологическом, наряду с материальными нормами существуют также и процессуальные нормы. Общим фактором, лежащим в основе деления правовых норм на материальные и процессуальные, является специфика общественных отношений, регулируемых названными видами норм. При этом вызывает возражение позиция В. Д. Сорокина, который полагает, что самая существенная особенность предмета любой процессуальной отрасли права состоит в том, что если в предмет материальной отрасли входят лишь качественно обособленные общественные отношения, то в предмет процессуальной — не только эти отношения, ставшие теперь уже правовыми под воздействием норм данной отрасли материального права, но и сама процессуальная деятельность компетентных субъектов [8, с. 16]. Представляется, что с методологической точки зрения не совсем верно включать какую-либо группу общественных отношений, урегулированную нормами одной отрасли права, в предмет другой отрасли права. При таком подходе нивелируется специфика как общественных отношений, так и регулируемых эти отношения материальных и процессуальных норм. Следует согласиться с мнением В. М. Горшенева, что предметом регулирования со стороны процессуальных норм в обществе являются отношения, складываю-

щиеся в процессе организационно-правовых форм деятельности по применению норм материального права [1, с. 220].

Каков же критерий (либо критерии, если их несколько) разграничения экологических материальных и процессуальных норм? Анализируя юридическую процессуальную литературу, касающуюся вопроса отличия процессуальных норм от материальных (иначе говоря; соотношения материальных и процессуальных норм): можно определить несколько позиций. Первая из них сводится к следующему: «Если норма материального права, определяя содержание прав и обязанностей субъектов права, отвечает на вопрос, что надо сделать для реализации этих прав и обязанностей, то норма процессуального права отвечает на вопрос **как, каким образом, в каком порядке** названные права и обязанности могут или должны быть реализованы» [7, с. 9—10].

А вот позиция по вопросу отличия процессуальных норм от норм материальных, принадлежащая В. И. Каминской. Подразделяя процессуальные нормы «в широком смысле слова» на организационные и процессуальные, она полагает, что в основе объединения «организационных и процессуальных» норм в одну общую группу лежит то, что они регулируют отношения, стоящие от базиса дальше, чем те, которые регулируют нормы материального права. «Отношения таких норм к экономическому базису, — пишет В. И. Каминская, — определяет и их особенности», и далее, «разграничение материальных и процессуальных норм строится на различии регулируемых общественных отношений с точки зрения их большей или меньшей близости к базису» [2, с. 67].

Названным выше позициям, как предоставляется, присуща характерная для многих нетрадиционно-процессуальных положений односторонность в исследуемом явлении, нечеткое определение в соотношении материальных и процессуальных норм. Процессуальные нормы рассматриваются как явления, производные от материальных норм. Констатация общего факта о необходимости существования процессуальных норм для реализации норм материальных очевидна. Вместе с тем служебная роль и производность не тождественные понятия; более того, при исследовании данного вопроса следует учитывать и такое явление, как процессуальная форма, которая имеет относительную самостоятельность, а следовательно, и специфические закономерности функционирования и развития [9, с. 14—15].

В функционировании и развитии рассматриваемой проблемы прослеживается достаточно четкая закономерность: взаимная, пусть даже и не равновеликая взаимозависимость материальных и процессуальных норм. Процессуальные нормы лишь в генетическом отношении производны от материальных норм. Главное же заключается в том, что они выполняют служебную роль по

отношению к материальным нормам. Последние, в свою очередь, зависят от процессуальных в своей реализуемости и жизненности. «Если реализация материальной нормы должна предшествовать ее применению, то отсутствие его необходимой процессуальной регламентации, — как считает П. М. Рабинович, — всегда означает **пробел в праве**, свидетельствует о недооформленности, неподготовленности механизма правового регулирования» [6, с. 14].

Таким образом, относительная самостоятельность экологических материальных и процессуальных норм, их взаимозависимость (хотя и не равновеликая) обусловлена служебной ролью процессуальных норм по отношению к материальным и возможностью реализуемости (жизненности) последних через применение процессуальных норм представляет собой **критерий** разграничения и одновременно соотношения названных норм.

Общепризнанной в юридической литературе является точка зрения, согласно которой применение материально-правовых норм — один из способов реализации права (наряду с такими формами его реализации, как исполнение, соблюдение и использование). При этом, как отмечал Д. А. Керимов, отличие применения правовой нормы от ее исполнения, соблюдения либо использования заключается в том, что первое всегда предполагает участие соответствующих государственных органов или их представителей, которые посредством издания актов применения права, имеющих юридическое значение, организуют выполнение правовой нормы [3, с. 96]. Иначе говоря, особенность юридической деятельности по применению правовых норм, в отличие от других способов их реализации, заключается в осуществлении активных действий, направленных на реализацию возложенных на участников разрешаемых индивидуально-конкретных дел субъективных прав и юридических обязанностей.

Рассматривая вопрос соотношения экологических материальных и процессуальных норм в аспекте приведенных выше рассуждений, допустимо говорить, что применение экологических материальных норм требует от соответствующих компетентных государственных органов осуществления определенной деятельности по их реализации. И поскольку такое применение связано с деятельностью государственных органов (Советов народных депутатов, органов государственного управления использованием и охраной окружающей природной среды и др.), то совершенно очевидно, что оно может иметь место лишь при соблюдении установленной процедуры, реализация которой находит свое выражение в процессуальных нормах [4, с. 13]. Таким образом, материально-правовая норма, чтобы стать регулятором экологических общественных отношений, должна быть связана с механизмом правового регулирования соответствующим процессуальным пред-

писанием. При отсутствии такой связи материально-правовая норма либо исполняется, либо соблюдается, либо используется. В противном случае она ограничивает диапазон своего воздействия уровнем правовой информации о должном правовом регулировании, правовым призывом или общей, абстрактной правовой декларацией, не имеющей прямого выхода на непосредственное регулирование экологических общественных отношений. Материальной нормой, лишенной процессуального оснащения, как полагает П. М. Рабинович, зачастую остается лишь «гласить», но не действовать [6, с. 14]. Подавляющее большинство нормативных актов бывшего Союза ССР были ярким тому примером и образцом «гласивших», но никак не действовавших. Принимаемые высшими законодательными и исполнительными органами бывшего СССР материально-правовые нормы, призванные урегулировать общественные отношения по обеспечению рационального использования природных ресурсов, их воспроизводства и охраны окружающей природной среды, оставались таковыми лишь на бумаге, в качестве благого пожелания законодателя, их принимавшего. Прав был Н. Т. Осипов, когда писал в своей монографии, посвященной исследованию проблем советского земельного права, что значительное число материальных норм земельного права **вовсе не имеют** (вы. мною — А. Г.) процессуального обеспечения. Процессуальный порядок их реализации на практике, как считает Н. Т. Осипов, не урегулирован ни земельно-процессуальными нормами, ни процессуальными нормами других отраслей права [5, с. 32].

Таким образом, под эколого-процессуальной нормой следует понимать установленное государством общеобязательное правило поведения, регулирующее общественные отношения, возникающие в процессе разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере принадлежности, использования и воспроизводства природных ресурсов, а также охраны окружающей природной среды.

Вопрос о классификации процессуальных норм экологического права имеет важное значение как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Исследование данного вопроса является одним из направлений развития эколого-правовой науки, связано с возможностью дальнейшей работы по совершенствованию и кодификации как уже имеющихся эколого-процессуальных норм, так и иных процессуальных норм в экологическом праве. Их классификация — необходимое условие для разработки и проработки положений проектов будущего Эколого-процессуального кодекса Украины. Практический аспект вопроса о классификации видится в том, что она позволит уже на современном этапе максимально обеспечить субъектам экологического права гарантии осуществления их субъективных процессуальных прав, устранить коллизии и различия в правовом регулировании однопорядковых об-

щественных отношений различными уровнями эколого-процессуальных норм, преодолеть имеющиеся пробелы в применении процессуальных норм экологического права.

Возможно предложить следующую классификацию процессуальных норм: а) по видам эколого-процессуальных производств или, как еще формулируется этот критерий в юридической литературе, по видам правовой деятельности государственных органов в сфере обеспечения рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды; б) по юридической силе или соподчиненности; в) по кругу субъектов права, на которых распространяется действие эколого-процессуальных норм; г) по объему регулирования; д) по их роли в регулировании общественных отношений; ж) по действию в пространстве; з) по действию во времени.

Список литературы: 1. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. — М., 1972. 2. Демократические основы советского социалистического правосудия /Под ред. М. С. Строговича. — М., 1965. 3. Керимов Д. А. О применении советских правовых норм //Сов. государство и право. — 1954. — № 5. 4. Краснов Н. И., Иконникова И. А. Процессуальные вопросы советского земельного права. — М., 1975. 5. Осипов Н. Т. Теоретические проблемы советского земельного права. — Л., 1972. 6. Рабинович П. М. Вопросы общей теории процессуальных норм права //Юрид. гарантии применения права и режим соц. законности /Под ред. В. М. Горшенева. — Ярославль, 1976. 7. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. — М., 1964. 8. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право — отрасль права //Сов. государство и право. — 1969. — № 8. 9. Управленческие процедуры /Отв. ред. Б. М. Лазарев. — М., 1988.

А. П. Радчук, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО КОМИССИОННУЮ ТОРГОВЛЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

В период перехода к рыночной экономике проблемы реализации выращенной продукции занимают важное место в науке сельскохозяйственного права. Они стоят не только перед крупными производителями продуктов сельского хозяйства, но и перед фермерами и иными мелкими товаропроизводителями.

Критический анализ действующего законодательства в области комиссионной продажи сельскохозяйственной продукции позволяет высказать некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства, что особенно важно в период разработки нового Гражданского кодекса Украины, иных нормативных актов, которые регулируют однотипные отношения.

Определение договора комиссии на продажу сельскохозяйствен-

ной продукции дано в ч. 2 ст. 395 ГК Украины. Данное определение значительно устарело не только по субъектному, но и по объектному составу. Комитент (препоручитель) — это как частное лицо, так и организация, которые дают поручения своему контрагенту (комиссионеру) произвести продажу на комиссионных началах сельскохозяйственной продукции, собственником которой он является. Комиссионер (торговый посредник) — это частное или юридическое лицо, которые обязаны выполнить принятое на себя поручение по реализации на комиссионных началах сельскохозяйственной продукции в точном соответствии с указаниями комитента.

Комиссионер, в свою очередь, вступает с третьими лицами в многочисленные отношения, которые регулируются другими договорами — в большинстве случаев договором купли-продажи.

В ГК Украины предусмотрено, что сторонами этого договора выступают колхозы и организации потребительской кооперации. В настоящее время возникли и продолжают возникать новые организационно-правовые формы хозяйствования на селе (фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы, ассоциации кооперативов, союзы крестьян, акционерные общества и др.). Новым товаропроизводителям необходимо предоставить возможность реализации продукции на комиссионных началах.

Объектом этого вида комиссионной торговли в соответствии с нормами ГК Украины являются излишки сельскохозяйственной продукции, т. е. только та часть продукции, которая осталась у товаропроизводителя после выполнения своих обязательств перед государством. Указами Президента Украины «О государственном контракте на сельскохозяйственную продукцию на 1995 год» [1] и «О государственном контракте на 1995 год» [2] установлено, что государство в лице уполномоченных Кабинетом Министров Украины центральных органов государственной исполнительной власти заключает государственный контракт с предприятиями и организациями всех форм собственности, которые занимаются производством сельскохозяйственной продукции. Предприятия и организации, принявшие к исполнению государственный контракт, имеют право реализовать продукцию на комиссионных началах после выполнения обязательств перед государством. А те предприятия и организации, которые не заключили такой договор имеют право самостоятельного распоряжения продукцией в том числе и посредством договора комиссии на продажу сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, автором предлагается следующая формулировка понятия рассматриваемого вида договора комиссии; «По договору комиссии на продажу сельскохозяйственной продукции ее производитель (комитент) поручает торговому посреднику (ко-

миссионеру) продать от своего имени и за счет комитента сельскохозяйственную продукцию с выплатой вознаграждения за предоставленные услуги».

Часть 3 ст. 399 ГК Украины предоставляет право комиссионеру заключать договор субкомиссии с другой организацией потребительской кооперации для реализации продукции за пределами его деятельности (административно-территориального района, где зарегистрирована эта организация потребительской кооперации).

Действующим законодательством Украины не ограничивается деятельность хозяйствующих субъектов определенными административно-территориальными образованиями. Каждое предприятие имеет право в соответствии с установленным порядком осуществлять и внешнеэкономическую деятельность. Такая деятельность за пределами Украины имеет целый ряд специфических особенностей. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности осуществляется по-иному, а поэтому заключение договора субкомиссии с комиссионером той страны, где будет производиться продажа сельскохозяйственной продукции, будет способствовать качественному и быстрому выполнению поручения комитента.

На основании изложенного ч. 3 ст. 399 ГК Украины желательно изложить в такой редакции: «Комиссионер, принявший сельскохозяйственную продукцию от комитента для продажи, вправе заключить договор субкомиссии с другим комиссионером (субкомиссионером) при необходимости реализации продукции за пределами Украины, если это право установлено соглашением комиссионера с комитентом».

Из предлагаемой формулировки ч. 3 ст. 399 ГК Украины вытекает необходимость дополнения этой статьи частью 4 следующего содержания: «Первичный комиссионер несет ответственность перед комитентом за исполнение субкомиссионером своих обязанностей по договору субкомиссии, если соглашением комитента и комиссионера не предусмотрен иной порядок». Это правило позволит комитенту быть уверенным в том, что в случае просрочки исполнения данного поручения он может обратиться к первичному комиссионеру с требованием по поводу надлежащего и полного исполнения условий договора. К тому же различные посреднические организации, имеющие опыт работы с иностранными партнерами, будут более требовательно подходить к поиску своих контрагентов. Соглашением комитента и комиссионера может быть установлен и иной порядок, если, например, иностранного субкомиссионера знает комитент, и это позволяет ему быть уверенным в надлежащем исполнении субкомиссионером своих обязанностей.

Также целесообразно дополнить ГК Украины статьей такого содержания: «По договору комиссии на продажу сельскохозяйственной продукции комиссионер, производящий розничную продажу, несет полную ответственность перед комитентом за надлежащее исполнение комиссионной сделки третьими лицами, если в договоре не установлено иное». Это позволит комитенту исключить контроль за непосредственной реализацией сельскохозяйственной продукции, сданной на комиссию. В процессе реализации продукции комиссионер выступает перед третьими лицами как собственник, действуя от своего имени в интересах комитента. Поэтому стороны в договоре купли-продажи должны руководствоваться правилами ГК Украины, которые регулируют данный договор, а именно: продавец обязуется передать имущество в собственность покупателю, а покупатель обязуется принять имущество и уплатить за него определенную денежную сумму. При этом принятия комиссионером на себя специального ручательства за исполнение третьим лицом сделки (делькредере) не требуется.

Глава 35 ГК Украины не содержит специального правила о порядке рассмотрения споров, возникающих в процессе исполнения комиссионного поручения. Поэтому предлагается дополнить статью 404 положением следующего содержания: «Спорные вопросы по представленному отчету комиссионера и по окончательному расчету, а также иные разногласия сторон разрешаются в установленном законодательством порядке, если стороны в договоре не установили иное».

Таким образом, спорные вопросы с участием граждан (физических лиц) согласно Гражданско-процессуальному кодексу Украины будут рассматриваться в общих судах, а споры между юридическими лицами независимо от форм собственности имущества и организационных форм — арбитражными судами Украины (ст. 1 Арбитражного процессуального кодекса Украины).

Рекомендуемые предложения о внесении изменений в Гражданский кодекс Украины направлены на то, чтобы детализировать те его общие положения, которые регулируют отношения по реализации сельскохозяйственной продукции на комиссионных началах с учетом новых условий хозяйствования, возникающих в период перехода к рыночной экономике.

Список литературы: 1. О государственном контракте на сельскохозяйственную продукцию на 1995 год: Указ Президента Украины от 16 января 1995 г. //Урядовий кур'єр. № 11, 21 січня 1995 р. 2. О государственном контракте на 1995 год: Указ Президента Украины от 18 января 1995 г. //Урядовий кур'єр. № 11, 21 січня 1995 р.

СИНДИКАТЫ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Организационно-правовые формы управления хозяйством СССР более чем за 70 лет многократно изменялись в зависимости от социально-политических и экономических задач, а подчас и по прихоти людей, управляющих государством. Особенно всякого рода реорганизации были присущи первому послереволюционному десятилетию, когда неясны были еще пути развития социалистического общества, происходили активные поиски оптимальных форм и методов хозяйствования, нащупывались наиболее эффективные производственные и правовые связи между непосредственными товаропроизводителями, между ними и органами управления. Одной из таких организационных форм стали синдикаты, выполнявшие в течение ряда лет наряду с трестами и предприятиями важные функции по осуществлению производственно-хозяйственной деятельности в стране.

Вопросам организации и деятельности синдикатов в литературе 20—30-х гг. уделялось немало внимания, однако их роль в становлении народного хозяйства заслонялась фигурой треста, автономного предприятия, исследованию правовой природы и функций которых придавалось основное значение.

С переходом к новой экономической политике основным звеном государственной промышленности становятся тресты, правда, первоначально (постановление СТО от 12 августа 1921 г. «О мерах по восстановлению промышленности и развитию производства» — см.: 6, 1921, № 63, ст. 462) трест называется еще «Особым объединением», организуемым на началах хозрасчета. Позднее правовое положение треста определялось «Общим типовым положением об объединениях (трестах)», утвержденным приказом ВСНХ от 12 сентября 1922 г. № 452 [3, 1922, № 5], где впервые официально появилось понятие «трест». Это положение было заменено Декретом ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1923 г. [6, 1923, № 29, ст. 336]. Все действовавшие уже тресты должны были перейти на новые уставы в соответствии с этим Декретом¹⁾. В связи со снятием промышленности с государственного снабже-

¹⁾ До этого правовое положение трестов определялось утверждаемыми для каждого из них положениями. Необходимо отметить, что в Украине понятие «трест» без установления его статуса появилось несколько ранее (Закон от 29 ноября 1921 г.) и в нем говорилось о возможности объединения промышленных предприятий в тресты (СЗ УССР, 1922, № 24, с. 715). Более подробно правовое положение трестов в УССР определял Закон от 2 февраля 1923 г. (СЗ УССР, 1923, № 25).

ния тресты вынуждены были обратиться к рынку как по вопросам материально-технического снабжения, так и по сбыту своей продукции. Участие в рыночных отношениях осложнялось отсутствием у трестов денежных кредитов, что лишало их возможности приобретать предметы первой необходимости для организации производства.

Нормальному производству и сбыту мешала и жесткая конкуренция между отдельными трестами. Для упорядочения деятельности трестов центральными органами принимались определенные меры — запрещались внеуставные сделки, в т. ч. покупка и продажа товаров, которые не производились трестами, резко ограничивались их экспортно-импортные операции (Декрет ВЦИК от 13 марта 1922 г. [6, 1922, № 24, ст. 260), Декрет ВЦИК и СНК от 16 октября 1923 г. [6, 1922, № 65, ст. 846] и др.). Категорически запрещалось частное посредничество (Декрет СНК от 2 января 1923 г. [6, 1923, № 1, ст. 4). Необходимы были новые организационные формы, позволявшие многочисленным трестам осуществлять сбыт их изделий и овладеть социалистическим рынком. Такой формой стали синдикаты. За 11 месяцев (с 1 марта 1922 г. по 1 февраля 1923 г.) было создано 20 синдикатов (2, с. 76). Уставы их содержали указание на то, что синдикаты создаются для согласования и объединения заготовительной и финансовой деятельности своих членов — трестов. Они должны были распределять заказы, устанавливать продажные цены, организовывать сбыт продукции трестов, заготавливать вспомогательные и технические материалы и т. д. Многие синдикаты создавались в форме паевых товариществ (акционерных обществ). Согласно ст. 322 ГК УССР 1922 г. такие товарищества являлись юридическими лицами с уставным капиталом, разделенным на определенное число акций (паев). Количество паев, принадлежащих членам синдикатов, определялось суммарным объемом передаваемой им для реализации продукции. Управление синдикатом осуществлялось общим собранием членов и избираемым ими правлением. В каждом синдикате функционировала ревизионная комиссия. Таким образом, синдикаты представляли собой добровольные объединения трестов (в виде исключения — автономных предприятий), основанные на договоре. Каждый член синдиката мог свободно выйти из него.

В первый период своей деятельности синдикаты не наделались административно-управленческими полномочиями. Они не имели права вмешиваться во внутривозвращательную деятельность трестов. Их роль сводилась к торгово-распределительным и снабженческим функциям, что позволило резко ограничить конкуренцию между трестами на рынке.

В решениях X Всероссийского съезда Советов синдикаты оп-

ределялись как органы крупной оптовой торговли по сбыту и заготовкам. 25 марта 1925 г. ВСНХ утвердил Примерный устав синдиката [3, 1925, № 12]. 29 февраля 1928 г. было принято Положение о синдикатах и конвенциях [4, 1928, № 16, ст. 129, 130]. Синдикаты непосредственно подчинялись ВСНХ, но одновременно они объединялись в Совет синдикатов. Совет был скорее координационным органом, решения его носили в основном рекомендательный характер и на организацию и осуществление деятельности синдикатов большое внимание не оказывали.

Синдикаты делились на два вида — объединения и конвенции. Синдикаты — объединения наделялись собственными оборотными средствами, формировавшимися за счет целевых отчислений трестов и наделялись правами юридического лица. В дальнейшем синдикаты возникают не только на добровольных, но и на принудительных началах. В их состав включаются по постановлениям центральных органов отдельные тресты (нефтесиндикат, сельсиндикат и др.). Осложнился и порядок выхода трестов из состава синдикатов — добровольность заменяется при этом решениями центральных органов управления (ВСНХ). Синдикатская конвенция представляла собой договор между трестами одной отрасли народного хозяйства, объединившихся с целью разграничения районов сбыта и унификации цен на производимую ими продукцию. Каждый трест сохранял полную юридическую самостоятельность, наделялся собственными оборотными средствами. Таким образом, понятие «объединение» здесь носило скорее условный характер, оно не имело управленческого аппарата, обособленного имущества и, естественно, не признавалось юридическим лицом (крахмалпатбюро, консервбюро и др.). Это отличало синдикаты конвенционного типа и от объединений, возникших в народном хозяйстве Украины в 70 гг., которые определялись в положениях о них как единые производственно-хозяйственные комплексы, включающие в свой состав различные организации в качестве производственных (структурных) единиц — юридически самостоятельных подразделений объединения.

С учетом всего сказанного можно дать следующее определение синдиката неконвенционного типа. Синдикат — это снабженческо-сбытовое паевое объединение трестов, наделенное статусом юридического лица, действующее на началах хозяйственного расчета в соответствии с плановыми заданиями вышестоящих органов.

Особенностью периода НЭПа было создание наряду с государственными синдикатами синдикатов смешанного типа, в состав которых наряду с государственными входили кооперативные организации. Такие объединения возникали на основе договоров, утверждавшихся Президиумом ВСНХ. В состав некоторых син-

дикатов с согласия Президиума ВСНХ могли входить частные организации (швейный, кожевенный, спичечный и др. синдикаты).

Какова же экономико-правовая природа синдикатов? Признавая синдикаты паевыми объединениями, законодатель на первый взгляд отождествлял их с акционерными товариществами. Однако это не так. Каждый акционер, обязанный вносить определенный пай, не имел права требовать его возврата. Товарищество в свою очередь не вправе было приобретать собственные акции, а также исключать из своего состава акционеров. Тресты же помимо взносов (отчислений) должны были передавать синдикату для реализации производимую ими продукцию. Член сформированного на добровольных началах синдиката мог в любое время выйти из него с получением внесенной суммы пая. Синдикаты вправе были выкупать у вышедших членов их пай. Кроме того, ответственность члена акционерного товарищества ограничивалась стоимостью его акций. Акционеры не отвечали по долгам товарищества. В Уставах же синдикатов предусматривалась, как правило, субсидиарная ответственность его членов всем принадлежавшим им имуществом по обязательствам синдиката в кратном отношении к размеру пая.

Таким образом, синдикаты строились по автономной модели, не имевшей аналога ни в предшествующие, ни в последующие годы. Они отличались и от синдикатов в зарубежном праве. Для последних характерно наличие соглашения между крупными производителями, каждый из которых сохраняет полную юридическую и производственную самостоятельность, лишаясь таковой лишь в области закупок и сбыта.

Синдикаты и входившие в их состав тресты хотя и наделялись статусом юридического лица, выступали в обороте как единое образование с едиными экономическими интересами. Некоторые отношения между синдикатами и трестами носили организационный характер (определение размеров пая, распределение доходов и др.). Но в значительной части они основывались на договоре. В основе внутрисиндикатских связей лежал Типовой договор, который на каждый последующий год утверждался собранием уполномоченных [1, с. 87]. Он определял права и обязанности трестов и синдиката по снабжению и сбыту. Реализуя продукцию трестов, синдикаты заключали с ними договоры комиссии [ст. 275¹ — 275²⁷ ГК УССР 1922 г.]. При заготовке сырья — договор купли-продажи. Условия договора носили правилообразующий характер, т. е. они позволяли контрагентам самостоя-

¹) Такое определение некоторых условий договора нашло отражение в исследованиях о хозяйственном договоре (Хозяйственные договоры. Общие положения. Свердловск. 1986. Пугинский Б. И. Договор в новой системе хозяйствования. Сов. гос. право, 1988. № 11, с. 53).

тельно формировать порядок (режим) взаимосвязанной деятельности¹⁾. Эти договоры по существовавшему порядку подлежали регистрации на товарной бирже (внебиржевые сделки) и нотариальному утверждению. От этой процедуры освобождались плановые договоры. Перечень регистрируемых сделок последовательно (после 1922 г., когда был введен этот порядок) сужался. Окончательный перечень сделок, освобожденных от регистрации, был утвержден НКТ в марте 1927 г. [7, № 22, с. 817]. Вместе с тем, социалистические организации дважды в месяц обязаны были представлять отчет о заключенных договорах (купля-продажа, поставка и др.). Все это свидетельствует о том, что и в период НЭПа полной свободы договоров, как это иногда утверждают авторы, исследующие характер хозяйственных связей в 20-е гг., не было. Даже освобождение от регистрации не избавляло социалистические организации от достаточно обременительного контроля за их хозяйственной деятельностью со стороны вышестоящих органов.

Во второй половине 20-х гг. синдикаты из партнеров по договору постепенно превращаются в планово-регулирующие органы, устанавливающие трестам задания по производству, организовывавшие их снабженческо-заготовительную и сбытовую деятельность, преимущественно в интересах государства. Попытки отдельных ученых (К. Яичков, Л. Аранович) квалифицировать внутрисиндикатские связи как корпоративные, в основе которых лежала воля коллективов, встречали серьезные возражения (С. Ландкорф и др.). Эти возражения основывались на том, что в основе деятельности синдикатов лежит не воля их коллективов, независимая от общегосударственных нужд, а план и устав, что подтверждалось практикой (5). Синдикаты призваны были выполнять задания ВСНХ, которые доводились до них в виде контрольных цифр и распределялись затем между трестами. В соответствии с контрольными цифрами общее собрание членов синдиката определяло номенклатуру и количество продукции, подлежащей реализации, условия реализации, а также надбавки к цене на продукцию. Решение общего собрания было обязательно для всех членов синдиката. Обжаловать его тресты могли в наркомат. Постановления наркомата по спору являлись окончательными. Таким образом, решения общих собраний со временем заменили собой внутрисиндикатские соглашения и стали основой для организации производственной и сбытовой деятельности.

С усилением централизованных начал в народном хозяйстве СССР функции синдикатов существенно меняются. Они становятся регулятивно-управленческими. Помимо установления количества и номенклатуры продукции, подлежащей реализации, синдикаты не только контролируют, но и утверждают промфинпланы

входящих в их состав трестов, решают вопросы капитального строительства, технического перевооружения предприятий трестов и т. п. Фактически компетенция синдикатов по отношению к трестам стала универсальной, чему не следует удивляться. Регулируя снабжение и сбыт — начальную и конечную стадии производства, синдикаты не могли не оказывать существенное влияние на иные виды деятельности трестов. Хотя трестами формально руководили другие органы (главки ВСНХ), они не могли не считаться с давлением синдикатов.¹⁾ Естественно, что при этом невозможно было избежать конфронтации. По существу это было противоречие между рыночными и плановыми началами в социалистической экономике. Однако разрешить его было не просто. Необходимо было искать компромиссное решение. И оно было найдено. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. главки при ВСНХ ликвидировались, а на базе синдикатов создавались отраслевые государственные хозрасчетные объединения по руководству отраслями промышленности. Кроме того, ВСНХ было предоставлено право создавать всеобъединения¹⁾.

Все это способствовало централизации планирования и оперативно-хозяйственной деятельности основных звеньев народного хозяйства — трестов и немногочисленных еще автономных предприятий.

Таким образом, синдикаты, сыграв свою роль в хозяйственной системе, уступили место органам, способным с большей эффективностью реализовать решения XVI партийной конференции в сфере управления народнохозяйственным комплексом СССР — усилить централизованные начала в планировании и обеспечить подчинение народного хозяйства авторитарному руководству.

Резюме. Синдикаты представляли собой организационно-правовую форму управления, игравшую вспомогательную по отношению к основным производственным звеньям — трестам, роль. Они опосредствовали некоторую демократизацию системы управления народным хозяйством после жестких административно-распределительных начал военного коммунизма.

В условиях экономической реформы, проводимой сегодня в Украине, можно было бы создать организации типа синдикатов, которые на хозрасчетной основе оказывали бы помощь предприятиям в области сбыта, научно-технического оснащения производства и др. Эти задачи следовало бы возложить на реорганизованные и переупорядоченные министерства

¹⁾ В некоторых отраслях хозяйства синдикаты временно сохранялись, но на них возлагались только функции планирования. Это была агония синдикатской системы. Синдикаты скоро исчезают совсем, уступив место иным органам управления.

Список литературы: 1. Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. т. II. Л. 1961. 2. Ландкоф С. Н. Хозяйственно-административное право. ДВОУ. 1931. 3. Сборник приказов ВСНХ. 4. СЗ СССР. 5. Синдикаты и внутрисиндикатские соглашения. Сборник статей, 1927. Синдикатская система СССР. Сборник статей. 1928. 6. СУ. 7. СФХЗ. 1927.

С. А. Черниченко, канд. ист. наук

КАМПАНИЯ БОРЬБЫ С БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ В УКРАИНЕ

Уже в начале 20-х годов огромные экономические потери народному хозяйству Украинской республики, как и страны в целом, стали причинять бесхозяйственность, разбазаривание государственного, кооперативного и другого общественного имущества, ярко проявившие себя, когда перестали действовать законы военного времени, в условиях новой экономической политики. Нередко на заводских дворах под открытым небом ржавело, приходило в негодность дорогостоящее (в том числе и закупленное за рубежом за золото) оборудование [1, ф. 9, оп. 1, д. 269, л. 64], гнила, разворовывалась сотнями кубометров заготовленная, но своевременно не вывезенная из лесосек деловая древесина [4, ф. 8477, оп. 1, д. 872, л. 42), расхищались в массовом количестве со складов продовольственные и промышленные товары [7, ф. 17, оп. 67, д. 494, л. 35].

В результате неумелого хозяйствования, расточительства государственная промышленность уже за первый год нэпа опустила в карманы частных предпринимателей и торговцев более 300 млн. руб. [11, с. 24].

Глава Советского государства В. И. Ленин неоднократно с горечью говорил о неумении большевиков хозяйствовать в условиях рынка. В своей речи 6 марта 1922 г. на заседании Коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов он предложил заменить коммунистов-руководителей предприятий беспартийными, которые еще до революции занимались хозяйственной деятельностью. «Нам нужно построить всю нашу организацию так, — перчеркивал В. И. Ленин, — чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области» [15, с. 14].

Одновременно он предложил устранять коммунистов, не умеющих работать, из государственных учреждений [15, с. 15]. Считая данную проблему первостепенной важности, В. И. Ленин возвратился к ней на XI съезде партии, состоявшемся в конце марта того же года. «Управлять хозяйством, — сказал он, — мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими рука-

ми, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят» [15, с. 98].

Однако у многих коммунистов, в первую очередь тех, кто занимал ответственные хозяйственные посты, данное предложение главы правительства (хотя на самом съезде ему мало кто возражал), вызвало резко отрицательную реакцию. Бывшие подпольщики, революционеры, герои гражданской войны не собирались уступать привилегированные должности каким-то буржуазным специалистам, тем более, что среди высшего партийного руководства были люди, не согласные с ленинским курсом и у которых можно было найти себе поддержку.

Уже на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), когда В. И. Ленин был тяжело болен, лидеры ЦК официально выдвинули свою трактовку диктатуры пролетариата — в форме диктатуры большевистской партии, которую съезд одобрил [8, с. 47]. С этого момента ленинская идея выдвижения беспартийных специалистов на ответственные хозяйственные посты отбрасывалась. Сталин на том же съезде, говоря о необходимости кардинального улучшения хозяйственной деятельности трестов и крупнейших государственных предприятий, предложил укрепить их руководящий состав коммунистами [8, с. 64]. Новая линия с энтузиазмом была поддержана съездом, и уже в 1923 г. многие беспартийные специалисты, занимающие ответственные должности в трестах и на предприятиях, были заменены членами РКП(б). В составе правлений трестов доля коммунистов увеличилась от 52% до 61%, а среди директоров предприятий — от 29% до 49% [13, с. 135].

«Коммунизация» руководящего состава государственных предприятий и трестов не принесла ожидаемого результата. Экономика ускользала из рук неумелых руководителей. Новые директора, как правило, из числа передовых рабочих, были люди малограмотные, некомпетентные, не способные глубоко вникать в производственные процессы, тем более в коммерческие дела. Однако о широком использовании опыта буржуазных специалистов на руководящих хозяйственных постах в условиях «диктатуры партии» не могло быть и речи. Приходилось уповать на различного рода реорганизации системы управления хозяйством, кампании борьбы с бесхозяйственностью, бюрократизмом и улучшение работы аппарата управления, ужесточение репрессивных мер против конкретных носителей бесхозяйственности.

После XIV съезда ВКП(б), взявшего курс на индустриализацию страны и указавшего в этой связи на необходимость «использовать строжайшую экономию в расходовании государственных средств» [9, с. 429], мартовско-апрельский (1926 г.) Пленум ЦК КП(б)У призвал все партийные и профсоюзные организации Украины, все контрольные комиссии партии развернуть кампанию

борьбы с бесхозяйственностью и расточительством, добиваясь жесткого режима экономии сырья, материалов, денежных средств [10, с. 418].

Выполняя решения пленума, местные партийные органы развернули широкомасштабную работу в данном направлении. Под их нажимом экономкомиссии райисполкомов, инструкторский аппарат кооперативных учреждений, органы РКИ усилили изучение системы счетоводства, отчетности с целью улучшения качества проверки наличия средств и их расходов, на предприятиях и в организациях, повышения качества ревизий. Ревизионные комиссии, контрольные комиссии РКИ повели повсеместное обследование хозяйственной жизни государственных предприятий и кооперативов, сопровождавшееся чистками от «классово чуждых элементов» их управленческого персонала и правлений. Устанавливалась систематическая отчетность директоров заводов и фабрик, председателей правлений товариществ и кооперативов перед своими трудовыми коллективами. Судебно-следственные органы заводили учет нанесенного ущерба государству конкретными носителями бесхозяйственности. Судебные процессы по делам о бесхозяйственности и расточительстве готовились показательные с привлечением в обязательном порядке общественных обвинителей [3, ф. 3, оп. 1, д. 201, л. 123].

Типичные для многих предприятий проявления бесхозяйственности были вскрыты ревизионной комиссией на Горловском машиностроительном заводе в декабре 1926 г. Состояние бухгалтерских книг и отчетности в главной конторе заводоуправления были в полной запущенности. Операции за 1925—1926 гг. по Главной книге записаны были лишь до марта месяца, по вспомогательным книгам — до сентября. Книги имущества — постройка, технического оборудования, инструментов, инвентаря не велась в течение всего операционного года. Совершенно отсутствовал учет готовых изделий в центральном магазине завода. В связи с плохим учетом наличия закупленного сортового металла и кокса, необходимых для производства, при проверке были обнаружены значительные расхождения между записями в книгах и фактическим их наличием на складах, выразившиеся в недостатке первого на сумму 153390 руб. и в излишке второго на 197130 руб. [6, ф. 3429, оп. 5, д. 1256, л. 118]. Готовая продукция учитывалась не по ее назначению, а по заказам, из-за чего однородные изделия находились в разных местах. Полуфабрикаты и чугунное литье находились под открытым небом, ржавея под дождем и снегом, их учет вовсе не велся. И тем не менее конторские служащие завода, как показала проверка, в 1926 г. получили сверх своих тарифов (в качестве премий, за сверхурочные и дополнительные работы) 48615 руб. [6, ф. 3429, оп. 5, д. 1256, л. 120].

В результате неудовлетворительной постановки бухгалтерского учета, общей бесхозяйственности завод за 1925—1926 операционный год потерял 431031 руб. По итогам обследования руководящий состав заводоуправления был отстранен от занимаемых должностей [6, ф. 3429, оп. 5, д. 1256, л. 129].

К уголовной ответственности было привлечено руководство Харцизского трубного завода после проверки комиссией окрпарткома в конце 1926 г. хода выполнения директив ВСНХ о режиме экономики. Причиной тому стало неиспользование в течение 6 мес. закупленного за границей оборудования, что привело к убыткам, исчисляющимся в несколько миллионов рублей [1, ф. 9, оп. 1, д. 269, л. 64].

Вопиющую бесхозяйственность, расточительство, крупные злоупотребления, проявленные членами правления и ревизионной комиссией окружной Киевской инвалидной кооперации, которые привели к ее убыточности, вскрыла Контрольная комиссия РКИ в феврале 1927 г. Правление кооперации и ее ревизионная комиссия в полном составе понесли уголовную ответственность [7, ф. 17, оп. 67, д. 494, лл. 35, 36].

В кампанию борьбы с бесхозяйственностью были вовлечены советские профсоюзные и другие общественные организации. В печати появилась специальная рубрика, разоблачающая факты расточительства, преступной халатности, расхлябанности. Только в газетах Черниговского округа в 1927—1928 гг. было помещено 270 заметок рабкоров и селкоров о фактах бесхозяйственности, по которым органы прокуратуры привлекли к уголовной либо административной ответственности 96 человек [4, ф. 10, оп. 1, д. 499, л. 16].

На усиление борьбы с бесхозяйственностью были направлены меры советского законодательства. В новом Уголовном кодексе (УК) Украинской ССР, вступившем в действие с июля 1927 г. на смену УК 1922 г., значительные изменения претерпела статья, устанавливавшая уголовную ответственность за данный вид хозяйственных правонарушений. Если старый Уголовный кодекс предусматривал уголовную ответственность за бесхозяйственность только руководителей государственных предприятий и учреждений или их помощников во время исполнения им обязанностей руководителя, то согласно новому УК уголовную ответственность за это несли руководители, их помощники, а также уполномоченные не только государственных, но и кооперативных, а также общественных предприятий и учреждений.

Судебно-правовая охрана теперь уже распространялась не только на государственное, но и кооперативное и общественное имущество.

Заметную роль в кампании борьбы с бесхозяйственностью, в режим экономии сыграли производственные совещания и времен-

ные. Контрольные комиссии, формируемые фабрично-заводскими комитетами из числа рабочих своих предприятий. Они принимали непосредственное участие в обсуждении и детальной проработке промфинпланов, вносили конкретные предложения по успешному их выполнению, контролировали хозяйственную деятельность заводууправлений, рациональное использование находящихся в их распоряжении ресурсов, вели борьбу за укрепление трудовой и производственной дисциплины. Численный состав этих общественных формирований быстро увеличивался. В середине 1928 г. на предприятиях Коростеньского округа он достиг 4-х тыс. человек [2, ф. 86, оп. 1, д. 163, л. 9], в Николаевском округе — до 12 тыс. [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 138], в Харьковском округе — свыше 15 тыс. человек [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 138]. Возрастала их активность и деловитость. Если за 1926—1927 операционный год было реализовано предприятиями немногим более 30% внесенных ими предложений, то в 1927—1928 году эта цифра поднялась до 50% [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 138]. Вместе с тем далеко не все производственные совещания и контрольные комиссии действовали активно. Многие из них только числились на бумаге. Так, на заводах им. Марти, «Плуг и молот», г. Николаева насчитывалось по 20 комиссий, но регулярно работало по 8—9 из них [7, ф. 17, оп. 67, д. 502, л. 44]. Отрицательно влияла на работу совещаний и комиссий большая текучесть их состава, в особенности председателей и секретарей. Работа многих временных контрольных комиссий к тому же страдала существенным недостатком. Она вскоре была сведена только к рассмотрению и утверждению решений цеховых и шахтных производственных совещаний, т. е. приняла бюрократический характер [14].

Кампания борьбы с бесхозяйственностью, за режим экономии в ее чистом виде усиливалась до мая 1928 г. В целом она, несомненно, оказала положительное влияние на хозяйственную деятельность государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций. Однако в ходе этой кампании нередко допускались серьезные перегибы, отрицательно повлиявшие на экономическое положение трудящихся. Многие руководители-хозяйственники пытались решать проблемы режима экономии и рационализации производства путем значительного сокращения числа рабочих и служащих, снятия ассигнований на жилищно-бытовые нужды своих трудовых коллективов и др. [5, ф. 5451, оп. 10, д. 272, л. 80].

В мае 1928 г. в Москве был проведен инспирированный Сталиным первый в стране показательный политический процесс — так называемое «шахтинское дело». К судебной ответственности было привлечено 53 человека, большинство из которых были инженеры с дореволюционным стажем. Они обвинялись в злостном

саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, в ненужных расходах капитала, снижении качества продукции, а также в прямом разрушении шахт, рудников и заводов, противодействии мероприятиям по материальному обеспечению рабочих с целью вызвать у них недовольство политикой большевистской партии и Советской власти [12, с. 25].

Судебный процесс, которому был придан громадный общественный резонанс, в течении 49 дней решал неотложную практическую задачу: свалить вину за хозяйственные неудачи на буржуазных специалистов. И хотя все обвинения (государственным обвинителем выступал Н. В. Крыленко) были бездоказательны, специальное судебное присутствие (внесудебный орган без определенных процессуальных функций) под председательством А. Я. Вышинского совершило беззаконие. 11 подсудимых были приговорены к расстрелу (Президиум ЦИК заменил шестерым из них высшую меру наказания 10-летним тюремным заключением), 34 — к различным срокам лишения свободы, 4 — осуждены условно и 4 человека были оправданы. [17, с. 57].

После «шахтинского дела», использованного «вождем всех народов» для обоснования своего тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения по пути социализма, термин «экономическая контрреволюция», возникший еще в 1924 г. в связи с судебными процессами над специалистами угольной промышленности Донбасса и Югостами, получает широкое распространение. Кампания борьбы с бесхозяйственностью быстро приобретает политический оттенок, превращаясь в борьбу с экономическим вредительством классово чуждых элементов, «действующих в интересах международного капитала» [16, с. 2, 3].

Теперь уже, когда на производстве появлялись узкие места, когда не доставлялось или портилось сырье, ухудшалось качество продукции, приходили в негодность машины и оборудование, происходили аварии, задерживалась зарплата и др., органы НКВД, как правило, с помощью своих активистов из числа рабочих отыскивали и находили вредителей в лице старых специалистов.

Список литературы: 1. Государственный архив Донецкой области. 2. Государственный архив Житомирской области. 3. Госархив Харьковской области. 4. Госархив Черниговской области. 5. Государственный архив Российской Федерации. 6. Российский государственный архив экономики. 7. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. 8. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. — М., 1968. 9. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 18—31 декабря 1925 г. //КПСС в резолюциях..., изд. 9, Т. 4 — М., 1984. 10. Пленум ЦК КП(б)У. Харьков. 29 марта — 1 апреля 1926 г. //Коммунистическая партия Украины в резолюциях..., Т. I — К., 1976. 11. Быстрова И. В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность //Отечественная история. — 1993. № 3. 12. Вышинский А. Итоги шахтинского дела. — М., 1928. 13. Голланд Ю. Политика и экономика /черски об-

шественной борьбы 20-х годов //Знамя — орган союза писателей СССР.— 1990.— № 3. 14. Как работают производственные совещания и комиссии (по материалам обследования окружной КК—РКИ) //Диктатура труда — орган Сталинского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОСПС.—1926.—11 августа. 15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 45. 16. Кржижановский Г. Вредительство как оно есть — М., 1930. 17. Крыленко Н. Уроки шахтинского дела: Статьи и документы. — М., 1928.

М. И. Бажанов, д-р юрид. наук

О ФУНКЦИЯХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (процессуальная функция)

Проблема состава преступления имеет давнюю историю и является наиболее разработанной в доктрине уголовного права. Нельзя, однако, сказать, что в этой области все уже выяснено. Достаточно поставить вопрос о функциях состава, и сразу становится очевидным, что здесь открывается широкое поле для дальнейших исследований. В литературе долгое время эта проблема не ставилась, сам термин «функция» применительно к составу не употреблялся. Говорилось о значении состава — как единственного основания ответственности (Я. М. Брайнин и др.), как понятия, дающего возможность отграничить одно преступление от другого (Н. Ф. Кузнецова и др.), о составе как основе квалификации преступления (В. Н. Кудрявцев и др.).

В немецкой доктрине уже давно применительно к «составу деяния» говорят о его следующих функциях: определительной (устанавливает, какие действия уголовно наказуемы); гарантийной (деяние наказывается по закону, действовавшему во время его совершения); запретительной (состав запрещает поступать противоправно); размежевательной (отличает одно деяние от другого) (см.: 7, с. 93). Впервые в нашей литературе использовал термин «функции» состава преступления Г. Т. Ткешелиадзе, выделивший следующие три функции: фундаментальную, разграничительную, гарантийную (см.: 11, с. 45). Разделяя этот подход, автор данных строк посчитал необходимым дополнить этот перечень функцией процессуальной (см.: 1, с. 27). Работая далее над этой проблемой, он пришел к выводу, что круг этих функций может быть значительно расширен. К ним следует по крайней мере отнести квалификационную, интегративную, дескриптивную, рестриктивную, аксиологическую, догматическую, праксиологическую (утилитарную) функции. Возможна постановка вопроса о гносеологической, квалификационной, криминологической, криминалистической и др. функциях (см.: 2, с. 106).

Каждая из этих функций заслуживает своего самостоятельного рассмотрения. Не касаясь содержания фундаментальной, раз-

граничительной и гарантийной функций, так как об этом достаточно говорилось в литературе, отметим лишь, что первая определяет, что состав является законным и единственным основанием уголовной ответственности, вторая состоит в том, что состав четко отделяет преступное деяние от непроступного, одно преступление от другого, и третья исключает привлечение лица к уголовной ответственности при отсутствии в его действиях состава преступления. Уделим в этой статье внимание процессуальной функции состава.

Она заключается в том, что состав выступает в качестве базового понятия предмета доказывания, очерчивает контуры в каждом уголовном деле. Следует указать, что состав преступления, как и некоторые другие институты и понятия уголовного права, имеет процессуальное происхождение. Известно, что сам термин состав преступления (*corpus delicti*) ввел в 1581 г. в процессуальный «оборот» известный итальянский криминалист Проспер Фаринаций. Введение этого понятия диктовалось самой структурой уголовного процесса, в котором расследование дела делилось на два этапа — общее (генеральное) и специальное расследование *inquisitio generalis* и *inquisitio specialis*). Задачей первого этапа являлось установление самого деяния и его признаков, второго, где уже появлялся обвиняемый, — ведение дела в отношении этого лица. Не говоря сейчас о свойственных инквизиционному процессу пытках, формальной системой доказательств, оценке сознания обвиняемого, полученного под пыткой, как «царицы» доказательств, полной тайности самого производства, отметим, что такая структура расследования сохранилась, в принципе, во всех странах, которые в последние два столетия установили у себя так называемую смешанную систему уголовного процесса. Хотя в предварительное расследование введены серьезные элементы состязательности (допуск защитника, расширение прав обвиняемого, относительная, а в некоторых странах и достаточно широкая гласность, особенно в результате освещения расследования в прессе и других средствах массовой информации), наметившееся уже в средние века деление расследования на два указанных этапа достаточно четко просматривается как в законодательстве, так и следственной практике. Да и в нашем уголовном процессе деятельность следователя, прежде чем наступит этап привлечения лица в качестве обвиняемого, направлена на установление самого преступного деяния и его признаков.

Именно из требования *constatare de delicto* (констатации наличия преступления) на первом этапе расследования возникло учение о *corpus delicti*. «В старом процессуальном смысле, — писал И. Я. Фойницкий, — *corpus delicti* означал внешний предмет, на который была непосредственно направлена преступная деятель-

ность, таковы: труп убитого, нанесенные раны, сгоревший дом, поддельный документ, похищенное имущество» [14, с. 296]. Вы сказано также достаточно обоснованное предположение, что термин *corpus delicti* произошел от слов *corpus mortuum* (мертвое тело), так как осмотр мертвого тела, как способ установления преступления и дал по преимуществу толчок для развития учения о *corpus delicti* [см.: 6, с. 37]. В самом конце XVIII и в XIX в. понятие этого было расширено и стало обозначать не только сумму следов преступления, но и само внешнее деяние, за исключением всего того, что характеризовало психические процессы, происходящие в сознании субъекта. Наконец, уже в середине XIX в. состав преступления стал пониматься многими криминалистами как понятие, совмещающее в себе и внешнюю, объективную и внутреннюю, субъективную сторону преступления [см.: 8, с. 89—90]. В ходе такой трансформации состав преступления теряет, так сказать, свою процессуальную природу, приобретая значение полноценного уголовно-правового понятия. Последующие научные разработки привели к тому, что проблема состава преступления стала одной из ключевых в доктрине уголовного права. Наша наука внесла в учение о составе преступления самый существенный вклад. В курсах, учебниках, монографиях, во множестве статей и иных публикаций, в докторских и кандидатских диссертациях освещены с той или иной глубиной и обстоятельностью как само понятие состава, так и его элементы и признаки, его значение и влияние на разработку всех институтов уголовного права. Причем в советский период можно выделить два временных этапа отношения к этому понятию. В 20-е и 30-е годы нашего века отношение к составу было негативным, так как и закон (УК 1922 и 1927 г.) допускал применение наказания, а с 1924 г. — мер социальной защиты судебно-исправительного характера к лицам, не совершившим преступления, а представляющим опасность по своей связи с преступной средой или по своей прежней преступной деятельности [ст. 5 УК 1927 г.]. В литературе был широко распространен взгляд об отказе от таких основополагающих понятий уголовного права, как «вменяемость», «вина», «наказание». Отсутствовало и общее понятие состава преступления, хотя сами элементы состава изучались [см.: напр., 4 и 5]. Лишь к концу 30-х, а затем особенно в середине 40-х годов начинается признание состава преступления в качестве важнейшего понятия уголовного права [см.: 12 и 13]. В последние годы вновь (как неоднократно и ранее) появились нападки на состав преступления, попытки отказаться от него. Так, считают, что он сыграл свою роль и уже не нужен (Ю. А. Красников), или объявляют его наследием классической школы уголовного права, идеи которой якобы давно устарели (И. П. Малахов). При этом упускается, в ча-

стности, из виду, что отказ от понятия состава преступления лишает практику тех законных рамок, на которых зиждется вся Особенная часть УК. Но, ведь, состав лежит в основе квалификации преступления, необходимой в каждом уголовном деле, и его игнорирование неизбежно приведет к неправильному применению уголовного закона. Что же касается классической школы, то ее идеи об уголовной ответственности при наличии состава преступления устареть не могут, а, напротив, закреплены в Уголовных кодексах всех цивилизованных государств и разделяются в доктрине. Попытки отказа от идей, которые в уголовном праве направлены на охрану прав личности и точное установление оснований уголовной ответственности, только лишь потому, что они высказаны в далеком прошлом, не соответствуют требованиям становления правового государства.

Возникнув и развиваясь в сфере уголовного процесса, состав преступления стал поятием уголовного права и в то же время оказывает важное (если не решающее) влияние на процессуальную деятельность. Эта метаморфоза прямо приводит нас к тому, чтобы говорить о процессуальной функции состава преступления.

Как известно, под составом преступления понимают установленную уголовным законом совокупность (систему) юридических признаков, определяющих данное деяние как преступление. Таким образом, состав преступления представляет собой: а) установленную уголовным законом; б) совокупность (систему) юридических признаков; в) которые определяют данное деяние как преступное и наказуемое. Тем самым, лишь уголовный закон определяет круг составов преступлений: все составы преступлений исчерпывающим образом перечислены в Особенной части УК. В этом положении сформулирован демократический принцип цивилизованного уголовного права *nullum crimen, sine lege*: нет преступления без указания о том в законе. Это требование имеет прямой выход на правоприменительную и в том числе на процессуальную практику. В соответствии с ним правовое пространство (поле) в каждый конкретный момент ограничено кругом тех составов преступлений, которые описаны в УК. Возникающие здесь пробелы (пустоты) вправе заполнить лишь законодатель путем издания нового закона, но отнюдь не следователь или суд. Если они станут на этот путь, то будут применять аналогию, прямо запрещенную нашим уголовным законом [ст. 1, 3 и 7 УК]. Подобные тенденции в практике можно усмотреть. Так, имело место привлечение к ответственности по статьям УК о должностных преступлениях (в частности за получение взятки) работников коммерческих структур, хотя по тексту и прямому смыслу ст. 164 УК такие работники должностными лицами не являются. Этот явный пробел закона суды восполняли путем применения анало-

гии. Пробел этот был устранен лишь принятием 28 января 1994 г. Верховным Советом новой редакции ст. 164 УК, которая считает теперь должностными лицами работников предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности, т. е. и работников, выполняющих в коммерческих структурах организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности.

Отметим далее, что, образуя совокупность (систему) юридических (объективных и субъективных) признаков, определяющих данное деяние как преступление, состав преступления представляет собой «ядро» предмета доказывания по уголовному делу и влияет самым непосредственным образом на пределы доказывания. Сама обрисовка указанных признаков имеет в этом отношении решающее значение. Чем больше признаков введено законом в состав преступления, тем большее число фактических обстоятельств требуется установить по делу, тем самым расширяются пределы исследования. Напротив, если состав преступления описан в законе более узко, более «экономно», это, безусловно, суживает эти пределы. Неопределенность же признаков состава преступления, введение так называемых «каучуковых» диспозиций, делает и пределы исследования уголовного дела достаточно неопределенными. Поэтому точное описание признаков состава преступления в законе — важное условие эффективности самой процессуальной деятельности.

При анализе предмета доказывания состав преступления всегда включается в качестве его составной части. Причем подходы к этому решению в литературе далеко не однозначны. Одни юристы, вводя в предмет доказывания понятия главного факта, ограничивают его содержание составом преступления [см.: 15, с. 129], другие, хотя и расширяют понятие главного факта за счет, скажем, обстоятельств, характеризующих личность, тяжесть причиненного материального ущерба и др., включают в него и состав преступления [см.: 9, с. 197]. Третьи вообще отказываются от выделения в предмете доказывания главного факта с тем, чтобы не ослабить внимания к иным подлежащим доказыванию фактам, и вместе с тем считают, что состав и его элементы должны быть установлены [см.: 10, 184—186]. Однако независимо от того, признаем ли мы или отвергаем понятие главного факта как элемента предмета доказывания, установление обстоятельств, доказывающих наличие определенного состава преступления в действиях обвиняемого, остается первой задачей расследования и судебного рассмотрения дела, ибо от решения этого вопроса зависит судьба человека (передача дела в суд, прекращение дела, оправдание или осуждение лица).

Признаки состава преступления определяют данное деяние как

преступное и наказуемое. Причем эти признаки находятся между собой в органическом единстве и отсутствие хотя бы одного из них исключает наличие данного состава в действиях обвиняемого. Если в соответствии с ч. 1 ст. 125 УК клевета — это распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, то отсутствие хотя бы одного из этих признаков, исключает состав преступления. Так, если мы установим, что в дневнике обвиняемого имеются такие измышления о каком-либо лице, но они не распространялись, — клеветы нет. Далее, если лицо, хотя и распространяло такие измышления, но не знало, что они заведомо неправдивы, — клевета также отсутствует и т. д. Поэтому все обстоятельства, свидетельствующие о наличии или, напротив, отсутствии таких признаков, должны быть доказаны по делу для принятия соответствующего решения.

Признаки состава преступления в науке уголовного права делятся на обязательные (необходимые) и факультативные (необязательные) [см.: 3, с. 105; 12, с. 78]. Это деление относится лишь к общему понятию состава преступления (т. н. общий состав преступления), так как в конкретном составе все его признаки — суть обязательные (необходимые). Я не касался бы данного вопроса, если бы в процессуальной литературе этот исходный момент не игнорировался. Приведу наиболее яркий пример такого подхода. Утверждается, что с позиции теории доказательств в составе преступления предпочтительней говорить «об универсальных и региональных признаках, с тем чтобы исключить отождествление «факультативных» с необязательными, и подчеркнуть, что все уголовно-релевантные признаки должны учитываться при определении предмета доказывания в конкретном случае». Надо отметить, указывается далее, что отнесение времени, места, способа и других подобных признаков преступления к «факультативным» признакам состава вообще не точно, ибо они подлежат доказыванию и являются уголовно-релевантными по каждому делу [см.: 10, с. 185],

В этом суждении критикуется положение, которое в науке уголовного права никто не высказывал: ведь деление признаков состава преступления на обязательные и факультативные не относится к конкретному составу, который определяет предмет доказывания по делу. В этом конкретном составе все его признаки являются обязательными и должны быть доказанными. Так, для состава детоубийства (ст. 96 УК) время его совершения (во время родов или тотчас после родов) имеет значение для этого состава преступления, а для состава убийства по ст. 94 УК время не имеет значения. Далее, для кражи (ст. 140 УК) тайный способ совершения преступления является обязательным, а для состава уничтожения или повреждения имущества (ст. 145 УК) тайный

или открытýй способ совершения в состав преступления не входит. Все это, конечно, не означает, что время убийства, квалифицированного по ст. 94 УК, или способ уничтожения имущества не подлежат доказыванию, что они не существенны для дела. Ведь предмет доказывания значительно шире состава преступления (ст. 64 УПК), в него входит много обстоятельств, не входящих в состав, т. е. не влияющих на квалификацию преступления, но являющихся уголовно-релевантными.

Что же касается предложенного деления признаков состава преступления на универсальные и региональные, то для уголовного права оно представляется необоснованным. Если таким делением пытаются отразить то же, что и делением на обязательные и факультативные признаки, то замена устоявшихся терминов вряд ли полезна, так как содержание этих новых терминов все равно надо раскрывать: сами по себе они не ясны. Если же это какая-то другая классификация, то, возможно, она и приемлема для уголовного процесса, хотя аргументов в пользу этого не приводится.

Все сказанное дает основание утверждать, что процессуальная функция состава преступления имеет свое содержание, подтверждает значение состава для процессуальной деятельности. Отметим в связи с этим еще, что состав преступления оказывает серьезное влияние на разработку криминалистических характеристик преступлений и частных методик расследования. И в этом плане можно говорить о криминалистической функции состава. Но это уже предмет другой статьи.

Список литературы: 1. Бажанов М. И. Уголовное право Украины.—Днепропетровск, 1992. 2. Бажанов М. И. К вопросу о функциях состава преступления: Сб. кратких тезисов докл. и науч. сообщ. конференции по итогам научной работы за 1992 год.—Харьков, 1993. 3. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права.—Киев, 1903. 4. Волков Г. И. Учебный курс криминального права: Злочин.—Харків, 1930. 5. Пионтковский А. А. Советское уголовное право: Общая часть.—М., 1929. 6. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном процессе.—М., 1946. 7. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права.—М., 1991. 8. Спасович В. Д. Учебник уголовного права.—Спб., 1863. 9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.—М., 1958. 10. Теория доказательств в советском уголовном процессе.—М., 1973. 11. Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон.—Тбилиси, 1975. 12. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления.—М., 1946. 13. Уголовное право: Часть Общая.—М., 1948. 14. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства.—Т. 2.—Спб., 1912. 15. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс.—М., 1962.

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В диспозициях статей о преступлениях против общественной безопасности в качестве предметов этих посягательств указаны: огнестрельное и холодное оружие, боевые припасы, радиоактивные материалы, взрывчатые, легковоспламеняющиеся и едкие вещества. Их характер, определенные свойства предопределяют содержание объекта уголовно-правовой охраны данных преступлений, служат основой правильной квалификации и разграничения посягательств против общественной безопасности от смежных деяний.

Предметы преступлений против общественной безопасности, как и другие предметы, обладают бесчисленным множеством свойств. Последние характеризуют те или иные стороны предметов и проявляются во взаимоотношениях с другими предметами (З. с. 108). Эти взаимоотношения весьма разнообразны, и поэтому в одних отношениях предметы проявляют одни свойства, а в других — другие (4, с. 33—41). Нас интересуют только такие свойства (признаки) рассматриваемых предметов, которые характеризуют их как предмет преступлений против общественной безопасности. Таковыми, на наш взгляд, являются: повышенная общая опасность, специальное назначение и особый правовой режим.

Повышенная общая опасность. Природная, вещественная сущность предметов преступлений против общественной безопасности заключается в том, что их действие связано с повышенным общим риском для жизни и здоровья граждан и имущества. Они могут оказать внезапное, мгновенное разрушительное воздействие, привести к смерти или телесным повреждениям, уничтожению или повреждению имущества. Эта внутренне присущая им способность уничтожения, повреждения, т. е. обладание поражающим эффектом, является их объективным и основным свойством. Оно заложено в них, обусловлено их внутренней природой и, как правило, придается им при их изготовлении. С исчезновением этого свойства предмет может и не исчезать сам по себе, но становится предметом с другими свойствами. Поэтому предметы преступлений против общественной безопасности должны быть пригодны для разрушения, повреждения или уничтожения, обладать способностью поражать человека, причинять ему смерть или телесные повреждения, значительный ущерб имуществу. Пригодными данные предметы считаются и в том случае, когда они могут быть приведены в надлежащее состояние (например, путем ремонта, доделок) для соответствующего использования. Если признаком пригодности в указанном значении эти предметы не обладают, обращение с ними не может причинить ущерба отношениям общественной безопас-

ности. В этих случаях исключается квалификация содеянного по статье УК, предусматривающим ответственность за преступления против общественной безопасности.

Специальное назначение. Из природного признака предметов преступлений против общественной безопасности вытекает их социальный (функциональный, целевой) признак. Они выполняют или способны выполнять одну и ту же функцию, одну и ту же цель, предназначены или могут быть использованы в качестве средств поражения человека, разрушения или повреждения окружающей среды. Родовая их сущность заключается в выполнении этой общей функции, а видовая — в специфике способов ее выполнения. Именно такое свойство предметов преступлений против общественной безопасности, как их повышенная общая опасность, и лежит в самой основе определения данных предметов как средств, в самой основе возможности применить каждый из них в качестве средств определенной цели.

В данных предметах содержится возможность их использования в качестве средств совершения преступлений, непосредственного причинения вреда, а также заложена определенная «программа» возможных действий, которые могут быть совершены путем использования этих предметов (2, с. 41). Поэтому законодатель более чем в 10% составов преступлений включил в диспозиции статей УК указание на оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества. К тому же более 50% предусмотренных УК преступлений вообще может быть совершено с использованием предметов посягательства против общественной безопасности.

Особый правовой режим. Чтобы предотвратить опасность причинения вреда правам и свободам граждан, правоохраняемым интересам общества и государства, предупредить несчастные случаи, преступления с применением общеопасных предметов и использовать их в общественно полезных целях, государство устанавливает целую систему норм (правил) общественной безопасности, определяющих порядок обращения с ними, порядок их изготовления, приобретения, ремонта, хранения, ношения, пользования, учета перевозки, пересылки и т. д.

Таким образом, общими признаками рассматриваемых предметов являются: повышенная общая опасность, специальное назначение и особый правовой режим. Именно эти признаки и характеризуют общеопасные предметы как предметы преступлений против общественной безопасности. В других отношениях, взаимосвязях с иными явлениями, при совершении других преступлений, признаками которых могут быть общеопасные предметы, их свойства будут иными. Так, при шпионаже новые образцы оружия, боевые припасов, взрывчатых веществ характеризуются тем, что являются носителями определенных сведений, составляющих государствен-

ную тайну или иных сведений, которые передаются или собираются по заданию иностранной разведки для использования их в ущерб интересам Украины. Здесь не имеет значения, пригодны ли данные предметы или нет. Так же это не имеет значения при контрабанде данных предметов, так как незаконное их перемещение в любом состоянии через государственную границу Украины причиняет вред интересам Украинского государства.

Предметы преступлений против общественной безопасности обладают различными степенями повышенной общей опасности, поражающей мощи. Поэтому по степени опасности общеперасные предметы можно классифицировать на три группы: особо или чрезвычайно опасные, усиленно опасные и иные повышенной опасные общеперасные предметы. К первой группе относятся взрывчатые вещества и радиоактивные материалы, ко второй — огнестрельное оружие, боевые припасы и холодное оружие, к третьей — легковоспламеняющиеся и едкие вещества.

Первую и вторую группы составляют предметы абсолютно опасные, а в третью входят предметы относительно опасные. Степень опасности общеперасных предметов обуславливает объем правового регулирования обращения с ними, широту правил безопасности и криминализации нарушения порядка обращения с ними. Чем более опасен общеперасный предмет, тем шире криминализуются нарушения правил обращения с ним и наоборот. Так, с учетом чрезвычайной опасности взрывчатых веществ и радиоактивных материалов предусматривается ответственность практически за любое нарушение правил обращения с ними (ст. 221—223, 228—2—228—5 УК). Более узкий, хотя и достаточно значительный объем деяний криминализирован за нарушение порядка обращения с оружием, боеприпасами (ст. 222—224 УК). Наконец, наиболее узкий объем деяний криминализирован за нарушение порядка обращения с легковоспламеняющимися и едкими веществами (ст. 221-1 и 225 УК). Здесь относительно данных предметов предусмотрена ответственность лишь за незаконный провоз на воздушном судне легковоспламеняющихся веществ (ст. 221-1 УК) и за незаконную их пересылку, а также едких веществ (ст. 225 УК). За нарушение других правил обращения с этими веществами ответственность может наступать по ст. 220—1 УК при наличии всех других признаков преступления, ею предусмотренного.

Если для решения вопроса о том, являются ли оружием, боевыми припасами, радиоактивными материалами, взрывчатыми, легковоспламеняющимися или едкими веществами те или иные предметы, требуются специальные познания, то необходимо назначение экспертизы.

Предметы преступлений против общественной безопасности имеют некоторое сходство с предметами транспортных преступлений и

преступлений против безопасности производства. Это сходство заключается в том, что транспорт и некоторые производства являются источниками повышенной опасности. Однако наряду со сходством свойства предметов преступлений против общественной безопасности, их назначение и правовой режим существенно отличаются от транспортных средств и производства. Транспорт и техника в производстве — это машины. Их структура, общественное назначение, характер использования совершенно иные, чем предметов преступлений против общественной безопасности. Это технические системы, технологии. Обеспечение технической безопасности, в отличие от общественной безопасности, в значительной мере носит не социальный, а технический характер.

Транспорт и техника производства — это либо машинная техника, выполняющая вместо человека те или иные функции, в том числе и с помощью орудий, инструментов, или информационно управляющая техника, в которой информационно управляющие автоматы выполняют и некоторые функции умственного труда. Их опасность, разрушительные свойства являются производными, побочными свойствами. При изготовлении транспорта и техники производства принимаются меры, исключающие, предупреждающие, уменьшающие эту опасность в самих предметах. Здесь осуществляется требование (лозунг) «от техники безопасности к безопасной технике», к технике без опасности. Эта идея заключается в создании такой техники, безопасность которой не зависима от вмешательства человека, в создании закрытых циклов, исключающих опасность причинения вреда. Иначе обстоит дело при изготовлении оружия, боевых припасов и других предметов преступлений против общественной опасности. Им, наоборот, придается опасность, причем как можно большая, чтобы они могли быть эффективными, ибо их опасность — это главное, основное свойство, определяющее саму их природу и целевое назначение. Опасность транспорта и техники производства — это так называемая «плата» за технику, побочный продукт научного прогресса, его обратная отрицательная сторона, а опасность оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и других предметов преступлений против общественной безопасности — их лицевая сторона, положительное свойство.

Общественная безопасность предполагает не устранение опасности в самих предметах, а обеспечение их безопасного функционирования и тем самым защиту от этих опасностей. Отсюда следует, что предметы преступлений против общественной безопасности являются источниками очевидной опасности, а транспорт и производство — источниками не столь очевидной, как правило, потенциальной опасности.

Различно и назначение предметов преступлений против общественной безопасности, транспорта и производства. Транспортные

средства — это средства перевозки и связи. Назначение производства — создание средств потребления и новых средств труда. Иное назначение имеют предметы преступлений против общественной безопасности. Здесь следует учитывать, что при изготовлении оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и радиоактивных материалов, других предметов преступлений против общественной безопасности имеется в виду не только их разрушительная, поражающая способность, но и удобство использования, возможность хранения и ношения, быстрого приведения в действие, возможность применения и т. д. Различен и правовой режим предметов преступлений против общественной безопасности по сравнению с транспортом, производством и используемой на нем техникой. Правовой режим предметов преступлений против общественной безопасности более объемный и жесткий. Эти и другие обстоятельства и являются основаниями для выделения в самостоятельные группы преступлений против общественной безопасности, транспортных преступлений и преступлений против безопасности производства [5, с. 22—23].

Список литературы: 1. Матышевский П. С. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. — М.: Юрид. лит., 1964. 2. Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. — Харьков: Выща школа, 1982. 3. Сташис В. В., Бажанов М. И., Нові підручники з кримінального права // Рад. право. — 1970. — № 1. 4. Тацій В. Я. Об'єкт і предмет злочину в кримінальному праві України: Навч. посіб. — Харків: 1994. 5. Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. — Харьков, Выща школа, 1981.

В. И. Борисов, д-р юрид. наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Для организации и обеспечения отношений безопасности производства и условий его безвредности используется достаточно сложная система законов и подзаконных актов, относящихся к различным отраслям права (трудового, природоохранительного, гражданского, хозяйственного, административного и др.), а также технические нормы. Нормы об ответственности за посягательства на безопасность производства содержит и действующий УК Украины в ст. 135, 218—220, 221, 228—5. Заключенные в этих статьях предписания представляют в системе Особенной части УК своеобразное нормативное образование, общим признаком которого является функция охраны отношений безопасности производства от преступных посягательств.

В связи с этим интерес представляет вопрос о месте норм УК

в общей системе правового обеспечения отношений безопасности производства, их назначении, взаимосвязи с нормами иных отраслей права, а также техническими нормами.

Известно, что правовые нормы, обеспечивающие организацию общественных отношений, подразделяются на регулятивные и охранительные [7, с. 9—10]. В теории права отмечается, что нормы, в состав которых входит юридический факт, связанный с предоставлением субъектам и участникам отношений прав и возложением на них обязанностей в целях обеспечения нормальной организации общественных отношений, являются регулятивными [2, с. 67]. К ним в рассматриваемой системе относятся нормы: а) непосредственно регулирующие организацию отношений безопасности производства; б) определяющие деятельность по надзору и контролю за соблюдением нормативно-технических требований техники безопасности, промышленной санитарии, безопасности производственного оборудования и производственных процессов, средств индивидуальной защиты работающих, иных мер охраны труда; в) регламентирующие деятельность профсоюзов по вопросам охраны труда и некоторые другие [3, с. 100]. В качестве примеров регулятивных норм можно назвать: ст. 153—157 гл. XI «Охрана труда» КЗоТ Украины; Положение о разработке инструкций по охране труда [9, с. 3—17]; Типовое положение для инженерно-технических работников, осуществляющих надзор на предприятиях и в организациях за содержанием и безопасной эксплуатацией подъемных сооружений [9, с. 282—286].

Предметным содержанием значительной части регулятивных норм, которыми обеспечивается нормальная организация отношений безопасности производства, являются технические нормы. С. А. Голощاپов, характеризуя их, писал: «Технические нормы (в широком смысле) содержат требования по охране труда к средствам и предметам труда, и потому они составляют содержание правовых норм, регулирующих различные виды общественных отношений, т. е. норм, относящихся к различным отраслям права» [3, с. 72]. В технических нормах формулируются обязательные для поддержания состояния безопасности и условий безвредности требования, основанные на законах механики, физики, химии, других сил природы с учетом психофизиологических возможностей человека в системе «человек — техника — производственная среда». Они оформляются в правила, инструкции, стандарты и другие нормативно-технические акты. На необходимость их исполнения (порядок, условия) указывается в нормах трудового, аграрного, административного, гражданского, других отраслей права. Иначе говоря, в целях обеспечения нормальной организации отношений безопасности производства технические нормы включаются в качестве составного элемента правовых норм. С помощью регулятивных механиз-

мов, заложенных в правовых нормах, технические нормы приводят-ся в исполнение.

Особую группу в системе правового обеспечения составляют охранительные нормы. Они устанавливают правовые последствия правонарушений или других обстоятельств, препятствующих осуществлению регулятивных норм [7, с. 9—10]. По мнению С. С. Алексеева, к правоохранительным относятся «нормы, направленные на регламентацию мер юридической ответственности, а также специальных государственно-принудительных мер защиты субъективных прав и превентивных средств (обобщенно-санкций)... Своеобразие охранительных норм, — пишет далее он, — состоит в том, что они всегда содержат юридическую санкцию» [1, с. 237]. Расположенные в различных отраслях права, в том числе уголовном, они действуют лишь в связи с регулятивными нормами. Охранительная норма, — замечает П. Ф. Елисейкин, — вне отношения к регулятивной норме бессмысленна [4, с. 28]. В то же время регулятивная норма хотя и первична по отношению к охранительной, но вне связи с ней теряет качество принадлежности к праву. Ведь, «юридическая», «правовая» — это значит, применительно к норме, исходящая от государства и поддерживаемая (охраняемая) соответствующими санкциями. Только в связи с охранительной нормой регулятивная может быть воспринята как юридический феномен [4, с. 28]. Поэтому, надо полагать, регулирование и охрана общественных отношений, в том числе по безопасности производства, особенно ввиду того, что они предусмотрены различными отраслями права, должно быть и согласованными и взаимосвязанными.

В связи с изложенным возникает вопрос о взаимодействии охранительных норм с техническими. Как было отмечено, последние приводятся в исполнение с помощью регулятивных норм: как действуют технические нормы, при каких условиях, кто является субъектом их исполнения — ответ дают регулятивные нормы. Что касается охранительных, то они обеспечивают исполнение технических норм путем угрозы ответственности и ее применения к отдельным субъектам правоотношений (правонарушителям). Таким образом, **связь между охранительной и технической нормой опосредуется через действие регулятивной нормы.** Поэтому применение охранительной нормы, в том числе уголовно-правовой, в связи с нарушением субъектом требований безопасности производства, возможно лишь через познание содержания механизма действия регулятивной нормы.

Специфика правового обеспечения отношений безопасности производства такова, что одни из них, регулируемые определенной отраслью права, охраняются ее же нормами, другие требуют применения к правонарушителям норм иных отраслей права. Так, соблюдение норм административного права обеспечивается в основном

санкциями этой же отрасли. Соблюдение же норм трудового права, регулирующих рассматриваемые отношения, — не только санкциями данной отрасли (дисциплинарные взыскания, возмещение материального ущерба), но и санкциями административного и уголовного закона.

В литературе справедливо отмечается, что вид ответственности определяется не только принадлежностью к той или иной отрасли права, но и главным образом характером правонарушения, степенью его тяжести (8, с. 164—165). «Высокая общественная опасность правонарушения может обусловить такие меры государственного принуждения, которые по своему характеру не устанавливаются той отраслью права, чьи нормы нарушены» [7, с. 22]. В силу особой серьезности последствий, которые могут наступить в результате неисполнения технических норм, обязательное соблюдение которых предусмотрено регулятивными отраслевыми нормами, ответственность за наиболее общественно опасные их нарушения выносятся за пределы отраслевого законодательства (трудового, гражданского и др.), устанавливается в нормах административного и уголовного права. Так, ст. 265 КЗоТ Украины определяет, что должностные лица, виновные в нарушении законодательства о труде и правил по охране труда, в невыполнении обязательств по коллективным договорам или соглашениям по охране труда или в препятствовании деятельности профсоюзных организаций, несут ответственность в порядке, установленном законодательством Украины. Речь идет о дисциплинарной, материальной, административной и уголовной ответственности. Но если порядок применения дисциплинарной ответственности предусмотрен в ст. 147—152 КЗоТ Украины, а материальной — ст. 130—138 этого Кодекса, то вопросы применения административной и уголовной ответственности рассматриваются вне его рамок — в нормах административного и уголовного закона.

Следовательно, специфика системы отношений безопасности производства такова, что их охрана законодателем предусматривается санкциями, как административного и уголовного, так и соответствующих отраслей законодательства. В ряду охранительных норм уголовно-правовые устанавливают наиболее строгие меры борьбы с неисполнением субъектом требований, содержащихся в технических нормах. Поэтому применяются они (или должны применяться), когда иные меры воздействия не могут дать желаемого результата и дальнейшее поведение субъекта становится очевидно опасным. Например, субъект, несмотря на меры правового воздействия, которые были применены ранее к нему, продолжает отступать от требований технических норм, относится к их соблюдению беспечно. Это также случаи, связанные с наступлением реальных, достаточно значительных по степени тяжести последствий — средней тя-

жести или тяжкие телесные повреждения, смерть человека, значительный материальный ущерб. Применение мер уголовной ответственности к лицам, вызвавших своим поведением наступление указанных последствий, воспринимается общественным сознанием как достаточно строгая, но справедливая мера правового реагирования на допущенное общественно опасное деяние (см., напр.: ч. 2 ст. 135, ч. 2 ст. 218 УК Украины). Норма уголовного закона,—пишет В. Н. Кудрявцев,— должна предусматривать те и только те деяния, которые действительно опасны для общества и с которыми вести борьбу можно только уголовно-правовыми средствами» [6, с. 6]. Там, где желаемый результат достижим применением не столь репрессивных мер — административных, дисциплинарных, гражданско-правовых, уголовная ответственность нецелесообразна. Уместно обратиться и к рекомендациям XII Конгресса международной ассоциации уголовного права, где сказано: «Неосторожные нарушения менее серьезного характера должны влечь за собой административную ответственность или гражданскую санкцию. Социальные и просветительные меры должны применяться достаточно широко для предотвращения и сдерживания этих менее серьезных неосторожных деяний» [10, с. 2]. Именно поэтому представляется важным при конструировании уголовно-правовых норм вводить в их тексты признаки, которые позволяли бы четко проводить отличие их от охранительных норм иных отраслей права.

Специалисты, изучая место уголовно-правовых норм в правообеспечивающей системе, задаются вопросом: какие нормы нарушаются совершением преступления. Так, В. М. Коган полагает, что «преступление и нарушает уголовно-правовую норму, и служит условием ее применения» [5, с. 34]. С ним не согласен Е. Я. Мотовиловкер. «Нарушенная преступлением норма, — пишет он, — является другой нормой по отношению к охранительной уголовной норме, указывающей в своей гипотезе на факт преступления» [7, с. 22—23]. Для ответа на этот вопрос необходимо определить источник запрета в системе правовых норм. В нашем случае это запрет на нарушение требований технических норм. Где, каким образом он обозначен в норме права и содержится ли запрет в уголовно-правовой норме? Обратимся вновь к мнению Е. Я. Мотовиловкера: «Запрещающая норма, — полагает он, — соответствует охранительной норме, связана с ней, но является внешней (другой) по отношению к последней. Соблюдение запрета связано с поддержанием нормального хода общественных правоотношений. Поэтому запрещающая норма носит регулятивный характер» [7, с. 23]. Однако формирование запрета в среде регулятивных норм не исключает, как представляется, возможности воспроизведения его в уголовно-правовой норме или же самостоятельного оформления в норме УК специальных запретов в отношении отдельных форм антиобществен-

ного поведения. Для воспроизведения запрета в уголовно-правовой норме законодатель, конструируя ее, использует бланкетную диспозицию. В диспозиции запрет повторяется самым общим образом (из числа рассматриваемых нами практически все нормы имеют такие диспозиции). Конкретные же запретительные меры формулируются в нормах иных отраслей права, регулирующих отношения безопасности производства. Используя регулятивные нормы, законодатель также указывает в них субъектам общественных отношений на серьезные правовые последствия, которые ожидают нарушителя, включая применение уголовной санкции. Поэтому, если рассуждать о функциональном назначении рассматриваемых норм УК, то главное для них — не запрет на нарушение — деяние (он уже был конкретно обозначен в регулятивной норме), а **угроза применения серьезных санкций.** Просматривается еще одна особенность анализируемых норм УК. Она заключается в том, что формулируемый в них запрет должен охватывать всю возможную совокупность регулятивных норм, вне зависимости от их отраслевой принадлежности, вида производства. Поэтому запрет в норме УК и формулируется, как правило, общим образом. Из этого следует, что совершая деяние, предусмотренное нормой УК, имеющей бланкетную диспозицию, субъект нарушает положения, сформулированные регулятивной нормой другой отрасли права. К этим положениям и отсылает норма УК, когда возникает вопрос о ее применении. Далее, поскольку предметной основой регулятивных норм, обеспечивающих безопасность производства, являются технические нормы, то нарушение (действие, бездействие) должно находиться в связи с конкретными их требованиями. Такая связь заключается в неисполнении, ненадлежащем исполнении или совершении действий вопреки требованиям технических норм.

Однако имеются уголовно-правовые нормы, содержащие в диспозициях непосредственные запреты на определенные деяния. Между ними и регулятивными нормами нет жесткой корреляционной зависимости. Установление запрета, предусмотренного этими нормами, возможно вне связи с иными отраслями права. Деяние, запрет на совершение (несовершение) которого содержится в них, очевидно, элементарно для осознания его общественной опасности. Совершить его может практически любое лицо, обладающее общими признаками субъекта. Законодатель, формулируя такое деяние в уголовно-правовой норме, исходит, как правило, из норм общей предосторожности — неписанных правил поведения, выработанных человеческим опытом. Именно по этим основаниям, в связи с нарушением на производстве общих норм предосторожности, применяются ст. 98 и 105 УК Украины.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

Правовые нормы, обеспечивающие безопасность производства, в

своей совокупности должны обладать признаками межотраслевого системного правового образования (со своими объектом, элементами и связями). Общим объектом регулирования и охраны этого образования являются соответствующие общественные отношения. Уголовно-правовые нормы, охраняющие эти отношения, являются элементом (частью) такого образования. Они должны обладать признаками, качественно отличающими их от иных охранительных норм.

Уголовно-правовые нормы, охраняющие отношения безопасности производства, будучи бланкетными, обладают только относительной самостоятельностью — в части использования санкции. Что касается реального их применения, то оно возможно только в сочетании с регулятивными нормами других отраслей права.

Список литературы: 1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2-х томах. — Свердловск, 1972, т. 1. 2. Алексеев С. С. Общая теория права. — М., 1982, т. 2. 3. Голцапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. — М., 1982. 4. Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы /Понятие, виды, структура // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. — Ярославль, 1977, вып. 2. 5. Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. — Алма-Ата, 1966. 6. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. — М., 1981. 7. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. — Воронеж, 1990. 8. Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. — М., 1963. 9. Охрана труда в машиностроении: Сб. нормат.-тех. документов. — М., 1990, т. 1. 10. Рекомендации XII конгресса Международной ассоциации уголовного права. — М.: ВЮЗИ, 1979.

Н. Н. Ярмыш, канд. юрид. наук

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В ст. 99 УК Украины названы четыре формы доведения до самоубийства. В случае, если потерпевший находился в зависимости от виновного, доведение до самоубийства возможно путем жесткого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. При отсутствии зависимости формы доведения названы иначе: систематическая травля или клевета.

Жестокое обращение в уголовно-правовой науке и практике толкуется чрезвычайно широко и многообразно. В самом общем виде его характеризуют как «безжалостное, грубое поведение, причиняющее физические и психические страдания» (4, с. 72).

Многие авторы подразделяют жестокое обращение на деяния физического и морального порядка. И это вполне логично. Но закономерно и то, что одни и те же деяния могут воздействовать на человека одновременно и в физическом, и в моральном плане. Вполне допустимо говорить о том, что физические мучения человека,

как правило, сопровождаются и моральными страданиями, затаргивают личностные чувства жертвы. Применительно к доведению до самоубийства это правило, видимо, не имеет исключений, поскольку потерпевшим от этого преступления может быть только человек, обладающий свойством личности (оно заключается в возможности осуществления сознательного выбора вариантов поведения). Физические мучения способны довести человека до самоубийства, только преломляясь через его личностную, моральную субстанцию.

Наиболее часто причиной самоубийств выступает жестокое обращение в виде физического насилия — побоев, истязаний, телесных повреждений. Когда насилие применяется систематически, признание такого поведения жестоким обращением обычно не вызывает затруднений. Трудности появляются, когда причиной самоубийства служит единичная акция жестокости. Тогда возникает вопрос: можно ли под жестоким обращением понимать «разовую жестокость» или же названное в законе деяние предполагает систематическое ее проявление. Мнения ученых по этому вопросу зачастую прямо противоположны.

Признак систематичности отнесен законодателем к унижению человеческого достоинства, а применительно к жестокому обращению он не назван. Некоторым сторонникам «разовой жестокости» это представляется убедительным доводом, опровергающим утверждения их оппонентов, что единичные случаи побоев (и других проявлений жестокости) нельзя считать жестоким обращением (1. с. 35).

Разногласия по поводу сути жестокого обращения небесспорны. Повод к дискуссии, очевидно, дает то обстоятельство, что исследователи иногда недооценивают всей глубины и емкости смысла слова «обращение», не замечают, что его можно понимать как процесс, как систему поведения, но не как единичный акт (нельзя сказать: «Он со мной жестоко обратился»). В силу такой специфики попытки выразить с помощью слова «обращение» возможность осуществления какого-либо единичного действия обречены на неудачу. По этой причине, например, ощущается явный диссонанс в предлагаемой Б. У. Джамаловым формулировке статьи: «Доведение до самоубийства... путем совершения жестокого обращения» [2. с. 103].

Строго говоря, жестокое обращение — это и есть систематическое проявление жестокости, поэтому применительно к данной форме доведения до самоубийства добавление слова «систематическое» и не требуется. Более того, оно здесь неуместно, так как выражение «систематическое жестокое обращение» являло бы собой такую же тавтологию, как, например, «длящийся процесс» или «тайная кража».

Трудно сказать, ориентировался ли законодатель на этот глу-

бинный смысл слова «обращение», т. е. имел ли в виду систему жестоких поступков или же подразумевал под жестоким обращением и единичные случаи жестокости. Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно. Очевидно, в этом и кроется причина существования диаметрально противоположных взглядов на рассматриваемую проблему. Тем не менее практика настоятельно требует определиться в этом вопросе. Трактовка жестокого обращения как систематического совершения жестоких поступков отражала бы содержание слова «обращение» и потому вполне соответствовала бы «букве» закона. Но вряд ли при этом сохранился бы его «дух». В современных условиях, когда на первый план выдвигается приоритет интересов личности, охрана их средствами уголовного законодательства приобретет особое значение. Толкование жестокого обращения как системы жестоких акций неоправданно ограничивало бы возможности применения исследуемой нормы, вносило бы в решение животрепещущих вопросов элементы схоластического формализма («не менее трех раз»), шло бы в разрез с представлениями о справедливости закона. Ведь в этом случае человек, три раза совершивший поступки незначительной степени жестокости, привлекался бы к уголовной ответственности за доведение до самоубийства, но от нее мог бы уйти тот, кто совершил чрезвычайно жестокое, но единичное действие.

Для того, чтобы положить конец многолетним спорам, необходимо сконструировать норму таким образом, чтобы ее буквальное толкование давало очевидную возможность рассматривать в качестве деяния и единичные случаи жестокости. Для этого слова «обращение» можно было заменить другим — «обхождение», которое вполне может означать и единичный поступок. Однако использование этого слова трудно назвать удачным, поскольку оно имеет некоторый налет архаичности, в современном русском языке почти не употребляется. Кроме того, даже если все-таки заменить им слово «обращение», возможность рассматривать в качестве деяния единичные случаи жестокости будет «перечеркнута» словом «доведение».

Дело в том, что само это понятие, являющееся обобщающим по отношению ко всем формам деяний, предусмотренных ст. 99 УК Украины, предполагает процесс, некоторую систему поведенческих актов, ведущих к определенному результату. Иное понимание представляется нелогичным, противоречащим самому строю языка, этимологии слова «доведение». Единичные акты жестокости не вписываются в это понятие, а потому до тех пор, пока слово «доведение» будет фигурировать в законе, будут продолжаться соответствующие дискуссии, следовательно, заменить слово «обращение» недостаточно. Полностью устранить двусмысленность можно только отказавшись от использования в диспозиции статьи

и слова «доведение». Это можно сделать, построив ее, например, по такому принципу: «Проявление жестокости... следствием чего явилось самоубийство»... При такой формулировке под признаки деяния попадали бы как единичные акты жестокости, так и система деяний, образующих в своей совокупности жестокое обращение.

В качестве моральной жестокости обычно называют следующие проявления: травля, клевета, оскорбления, угрозы, издевательство над физическими и умственными недостатками, необоснованные взыскания и другие грубое, бестактное поведение, издеательства морального порядка.

Анализируя научную литературу, нетрудно заметить, что те же поступки называют и в качестве вариантов другой формы доведения до самоубийства — систематического унижения человеческого достоинства. Систематическое унижение достоинства приводят даже как пример жестокого обращения. Позиция авторов, которые рассматривают его в качестве разновидности жестокого обращения, по мнению автора, является вполне обоснованной. Но если унижение достоинства — это вариант жестокого обращения, то признание жестоким обращением «разовой жестокости» приведет к тому, что признак систематичности применительно к унижению достоинства утратит какое бы то ни было значение. Там, где нельзя усмотреть системы унижения достоинства, все равно можно будет констатировать наличие деяния, но только уже осуществляющего в форме жестокого обращения.

Более того, поскольку «систематическое унижение человеческого достоинства» — это разновидность жестокого обращения, то самостоятельного значения оно не имеет, и указывать его альтернативно по отношению к жестокому обращению нелогично. Тем не менее, учитывая то, что жестокое обращение в обыденном сознании прежде всего ассоциируется с физическим насилием, а также чтобы избежать затруднений в практике применения статьи, целесообразно было бы в законе назвать данный признак как уточняющий. Сделать это можно, воспользовавшись следующей формулировкой: «Проявление жестокости, в том числе и унижение достоинства, следствием чего явилось самоубийство потерпевшего».

Достоинство — это качество, присущее только человеку, оно не может быть «нечеловеческим». Поскольку закон должен быть четким и лаконичным, от использования в диспозиции статьи слова «человеческое», ничего не добавляющего для уяснения ее сути, можно безболезненно отказаться.

Подавляющее большинство ученых как примеры жестокого обращения, выражающегося в унижении достоинства, приводят травлю и клевету. Но во второй части ст. 99 УК Украины эти деяния названы в качестве самостоятельных форм доведения до самоубий-

ства. Здесь говорится о «систематической травле или клевете». Как видим, фраза построена так, что есть некоторые основания усомниться в том, что признак систематичности относится и к клевете (поскольку он назван только перед «травлей», и в единственном числе). Это служит причиной дискуссий. Обсуждается, в частности, вопрос о том, могут ли образовать объективную сторону доведения до самоубийства единичные факты клеветы [3. с. 121]. Хотя большинство ученых стоит на позиции, что признак систематичности относится не только к травле, но и к клевете, окончательного разрешения этот вопрос все же не получил. Между тем, ответ на него можно получить, если тщательно проанализировать значение слова «травля». Несмотря на то, что это слово носит собирательный характер, имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, в его толковании исследователи практически единодушны. Все они понимают травлю как различные проявления «систематической жестокости или унижительного обращения» [1. с. 34] т. е. систематическое причинение потерпевшему физических и моральных мучений.

Но если травля — это и есть система травмирующих поступков, то значит имеющийся в ч. 2 ст. 99 признак систематичности вполне можно относить к клевете. Применительно к травле он является излишним, хотя и назван перед ней.

Клевета — один из способов унижения достоинства. Об этом свидетельствует тот очевидный факт, что она относится к посягательствам на честь и достоинство личности. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему во второй части статьи предусмотрен только этот вид унижения достоинства, тогда как первая предполагает любые его варианты? Не ясно также, почему клевета выделена в самостоятельную форму доведения до самоубийства альтернативно травле. Ведь травить можно и систематической клеветой, т. е. клевета по существу является разновидностью травли.

Но и по поводу целесообразности выделения травли в самостоятельную форму есть серьезные сомнения. Ведь травля — это разновидность жестокого обращения. Учитывая, что содержание понятий «жестокое обращение», «унижение достоинства», «травля», «клевета», частично перекрывается (точнее, три последних являются разновидностями первого), следует признать, что такой разницей в терминологии должен быть устранен. Необходимо унифицировать деяния, предусмотренные законом, и тем самым сделать его более четким и доступным пониманию.

Осуществить это можно, построив часть вторую по известному принципу: «Те же деяния (имеется в виду «проявление жестокости, в том числе и унижение достоинства»), повлекшие...». Тем самым можно было бы избавиться от признака систематичности (как ат-

рибута травли и применительно к клевете), против которого обоснованно возражают многие исследователи, поскольку он сужает возможности применения данной статьи. Представляется также, что если сохранять деление ст. 99 на две части, то их следует поменять местами, т. е. отношения зависимости отразить в качестве квалифицирующего признака.

Название статьи («Доведение до самоубийства») необходимо сохранить в прежнем виде, поскольку оно привычно и понятно практическим работникам и широким слоям населения. Кроме того, оно отражает наиболее распространенные случаи, когда жесткие действия совершаются систематически и образуют именно доведение до самоубийства.

Предложенная реконструкция нормы приблизила бы закон к потребностям практики.

Список литературы: 1. Авакян Р. З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние.— Ереван, 1971. 2. Джамалов Б. У. Совершенствование законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью.— Ташкент, 1987. 3. Сарыев Б. С. Ответственность за преступления против жизни и здоровья.— Ашхабад, 1973. 4. Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике.— Харьков, 1987.

Т. Н. Мирошниченко, канд. юрид. наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СПОСОБАХ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Широкое понимание в юридической науке принципа как начала, исходного пункта «становления бытия» послужило причиной наличия в специальной литературе множества диффиниций принципа права. В одних определениях обращается внимание на то, что принцип — категория объективная, в других юридический принцип трактуют в качестве основных идей и даже понятий, выражающих сущность права [13, с. 9; 12, с. 64; 2, с. 5].

С гносеологической точки зрения важно то, что категория «принцип» тесно связана с категориями «закономерность» и «сущность». Однопорядковый характер этих понятий дает основания определять юридический принцип через закономерности развития общества и права либо через сущность и содержание последнего. Сущность и закон не тождественные, но однопорядковые, одностепенные философские понятия. В известном смысле принцип есть теоретическое обобщение наиболее типичного, что констатирует и выражает закономерность, положенную в основу познания [4, с. 6].

Этот вывод приобретает важное значение в связи с существующей в науке точкой зрения на принципы как на обладающие «осо-

бой непрекаемости, невозможностью отступления от них даже в порядке изъятия» [1, с. 65]. Думается, вряд ли такое свойство вытекает из понятия принципа как «преобразованной формы проявления закономерностей развития», сформулированного самим автором упомянутой точки зрения, поскольку закономерность есть особое состояние закона в необходимом процессе, обусловленное влиянием противодействующих факторов, которые вызывают проявление его в определенной мере соответственно характеру и степени воздействия этих факторов. Закон, как правило, выступает не в чистом виде, а в виде закона-тенденции, «не обладающего непосредственным бытием и являющегося своего рода идеалом в смысле среднего, ...нормального» [9, с. 56]:

Поскольку закономерный процесс протекает во времени и пространстве и состоит из группы законов-тенденций, постольку с учетом противодействующих сил он «проявляется не фатально-прямолинейно, а в виде некоторого итога, суммирующего также случающиеся временные отклонения» [5, с. 33]. В философской литературе эти положения довольно актуальны в связи с исследованием диалектической зависимости категорий необходимости и случайности. Принципиальные положения, таким образом, не исключают наличия изъятий. Более того, они объективно обусловлены, предполагают их и тем самым подчеркивают общее правило. Так, ограничение принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела состоит в недопустимости во имя интересов личности действий, унижающих ее достоинство или опасных для здоровья, при освидетельствовании. В качестве свидетеля не может допрашиваться защитник об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с защитой, хотя такой допрос мог бы прояснить истину. Принцип гласности в судебном разбирательстве ограничивается, если этого требуют интересы потерпевшего. Имеет исключение и принцип законности в силу предусмотренной возможности правоприменения по аналогии.

Дискуссионным в науке продолжает оставаться вопрос о наличии в уголовном процессе принципов, присущих отдельным стадиям. Одни авторы полагают, что принципами являются такие отправные положения, которые имеют проявления во всех стадиях [4, с. 26], другие усматривают действие некоторых из них в отдельных стадиях [13, с. 36; 3, с. 35]. Последняя точка зрения представляется более правильной по следующим соображениям.

Уголовный процесс, протекающий во времени и пространстве, представляет собой систему последовательно сменяющих друг друга стадий с определенным кругом субъектов, задач, итоговых документов. С точки зрения философии элементы исследуемой системы (стадии) представляют собой различные причинно-следственные связи, обуславливающие особенности проявления общих зако-

номерностей применительно к данной системе параметров. Определенному виду отношений, следовательно, свойственны свои законы, выраженные в известных сущностных характеристиках — принципах. Так, принцип состязательности действует только в судебных стадиях. В стадии предварительного расследования ограничено действие принципа непосредственности, а принцип гласности здесь почти исключен.

Нормативные свойства принципов, императив, заключенный в них, признаются в юридической литературе всеми авторами. Разногласия остаются по поводу способов нормативного закрепления их в праве. Уголовно-процессуальный закон не содержит четких указаний на то, какие из его положений являются принципами судопроизводства. Это позволяет строить систему принципов, учитывая важность тех или иных предписаний процессуального закона. При этом, исходя из нормативного характера принципов процесса необходимо учитывать, что форма закрепления их в законе может быть различной. Одни принципы непосредственно выражены в конкретных правовых нормах, например, осуществление правосудия только судом (ст. 15 УПК), гласность судебного разбирательства (ст. 20 УПК), другие могут вытекать из ряда процессуальных норм, например, публичность процесса (ст. 4, 29, 45, 53¹, 247 УПК); состязательность (ст. 261, 264, 296 УПК).

Различия в приемах законодательного закрепления не могут служить основанием для признания или непризнания соответствующего положения принципом права [4, с. 17]. Принцип состязательности, например, как таковой в законе не сформулирован. Более того, в нем отсутствует даже сам термин. Однако главное заключается в том, что закон установил разделение процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения дела (ст. 25, 264, 265 УПК), а также предусмотрел равенство участников процесса (ст. 261 УПК). Эти положения имеют важное принципиальное значение — в них выражен принцип, который получил в науке наименование состязательности. Он, несомненно, имеет нормативный характер. Разумеется, это не исключает необходимости более четкого выражения его в законе.

Отдельные авторы утверждают, что некоторые принципы права формируются и действуют, не будучи до определенного времени четко выраженными в законодательстве. Они могут функционировать в сфере судебной практики и правовых обычаев (традиций), в области складывающихся комплексов субъективных прав и конкретных правоотношений. В качестве таковых называются аксиомы: «Никто не может быть судьей в собственном деле»; «Нельзя осуждать дважды за одно и то же» [13, с. 38]. Их с полным основанием можно отнести к общеправовым, получающим свое развитие в уголовно-процессуальном законодательстве.

Под определение принципа как обобщенного выражения сути соответствующего явления, отражающего объективно существующую реальность и действующие в ней закономерности, подпадают и так называемые принципы-определения. Применительно к уголовному процессу таковыми являются определения участников процесса, доказательств, понятия, содержащиеся в ст. 32 УПК.

Исходя из такого понимания сути и назначения важнейших определений уголовно-процессуального права значительно облегчается теоретическое обоснование некоторых проблемных ситуаций, возникающих в связи с введением в новое законодательство некоторых терминов, не согласующихся со сформулированными в УПК. Так произошло с понятием доказательства, содержание которого было существенно изменено Законом Украины «Об организационно правовых основах борьбы с организованной преступностью» от 30 апреля 1993 г., которым предусмотрены в качестве самостоятельных доказательств данные, полученные с применением технических средств. Аналогичная ситуация сложилась и с понятием «лицо, совершившее преступление» (ст. 104 УПК). Сам термин введен в статью без соответствующего определения. В первом случае возникшее противоречие устраняется правоприменителем, применяющим норму-принцип, закрепленную в ст 65 УПК как обладающую большей степенью нормативности. Во втором — внесением соответствующих дополнений в ст. 32 УПК, разъясняющую значение применяемого понятия.

Что же касается возникающих несоответствий между «рядовыми» нормами УПК и последующих законов, то, думается, следует отдавать предпочтение изданным позднее при условии, что они не противоречат принципам процесса.

В настоящее время нет нормативного акта, определяющего порядок утраты силы законов. Юридическая теория выработала положение о «вытеснении» одного закона другим, которым должны пользоваться в подобных случаях. «Последующий закон по тому же вопросу прекращает действие предыдущего закона» [11, с. 30]. Если отбросить все условности о преимуществах УПК перед обычными законами, то именно так и следовало бы поступать — юридическая сила этих законов одинакова. Ученые юристы, однако, считают необходимым повышение роли законов, в частности, «возглавляющих» соответствующие отрасли законодательства. Это во многом способствовало бы укреплению и развитию связей соподчиненности в определенных структурных подразделениях и усовершенствованию связей управления внутри систем [6, с. 106].

Право в целом с позиций теории систем представляет собой открытую, незавершенную (динамическую) систему, которой свойственна определенная стабильность ее элементов. Эта стабильность (предполагающая и изменяемость) во многом обуславливается на-

lichem принципов, внутриправовая функция которых состоит в «цементировании» всех компонентов юридической надстройки государства, внесении единообразия во всю систему юридических норм. Та или иная множественность объектов может быть признана системой лишь при наличии системообразующих связей. Они обеспечивают свойство целостности системы. Применительно к системе права ими являются: генетические, структурные (связи строения), субординации, координации (взаимосвязь) управления.

Что касается связей субординации, то, представляется, для принципов они вообще не характерны. Актуальным в этой связи становится вопрос о правомерности деления принципов на конституционные и иные. Такое разграничение по меньшей мере некорректно, поскольку невольно умаляет значение принципов, закрепленных в отраслевом праве. Общеизвестно, что Конституция — Основной Закон, почти все ее статьи — нормы-принципы. Но это не значит, что есть разница в силе нормативности закрепленных в ней и в других законах принципов, ведь принципы — это всегда обобщенная суть явлений. А ее не бывает больше или меньше. Сути бывает столько, чтобы сообщить явлению качественное своеобразие.

Принципы потому и являются наиболее общими нормами права, что они в одинаковой степени важны независимо от их правового выражения и диапазона их действий. Ничем не оправданы поэтому противопоставления одних принципов другим, в частности, судопроизводственных—судоустройственным, поскольку система принципов судопроизводства «поглощает» систему принципов судоустройства как обслуживающую ее в целях решения задач уголовного процесса. Повидимому именно для данного случая приемлемо обобщение из теории системных исследований: «Система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, состоящих в единстве со средой, и, как правило, любая исследуемая система является элементом системы более высокого порядка» [7, с. 72; 8, с. 173].

Следует заключить, что в уголовном процессе действует система равновеликих принципов с преобладающими связями координации (взаимодействия). Отношения дополняемости принципов, которые характерны для данной сферы правового регулирования, обеспечивают в целом непротиворечивость системы. Связь между ними настолько непосредственна, что нарушение одного принципа неминуемо влечет за собой нарушение другого. Так, несоблюдение принципа национального языка судопроизводства в конечном счете нарушает принципы и публичности, и «объективной истины», и обеспечения обвиняемому права на защиту.

При построении системы процессуальных принципов часто ограничиваются включением в нее лишь специфических принципов

судопроизводства. Между тем правильнее наряду с отраслевыми относить к системе общеправовые и межотраслевые принципы.

Общеправовые принципы отражены в Конституции Украины и отраслевом законодательстве. Сфера их действия распространяется на все или несколько отраслей права. К ним относят: принцип законности, равенства всех граждан перед законом, презумпции невиновности, национального языка судопроизводства.

Межотраслевые принципы права определяют организацию правового регулирования в нескольких смежных отраслях права. Это принципы: осуществления правосудия только судом, гласности, состязательности, устности, непосредственности, «объективной истины».

К сугубо отраслевым, действующим исключительно в уголовном процессе, относятся принципы: публичности, обеспечения обвиняемому права на защиту.

Таким образом, из приведенной выше системы принципов, действующих в уголовном процессе, вытекает следующее: каждая отрасль права характеризуется, во-первых, общими для всех отраслей основными принципами права; во-вторых, межотраслевыми принципами, которые свойственны объективному и субъективному праву сравнительно больших автономных групп отраслей; в-третьих, принципами, имеющими отношение только к данной отрасли права.

Список литературы: 1. Борисов Г. А. Общие принципы социалистического строя и советское право: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук — Харьков, 1977. 2. Букнина В. С. Принципы советского уголовно-процессуального права: Автореф. канд. дис. — М., 1975. 3. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. — М., 1981. 4. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. — М., 1971. 5. Закономерности социалистического государства. — М., 1983. 6. Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М., 1979. 7. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. — М., 1974. 8. Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. — М., 1966. 9. Светлаев В. Д. Закон и закономерность // Проблема социальной закономерности. — Горький, 1978. 10. Советский уголовный процесс. — Саратов, 1981. 11. Тилле А. А. Время, пространство, закон. — М., 1965. 12. Шейндлин Б. В. Сущность советского права. — Л., 1959. 13. Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. — М., 1978.

И. Д. Гончаров, канд. юрид. наук

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Правильно проведенное следствие в большинстве случаев заканчивается составлением обвинительного заключения и направлением уголовного дела прокурору для последующего направления

его в суд. Окончание предварительного расследования является рубежом, отделяющим расследование от последующих стадий уголовного процесса. Это весьма значительный и относительно самостоятельный этап предварительного расследования, в котором с участием обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей проверяются выводы следователя, выявляются и устраняются неполнота и отдельные пробелы следствия. На данном этапе следователь имеет возможность подвергнуть анализу всю совокупность собранных по делу доказательств, проверить полноту, всесторонность и объективность расследования.

Достижение этой цели во многом зависит от обеспечения обвиняемому его прав на защиту. Сущность этого права заключается в том, что обвиняемый может как сам, так и с помощью защитника знакомиться со всеми материалами дела, оспаривать предъявленное обвинение. Ознакомлясь с материалами дела в порядке ст. 218 УПК Украины, обвиняемый получает возможность наиболее эффективно реализовать свое право на защиту путем заявления ходатайства о дополнении следствия новыми материалами, а также путем обжалования тех или иных действий следователя.

Важной обязанностью следователя является разъяснение обвиняемому права самому избрать себе защитника или уполномочить на это своих родственников или близких. При этом совершенно недопустимы прямые или косвенные рекомендации следователя отказать обвиняемому от защитника или пригласить защитника, рекомендуемого следователем.

В том случае, если обвиняемый или его близкие не назовут определенного защитника, но изъявят желание иметь его, следователь обязан письменно известить об этом юридическую консультацию для назначения адвоката.

Практика свидетельствует о том, что обвиняемые охотно пользуются на предварительном следствии помощью защитников. При этом защиту обвиняемых на предварительном следствии осуществляют в большинстве случаев профессиональные защитники.

Ознакомившись с материалами уголовного дела потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, а также обвиняемый и его защитник могут заявить ходатайства, которые следователь обязан рассмотреть и принять по ним решения: об удовлетворении заявленных ходатайств и проведении дополнительных следственных действий или об отказе в их удовлетворении.

По выполнении дополнительных следственных действий в связи с заявленными ходатайствами следователь знакомит упомянутых выше участников процесса с новыми материалами дела. Рассмотрение и разрешение по существу заявленных участниками процесса ходатайств заставляет следователя вновь оценить полноту

и объективность собранных им доказательств, чтобы в случае необходимости дополнить следствие материалами, имеющими значение для уголовного дела.

После ознакомления названных выше лиц с материалами уголовного дела и разрешения заявленных ими ходатайств, если они поступили, следователь решает вопрос о том, как должно быть закончено дело.

Таким образом, обеспечение следователем права обвиняемого на защиту служит не только интересам обвиняемого; оно необходимо для успешного расследования дела и для установления объективной истины на предварительном следствии. Именно этим можно объяснить тот факт, что законодатель предусмотрел в определенных случаях обязательное участие в деле защитника.

Прекращаться уголовное дело может лишь в строго определенных случаях: а) при наличии оснований, указанных в статьях 6, 7, 7¹, 7², 7³, 8, 9 и 10 УПК; б) при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления (ст. 213 УПК).

Если на основании заключения судебнопсихиатрической экспертизы и других доказательств будет установлено, что лицо, привлеченное или подлежащее привлечению к уголовной ответственности, во время совершения общественно опасного деяния находилось в невменяемом состоянии или в дальнейшем заболело душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, следователь составляет мотивированное постановление о направлении дела в суд для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Это постановление вместе с делом направляется прокурору (ст. 226, 417 УПК).

Обвинительное заключение подводит итог всему предварительному следствию, дает анализ и оценку собранных по делу доказательств; в нем формулируются выводы следователя о необходимости предания обвиняемого суду и дается юридическая квалификация совершенного преступления. После того, как обвинительное заключение будет утверждено прокурором, оно обретает силу обвинительного акта и становится исходным моментом судебного следствия. Обвинительное заключение определяет предмет судебного разбирательства и устанавливает его пределы, за которые при вынесении приговора суд не вправе выходить. Он может рассмотреть дело в судебном заседании только в отношении обвиняемых, названных в обвинительном заключении и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Обязательное и заблаговременное вручение обвиняемому копии обвинительного заключения является важной процессуальной гарантией прав обвиняемого. Ознакомившись с содержанием обвинительного заключения, обвиняемый получает возможность под-

готовиться к участию в судебном разбирательстве, продумать план защиты, наметить ходатайства.

Обвинительное заключение публично оглашается перед началом судебного следствия. оно вводит в курс разбираемого дела всех присутствующих в зале суда, показывает, как органы предварительного следствия защищают интересы государства и его граждан от преступных посягательств, способствуя тем самым повышению их авторитета. В этом состоит общественно-политическое значение обвинительного заключения.

С учетом того, что обвинительное заключение определяет предмет судебного разбирательства и устанавливает его пределы, оно является не только исходным моментом судебного следствия, но и его программой. При вынесении приговора суд не вправе оставить без рассмотрения хотя бы один из пунктов, обосновывающий преступную деятельность подсудимого. Если обвинительное заключение удовлетворяет требованиям законности и обоснованности, оно учитывается приговором в полном объеме. В других случаях оно отвергается и суд выносит оправдательный приговор или учитывает обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, в измененном виде, или же возвращает дело на доследование. От полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования и обоснованности обвинительного заключения находятся в прямой зависимости полнота судебного следствия и обоснованность приговора.

В юридической литературе высказывались различные мнения о требованиях, которым должно удовлетворять обвинительное заключение следователя. Наиболее важное значение в этом споре имеет вопрос о том, какими должны быть выводы следователя, сделанные им в обвинительном заключении, — истинными или только вероятными.

В этой связи уместно заметить, что в отношении обвинительного судебного приговора данное положение не вызывает спора. общепризнанной является позиция, что установление истины в судебном следствии не только возможно, но и необходимо, что выводы суда о виновности подсудимого должны выражать объективную истину.

В этой связи, естественно, возникает вопрос: если установление истины доступно суду, то почему же оно недоступно на предварительном следствии? Ведь при расследовании уголовных дел следователь пользуется такими же средствами установления фактов и событий, как и суд. Законодатель предоставил следователю широкие полномочия и процессуальную самостоятельность, которые позволяют ему так же, как и суду, делать обоснованный и ответственный вывод о виновности или невиновности обвиняемого. В этом нас убеждает ст. 67 УПК, где сказано, что суд, прокурор,

следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом. Как видно из содержания этой нормы, закон не предусматривает здесь каких-либо отличий для суда по сравнению со следователем.

Не вызывает сомнения, что на завершающем этапе предварительного следствия выводы следователя о виновности обвиняемого должны быть достоверными, истинными, а не просто вероятными. Иного не должно быть. Ведь следователь только тогда заканчивает предварительное следствие по делу, когда он полностью выяснил и исследовал все обстоятельства, подлежащие доказыванию, проверил все возникшие в процессе следствия версии, рассмотрел и разрешил ходатайства обвиняемого и его защитника, критически проанализировал все собранные по делу доказательства, сформулировал выводы о виновности обвиняемого с учетом совокупности всех собранных по делу доказательств.

Следователь не может приступать к написанию обвинительного заключения, если у него остались какие-либо сомнения по делу. Хорошо сказал об этом А. Ф. Кони: «С сомнением надо бороться — и победить его или быть им побежденным, так, чтобы в конце концов, не колеблясь и не смущаясь сказать решительное слово — «виновен» или «нет»... [2, с. 26]:

Характерной особенностью обвинительного заключения является то, что это первый документ в уголовном деле, содержащий «полную и цельную картину всего преступления, как она установлена в итоге предварительного расследования» [1, с. 107]. Без полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств дела, без оценки всех доказательств в их совокупности не должно быть и речи об окончании предварительного следствия.

Составляя обвинительное заключение, следователь, руководствуясь требованиями ст. 131 УПК, должен прежде всего, обосновать вывод о том, что преступление совершено, что совершил его обвиняемый, что в деле собрано достаточно доказательств, подтверждающих его виновность. Данный вывод должен основываться на совокупности достоверных и полноценных доказательств, исключая всякое сомнение в его объективности, т. е. быть истинным.

То обстоятельство, что суд может не согласиться с некоторыми выводами, сделанными в обвинительном заключении, вовсе не свидетельствует об обратном. Ведь и с обвинительным приговором суда может не согласиться вышестоящая судебная инстанция. Тот факт, что уголовные дела, направленные в суды органами предварительного следствия, в подавляющем большинстве заканчиваются вынесением обвинительных приговоров, говорит о том,

Что выводы обвинительных заключений по этим делам о виновности обвиняемых были истинными.

В стадии окончания предварительного следствия при условии, что обвиняемый не владеет языком, на котором составлено обвинительное заключение, следователь обязан обеспечить его перевод на родной язык обвиняемого.

К обвинительному заключению прилагаются документы, облегчающие изучение дела прокурором, судьями и другими участниками процесса.

Эти документы и материалы уголовного дела должны быть систематизированы по хронологической или тематической форме. При хронологической систематизации последовательность размещения документов определяется датой их составления или получения следователем. Такая форма систематизации документов наиболее распространена в уголовных делах, небольших по объему и количеству эпизодов. Тематическая систематизация означает подборку материалов по обвиняемым или по эпизодам преступной деятельности. Она применяется, как правило, в многотомных или многоэпизодных делах. Удачно систематизированные материалы создают удобство при изучении и пользовании ими как самим следователем, так и другими участниками процесса [3, с. 252—253].

Кроме обвинительного заключения, по результатам расследования следователь может внести также представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления. Представление направляется соответствующему государственному органу, общественной организации или должностному лицу, которые могут и обязаны принять надлежащие меры. Не позднее месячного срока по представлению должны быть приняты необходимые меры и об их результатах сообщено следователю (ст. 23¹ УПК).

В печати высказываются мнения и против составления следователем обвинительного заключения по делу. Так, М. Сабардин (начальник управления прокуратуры Черновицкой обл.) пишет о том, что уголовное дело должно заканчиваться составлением не следователем обвинительного заключения, а справки, в которой должны быть отражены анкетные данные подозреваемого и установленные в ходе следствия доказательства. До направления дела в суд лицо может быть только подозреваемым, поскольку орган расследования вправе лишь подозревать, а не обвинять. И это, по мнению М. Сабардина, соответствует презумпции невиновности [4, с. 18—20].

Если стать на точку зрения М. Сабардина и переименовать обвинительное заключение в справку, оставив, как и прежде, изложение собранных по делу доказательств и их анализ, то мало проку будет от такого изменения. Если же следователя лишить права предъявлять обвинение лицу, совершившему преступление, то

это создаст дополнительные трудности в работе суда, увеличит объем работы, повлечет увеличение численности судей.

О целесообразности или нецелесообразности подобных доводов можно говорить только после того, как будет проведена апробация данного предложения на практике.

Ныне действующий уголовно-процессуальный закон обеспечивает процессуальную **самостоятельность** следователя в завершающей стадии расследования уголовных дел. Наиболее ярко она выражена в праве следователя единолично принимать решение об окончании предварительного расследования. В ч. 2 ст. 114 УПК законодатель предоставил право следователю не согласиться с противоречащими его внутреннему убеждению указаниями прокурора по вопросу о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела. Следователь, не согласный с указаниями прокурора по названным вопросам, вправе направить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. В этом случае вышестоящий прокурор или отменяет указание нижестоящего прокурора, или поручает производство следствия по этому делу другому следователю. Из текста данной процессуальной нормы четко прослеживается утверждение законом процессуальной самостоятельности следователя в столь важном вопросе, каким является окончание предварительного следствия.

Список литературы: 1. Альперт С. А., Бажанов М. И. Законность и обоснованность актов обвинения в стадии предварительного расследования // Правоведение. — 1965. — № 3. 2. Кони А. Ф. Избранные произведения. — М., 1956: 3. Михеенко М. М., Нор В. Т., Шибіко В. П. Кримінальний процес.—К., 1992. 4. Сабардин М. Проблеми слідства залишаються невирішеними // Право України.—1993.—№ 1.

В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук

МЕЖНАУЧНЫЕ СВЯЗИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Одним из направлений формирования науки является установление тенденций и форм межнаучных связей, в развитии которых можно прогнозировать и на современных уровнях решать комплекс проблем, относящихся к различным областям знаний. В этом отношении выяснение межнаучных связей криминалистики в общем виде и таких ее разделов, как криминалистическая тактика, позволяет наметить вопросы и начинающиеся создаваться тенденции для исследования теоретических основ тактики расследования. Если в этом плане обратиться к выяснению связей криминалистической тактики с другими науками, ясно определится несколько наиболее перспективных направлений. К ним прежде всего относится связь криминалистической тактики с социологией и в частности, с

социологией личности. Данные социологии, относящиеся к личности и социальным ролям ее, к конформизму, к самосознанию как установке, к социальной зрелости, к взаимосвязи личности и референтных групп (3) имеют важное значение для разработок таких проблем тактики, как установление психологического контакта при допросе, оценка показаний лиц, выдвижение версий о личности преступника, о мотивах совершения преступления, разработка тактических приемов производства отдельных следственных действий (допроса, обыска, предъявления для опознания, проверки показаний на месте (с учетом социологических показателей возрастных групп и др.).

В социологии личности как характеристике последней в ее проявлениях в плане психологических явлений, присущих личности как члену коллектива, то есть в различного рода общениях, наибольший интерес представляют проблемы социальных ролей личности, формирования микрогрупп, социальных и психологических особенностей возрастных групп, формирования действия социальных ориентаций в процессе взаимодействия людей. В теории криминалистической тактики знание основных положений социологии личности, вернее социальной психологии личности, имеет значение при учете различного рода данных для индивидуализации тактики, для понимания явлений подчинения референтной группе, конформизма и иных моментов, характеризующих личность в общении с другими людьми. В общении, как правило, формируются и проявляются определенные свойства личности, значимые для ее социального поведения, а также и другие индивидуально-психологические особенности личности. Знание этих данных позволяет более адекватно и полно оценивать ряд ее свойств, степень воздействия микросреды на человека [8, с. 226]

Влияние на формирование отдельных положений криминалистической тактики имеют не только общая социология и социальная психология личности, но и данные уголовной социологии, относящиеся к таким характеристикам личности, которые связаны с формированием антиобщественной установки, совершением преступления, а также с такими позициями личности, которые противопоставляют нормам, требованиям морали и которые обозначаются нередко понятием «делинквентность» как предрасположенность к конфликтам, влекущим правовые последствия.

Тактические приемы в своем формировании должны обязательно опираться на данные социальной психологии, приближая тем самым избираемые рекомендации к тем конкретным (типичным и нетипичным) ситуациям, которые возникают в период расследования и судебного разбирательства. Использование данных социологии личности и уголовной социологии вооружает криминалистическую тактику новыми данными, позволяющими сделать ее реко-

мендации более эффективными. В этом отношении использование данных социологии может найти место в тактике производства отдельных следственных и судебных действий, при подготовке и осуществлении которых учитываются такие данные о личности, как ее социальное положение, избираемая социальная роль, окружение, установки и т. п. Именно эти моменты нередко позволяют подобрать ключ к пониманию позиции личности в процессе ее деятельности и в ситуации, когда она попадает на орбиту судопроизводства, ее социальных установок, следовательно, найти пути к установлению психологического контакта, правильно оценить роль личности в событии, а также ту информацию, которую мы получаем от лица в процессе общения.

Более того, знание данных социологии позволяет правильно понимать не только цели, но общения в процессе судопроизводства, и пути избирая те из них, которые имеют и эмпирическую, и научную основу и представляются наиболее эффективными в тех или иных обстоятельствах.

В организации расследования, где тактические положения касаются определения путей расследования, деятельности тех групп следователей, которые выполняют определенные функции, данные социологии личности должны использоваться при создании бригад следователей (в плане их психологической совместимости и профессиональной направленности), при определении форм и способов координации, при решении мыслительных задач и их практического осуществления в деятельности.

Выяснение закономерностей общения в социально-психологическом плане в отношении следственно-судебной деятельности приобретает еще один важный аспект. Он касается диагностики коммуникативных способностей личности в плане профессиональной пригодности, профессионального отбора, расстановки кадров, индивидуализации обучения, и наконец, как практического выхода — использования этих качеств для обучения общению с людьми в такой важной и широкой области общения, как деятельность правоохранительных органов. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области социальной психологии личности в ее прикладных направлениях.

Значительный интерес появился в последнее время к проблеме общения, которая находит свое широкое применение в процессе расследования преступлений.

Как отмечал А. Н. Васильев, наиболее важными и сложными во взаимоотношениях следователя и участников следственных действий являются такие сферы: а) формирование психологического контакта; б) криминалистический анализ показаний; в) оказание помощи лицам, дающим показания, с целью восстановления в памяти забытого и правильного воспроизведения воспринятого; г) пре-

одоление позиции, направленной на дачу ложных показаний и принятие мер к получению правдивых показаний [2, с. 82, 83].

Не рассматривая детально правильность определения сфер общения следователя, как и степень их сложности, следует отметить важность рассмотрения названного вопроса в плане, приближающемся к проблеме общения.

Достаточно широкое обращение к проблеме общения мы обнаруживаем в работах, посвященных тактике производства отдельных следственных действий и такого наиболее информативного в этом отношении действия, как допрос. Исследуя отдельные стороны тактики допроса, В. С. Комарков, в частности и, отмечает, что для общения следователя и допрашиваемого как специфического вида общественных связей людей с сфере расследования уголовных дел, характерно наличие двух особенностей. С одной стороны, общение имеет чрезвычайно высокий уровень нормативности социального характера, с другой — может быть реализовано не иначе, как в форме межличностного взаимодействия. Высокий уровень упорядочения общения законодательными установлениями, нормами морали и рекомендациями криминалистической тактики накладывает определенные ограничения на общение, придает особую специфику и своеобразие отношениям, возникающим во взаимодействии следователя и допрашиваемого. Особое значение проблема общения имеет в рассмотрении принципов формирования и деятельности микроколлективов в тех случаях, когда речь идет о создании бригад следователей для расследования наиболее сложных и многоэпизодных преступлений. Психологическая совместимость бригады, избрание поручений в зависимости от психологической характеристики того или иного субъекта, входящего в бригаду, во многом способствует правильной организации и успеху расследования. Вместе с тем проблема общения занимает значительное место в координации следственной и оперативно-розыскной деятельности, в определении организации взаимодействия, его психологических основ и исходных моментов.

Значительные перспективы для развития криминалистической тактики создает ее взаимосвязь с отдельными ветвями математической науки, и в частности, с теорией игр. Эта взаимосвязь наметилась сравнительно недавно в связи с дальнейшим развитием концепций теории игр и возможностью их практического применения на уровне рефлексивного управления.

К числу многочисленных отраслей, где нашло и может найти широкое применение рефлексивное управление, относится и криминалистическая тактика, в основе множества позиций которой лежит анализ иных мыслительных платформ в целях выработки собственной линии поведения, а также организации комплекса тех

или иных действий по организации расследования. Именно это обстоятельство и позволяет отнести стыковые вопросы криминалистической тактики и теории игр к проблемам, требующим своего дальнейшего разрешения, и определить их некоторые направления. Если при определении таких направлений обратиться к тактике производства отдельных следственных действий, то станет очевидной роль рефлексивного управления в организации каждого из них. Так, мыслительные задачи, возникающие в конфликтных и безконфликтных ситуациях отдельных следственных действий, наиболее эффективно могут быть решены на уровне рефлексивного управления, составляющего ядро теории игр. Прогрессивные различные варианты решений за лицо, обладающее иной мыслительной платформой, при единой ситуации для выбора решения позволяет широко использовать рефлексивное управление не только в тактике допроса, где оно наиболее широко и многогранно может быть представлено, но и в тактике осмотра места происшествия, обыска, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, розыска преступников [5, с. 19—28; 1, с. 257, 258].

Как видно из приведенного, одним из направлений разрешения проблем использования теории игр в криминалистической тактике является тактика отдельных следственных действий. Другим таким направлением является криминалистическая тактика в ее наиболее общем виде как система решений и действий наиболее широкого, комплексного характера, приобретающего решение задач по общему направлению расследования. К таким направлениям взаимосвязи криминалистической тактики и теории игр в плане рефлексивного управления относится планирование расследования, где рефлексивное управление находит свое конкретное выражение как в построении версий, так и в разработке плана, а также наряду с этим в определении системы действий, рассматриваемых как тактические операции, выполняемые в определенных целях.

Достаточно широкая взаимосвязь прослеживается у следственной тактики и логики, позволяющая наиболее детально разрабатывать важные направления тактики. Среди них особое место принадлежит использованию данных логики для планирования, в режиме учения о гипотезе, стадиях ее развития, правилах проверки ее достоверности. Исследование в этом направлении следственной версии, ее разновидностей, ступеней ее формирования и развития, вопросов возникновения версий как обоснованных предположений и как интуитивных построений до настоящего времени не может отличаться ни достаточной полнотой, ни веской научной аргументацией. В этом отношении значительный теоретический и практический интерес представляют проблема клас-

сификации версий, выяснение в ней внутренней взаимосвязи версий, их познавательной ценности.

Взаимосвязь логики и криминалистической тактики находит свое отражение в последовательности выполнения каждого отдельного следственного действия, в использовании наиболее целесообразного, обусловленного логикой познаний сочетания тактических приемов выполнения следственных действий. Логика также свое использование находит в избрании последовательности действий следователя в выполнении тактической задачи при проведении следственного осмотра, допроса, обыска и других следственных действий.

Восходя от использования логики к категориям диалектики, являющимся ступенями познания, криминалистическая тактика на их основе определяет специфику познания при расследовании путем избрания системы следственных действий и тактических приемов, обеспечивающих быстрое обнаружение истины по делу.

Значение межнаучных связей для создания новых направлений исследования в криминалистической тактике усматривается при анализе такой связи с лингвистикой. Как отмечают отдельные исследователи в этой области, паралингвистические явления (как взаимосвязь между произнесением отдельных слов и выражений и сопровождающими их психофизическими реакциями лица) несут разнообразную и богатую информацию о человеке и отражают не только его состояние, тип нервной системы, но и поведение человека в связи с избранной им социальной ролью [7, с. 102, 103]. Новые научные заявки в этом отношении открывают определенные возможности для разработки тактических приемов допроса, обыска, предъявления для опознания. В более широком плане они позволяют достаточно определенно диагностировать тип нервной системы, психологическое состояние лица в данный момент, т. е. создают основу для установления психологического контакта, избрания необходимой тактической линии, иными словами, достаточно хорошо вооружают следователя в плане специальных познаний.

Более того, паралингвистические явления создают возможность при их анализе избирать наиболее правильные формы психологического воздействия (постановка контрольных вопросов, предъявление изобличающих доказательств, введение «словесной разведки» при обыске) и правильно оценивать его результаты в каждом отдельном случае.

Отпочкование новой области знания — виктимологии, формирование ее научных концепций позволяют поставить перед криминалистической тактикой задачу определения наиболее плодотворных связей с нею. Поскольку виктимологические исследования преследуют цель изучения комплекса проблем, связанных с

процессуальной фигурой потерпевшего; постольку линии взаимосвязи этой области знания с криминалистической тактикой главным образом идут в направлении разработки тактики допроса потерпевшего, ее специфики в плане выяснения вопросов, связанных с виктимным поведением потерпевшего, а также в направлении расширения круга обстоятельств, выясняемых в процессе допроса как обвиняемого, так и потерпевшего в плане причин и условий, способствующих совершению преступления. Так как виктимное поведение [9, с. 41] потерпевшего в криминалистическом аспекте может быть рассмотрено как своеобразное условие проявления преступного намерения лица, спровоцировавшее преступные действия, то выяснение этого условия входит в непосредственную задачу следователя для осуществления в будущем необходимых профилактических мероприятий. Вместе с тем выяснение таких условий может иметь место только в процессуальном режиме допроса потерпевшего, свидетелей, обвиняемого. Поэтому определение тактики допроса, направленной на выяснение виктимологических сторон в поведении жертвы (потерпевшего), является одним из важных направлений исследования криминалистической тактики. Важность взаимосвязи следственной тактики и виктимологии определяется и тем, что в значительном числе расследуемых преступлений показания, получаемые от потерпевшего, создают информационную платформу, обуславливающую построение методики расследования в каждом частном случае. Более того, организация расследования по делам об изнасиловании, разбойном нападении, кражах, грабежах определяется данными, полученными прежде всего от потерпевших. Это сведения о приметах внешности и похищенных вещей, необходимые для организации розыска и последующего предъявления для опознания; данные осмотра мест происшествия, позволяющие обнаруживать и использовать в целях расследования некоторую информацию; данные о характере ущерба, помогающие правильно определению квалификации содеянного и способов возмещения ущерба; данные о событии, ее участниках, механизме, определяющие выдвижение версий расследования.

В нынешний период начались намечаться достаточно широкие взаимосвязи криминалистической тактики и кибернетики, которые свое наиболее полное выражение получают в использовании с экспертной теорией и практикой электронно-вычислительных машин. Начало этому исследованию было положено введением в ЭВМ кодов, касающихся или, вернее отметить, предназначенных для дактилоскопической экспертизы. Возможность кодирования пальцевых узоров в совокупности их общих и частных признаков привела к мысли о возможности использования ЭВМ для исследования почерка [4, с. 201—206; 6, с. 110—115], а позд-

нее и индентификации личности по признакам письменной речи. Диссертационные исследования по этой проблеме были проведены, однако их практическое применение до настоящего времени почти не имело места.

Здесь связь криминалистической тактики и кибернетики представляет интерес не только в плане экспертных возможностей, но и в плане оценок достоверности выводов, полученных с помощью ЭВМ, использования этих выводов в тактических целях. Доказательственная весомость (ценность) вывода, полученного с помощью ЭВМ (ибо вывод принадлежит эксперту, а не машине, которая выполняет только технические функции сравнения, подсчета и такой материал дает в распоряжение эксперта), в тактическом смысле обладает большей значимостью, ибо имеет в своей основе в известном смысле объективированные данные. Это обстоятельство может быть использовано в тактических целях, когда речь идет об оглашении результатов экспертного исследования в процессе допроса обвиняемого либо свидетеля. Экспертиза обычно является той отраслью криминалистической тактики, которая наиболее широко объединяет в себе собственно тактику и многочисленные отрасли знаний, преломляемых в целях экспертного исследования, приспособляемых для нужд расследования преступлений.

Однако взаимосвязь следственной тактики и кибернетики в современной интерпретации простирается далее ее использования в экспертизе. В настоящее время обнаруживается тенденция к составлению программ, объединяющих возможные ситуации того или иного события, которые при их машинном анализе (введении в машину данных об обнаруженных следах и действия преступника) позволяют прийти к выводам о намерениях (мотивах) совершения преступлений, возможных местах обнаружения преступника, личности преступника (психо-физиологических данных), способе совершения преступления, его целях (возможных). Иными словами создают ту основу для избрания наиболее вероятной версии и программы действий, которая обеспечит быстрое раскрытие преступления и обнаружение преступника. Путем создания для машин таких программ, воплощающих в себе передовой опыт и обобщение практики, с одной стороны, а с другой — теоретический анализ ее с позиций рекомендаций теории тактики и методики расследования, следственные и оперативно-розыскные органы могут решать задачи по быстрому и эффективному раскрытию преступлений. В такого рода машинах наиболее приближенным к тактике моментом являются: а) анализ результатов первоначальных действий, б) наиболее вероятные следственные версии, вытекающие из этого анализа. Машинное мышление, имеющее место в этом случае, является важным подспорьем мыслитель-

ной деятельности следователя. Развитие и совершенствование теории криминалистической тактики происходит не только в плане ее взаимосвязей с другими отраслями знаний, но и углубленного пересмотра основных положений, основных концепций системы криминалистической тактики.

Список литературы: 1. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика, общетеоретические проблемы.— М.: Юрид. лит., 1973. 2. Васильев А. Н. Следственная тактика. М., Юридическая литература, 1976. 3. Кон И. С. Социология личности.— М.: Политиздат, 1967. 4. Палиашвили А. Я. К вопросу о статистическом методе определения идентификационной ценности деталей папиллярных узоров в дактилоскопической экспертизе // Вопр. криминалистики. Вып. 8, 9—М., 1963. 5. Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика.— М., 1970. 6. Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств.— М.: Юрид. лит., 1974. 7. Смирнова Н. И. О возможности использования паралингвизмов в процессе следствия. // Вопр. суд. психологии.— М., 1971. 8. Социальная психология личности.— М.: Наука, 1979. 9. Франк Л. В. Виктимология и виктимность— Душанбе, 1972.

Г. А. Матусовский, д-р юрид. наук
О. П. Бушан

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ РАСЧЕТНО-КРЕДИТНЫХ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Банк как особый экономический институт играет важную регулирующую роль в финансово-кредитной и расчетной сфере государства. Специфичность данной деятельности, пробелы и недостатки в банковском законодательстве нередко используются для различного рода злоупотреблений. В связи с этим возникла необходимость специального исследования правонарушений, совершаемых в банковской сфере, в частности банковских преступлений. В научном и практическом плане речь идет о формировании криминалистической методики расследования банковских преступлений. Такой отраслевой подход к построению частной методики расследования вытекает из криминалистической классификации корыстных преступлений, совершаемых в хозяйственной сфере должностными и материально-ответственными лицами, субъектами различных видов предпринимательской деятельности и форм собственности. В этом смысле имеются основания говорить о банковской сфере, при определенных негативных условиях рассматриваемой с точки зрения криминогенности, и выделить банковские преступления как деяния, совершаемые посредством расчетно-кредитных банковских операций, путем посягательств на финансовые ресурсы банка.

Формирование новой методики расследования определенного вида преступлений строится на исследовании криминальной обстановки в соответствующей сфере, следственной и судебной практики, практики осуществления контрольных функций ведомственными структурами, уголовно-правовой характеристики таких преступлений.

Рассмотрим каждый из названных факторов.

С принятием закона Украины «О банках и банковской деятельности» в марте 1991 г. и образованием системы коммерческих банков с многочисленной и разнообразной клиентурой коренным образом изменилась обстановка в расчетно-кредитном процессе банковской деятельности, усилились криминогенные факторы. В настоящее время в Украине функционирует свыше 250 коммерческих (акционерных, кооперативных, частных) банков и свыше 2 000 их филиалов, выполняющих разнообразные операции. Среди различных видов операций, производимых банками, на первое место Закон ставит кредитные и расчетные операции (ст. 2, 3, 8, 25 закона «О банках и банковской деятельности»). Эта сфера банковской деятельности оказалась наиболее криминогенной.

Анализ криминальной обстановки в банковской сфере, произведенный на основе обобщения оперативно-розыскной, следственной и судебной практики, показывает, что в настоящее время сложились определенные разновидности банковских преступлений и способов их совершения. Как наиболее часто встречающиеся в этой сфере можно выделить следующие нарушения правил банковских расчетов и кредитования:

— предоставление гражданином-предпринимателем или владельцем субъекта предпринимательской деятельности, а также должностным лицом субъекта предпринимательской деятельности заведомо ложной информации банкам или другим кредиторам с целью получения кредитов, дотаций, субсидий;

— выдача гарантий банка, превышающих размер уставного капитала клиента;

— инвестирование (кредитование) банком противозаконной деятельности клиентуры (спекулятивных сделок, в т. ч. с иностранной валютой, развитие за счет кредитов банка запрещенных производств) и др.;

— нарушение размеров процентных ставок по кредитам;

— представление банку заведомо ложных сведений, искаженной отчетности, фиктивных документов и т. п. для определения кредито- и платежеспособности, возможности реализации залогового права, в результате чего кредитные сделки становятся убыточными для банка;

— несообщение в соответствующее учреждение Национального банка данных о случаях выдачи крупных кредитов;

— выдача кредитов без надлежащей проверки кредитоспособности клиента, чем нарушаются основные положения кредитования;

— продолжение кредитования без погашения клиентами предыдущих ссуд либо отсрочки погашения;

— выдача кредитов в нарушение нормативных документов Национального банка без предоставления клиентом сметы доходов, являющейся основанием для установления размеров кредитов;

— выдача должностными лицами поручительств и гарантий по сделкам с некредитоспособными, убыточными, не имеющими на балансе соответствующей суммы активов лицами;

— легализация («отмывание») денег, полученных от незаконной деятельности;

— «округление» денежных сумм в связи с изъятием из обращения определенных видов купюр и др., перевод этих средств на личный счет или счет клиента;

— несанкционированное снятие денежных средств со счета клиента и переадресовка этих средств на счет иного клиента для последующего присвоения либо использования в обороте;

— задержание денежных средств клиентов на срок, превышающий банковские нормативы, и переадресовка этих средств на счет другого предприятия в пользование;

— открытие одному и тому же клиенту нескольких счетов в целях укрытия денежных поступлений от налогообложения, а также маскировки незаконных операций;

— снятие денежных средств со счета клиента с помощью подложных чеков;

— использование подложных авизо и проведение их по банковским каналам;

— переадресовка денежных средств должностными лицами предприятий на свои личные счета или счета иных предприятий для присвоения или использования в финансовом обороте;

— внесение ложной информации в электронные финансовые документы при обмене между банками и клиентами.

Масштабы преступлений, совершаемых в расчетно-кредитной сфере, и причиняемый ущерб чрезвычайно велики. Одним из распространенных способов таких преступлений является регистрация на подставных лиц предприятий при наличии сговора с должностными лицами учреждений банка в целях получения кредитов на значительные суммы. На полученные денежные средства приобретаются товары, выручка от реализации которых конвертируется и присваивается.

Исключительно опасными являлись преступления, совершавшиеся посредством подложных авизо при том, что способ сам по себе не представляется достаточно латентным. В результате исполь-

зования подложных авизо в течение одного года банкам был причинен ущерб более чем в один триллион карбованцев. Значительная часть этих средств была переведена в наличные деньги и переправлена за границу.

Следует отметить, что финансовые банковские ресурсы охраняются, а операции с ними регламентируются специальными нормативно-правовыми актами прежде всего законом «О банках и банковской деятельности», а также связанными с ним законодательными актами, регулиющими систему налогообложения, инвестиционную деятельность, внешнюю экономическую деятельность, операции с ценными бумагами на фондовой бирже и др.

Указанные законодательные акты содержат нормы, возлагающие на соответствующие учреждения контрольные функции. В частности, согласно Закону «О банках и банковской деятельности» Национальный банк Украины осуществляет контроль за соблюдением юридическими лицами банковского законодательства и собственных нормативных актов. Он наделен правом применения соответствующих санкций в отношении субъектов банковской деятельности, допустивших нарушения законодательства, экономических нормативов, порядка, сроков и технологии выполнения банковских операций и др.

Необходимость совершенствования банковской деятельности под влиянием складывающихся рыночных отношений требует внесения дополнений и изменений в банковское законодательство. Это в значительной степени касается усиления контрольных и лицензионных функций Национального банка, функций по защите интересов клиентов (обеспечение финансовой надежности коммерческих банков, банковской тайны, охраны банковских учреждений). Наряду с этим внесены изменения в ст. 52 «Банковская тайна» в части, касающейся прав соответствующих правоохранительных органов на получение информации в связи с выполнением ими своих функций, регламентированных законодательными актами.

Изучение практики осуществления учреждениями Национального банка контрольных функций и применения ими при этом финансово-экономических методов является одним из важнейших источников разработки методики выявления и раскрытия банковских преступлений как составной части методики расследования данного вида преступлений.

Одним из важнейших, основополагающих факторов построения методики расследования банковских преступлений является их уголовно-правовая характеристика. Рассмотрим некоторые ее положения. Преступные посягательства в финансово-банковской сфере квалифицируются в зависимости от обстоятельств по статьям, соответственно содержащихся в главах УК:

1. Иные преступления против государства: «Изготовление или сбыт фальшивых денег или ценных бумаг» (ст. 79), «Нарушение правил о валютных операциях» (ст. 80), «Соккрытие валютной выручки» (ст. 80¹).

2. Преступления против государственной и коллективной собственности: «Хищение государственного или коллективного имущества путем мошенничества» (ст. 83), «Хищение государственного или коллективного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением» (ст. 84), «Хищение государственного или коллективного имущества в особо крупных размерах» (ст. 86¹).

3. Должностные преступления: «Злоупотребление властью или служебным положением» (ст. 165), «Превышение власти или служебных полномочий» (ст. 166), «Халатность» (ст. 167), «Получение взятки» (ст. 168), «Посредничество во взяточничестве» (ст. 169), «Дача взятки» (ст. 170), «Должностной подлог» (ст. 172).

4. Преступления против порядка управления: «Хищение или повреждение документов, штампов, печатей» (ст. 193), «Подделка документов, штампов и печатей, сбыт их и использование поддельных документов» (ст. 194).

Появление ранее неизвестных способов посягательств на финансовые ресурсы кредиторов (в основном банков) потребовало дальнейшего совершенствования уголовного законодательства. В соответствии с законами Украины, принятыми 28 января 1994 г., гл. VI Особенной части УК дополнена нормами, устанавливающими ответственность за посягательства на законные интересы источников финансирования, в частности кредиторов. К числу таких норм относятся «Фиктивное предпринимательство» (ст. 148⁴); «Мошенничество с финансовыми ресурсами (ст. 148⁵); «Соккрытие банкротства» (ст. 156²); «Фиктивное банкротство» (ст. 156³).

Среди хозяйственных преступлений названные нормы имеют также выраженный финансовый аспект, связанный прямо либо косвенно с кредитными операциями. В этом смысле наиболее характерным является мошенничество с финансовыми ресурсами (ст. 148⁵ УК). Действия, образующие такое мошенничество, заключаются в предоставлении заведомо ложной информации государственным органам, банкам или другим кредиторам, иначе говоря, их обман, в части, касающейся любых аспектов финансово-хозяйственной деятельности, могущих явиться основанием для получения кредитов, возвратных процентных и беспроцентных ссуд, дотаций, субсидий, субвенций (видов безвозвратных пособий, предоставляемых из государственного, местного бюджетов, различных фондов и других финансовых источников для осуществления различных фондов и других финансовых источников для осуществле-

ния различных мероприятий, проектов, в т. ч. целевых), льгот по налогам.

Ответственность по ст. 148⁵ УК могут нести предприниматели, учредители, владельцы либо должностные лица субъекта предпринимательской деятельности.

Характерным для ст. 148⁵ УК является то, что ответственность за мошенничество с финансовыми ресурсами наступает, если в действиях виновного не содержатся признаки хищения, совершенного путем мошенничества (ст. 83 и 143 УК).

При рассмотрении материалов, содержащих признаки ст. 148⁵ УК, и расследовании данных преступлений может возникнуть необходимость в проверке общих версий-предположений о характере события в целом, иначе говоря необходимость оперировать версиями квалификации исследуемых деяний. Такая необходимость возникает в связи с тем, что мошенничество с финансовыми ресурсами банков может быть связано с иными преступлениями, особенно совершаемыми в сфере хозяйственной деятельности. Речь идет о таких деяниях, как фиктивное предпринимательство (ст. 148⁴ УК), сокрытие банкротства (ст. 156² УК), фиктивное банкротство (ст. 156³ УК). Так, если незаконному получению финансовых ресурсов предшествовало фиктивное предпринимательство, виновный должен нести ответственность по совокупности ст. 148⁴ и 148⁵ УК или, когда сокрытие банкротства было связано с предоставлением банку заведомо ложной информации с целью получения, например, кредитов, виновный несет ответственность по ст. 148⁵ и 156² УК.

В. Ю. Шепитько, канд. юрид. наук

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАБЫТОГО ПРИ ДОПРОСЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Одной из важных задач следователя в процессе допроса является оказание помощи допрашиваемому в воспоминании событий прошлого. Восстановление (актуализация) ранее воспринятого материала характеризуется различной степенью трудности или легкости в зависимости от уровня сохранения или забывания извлекаемого материала [7, с. 15]. Невозможность припомнить какой-либо материал не означает, что он совершенно забыт: забывается конкретная форма материала, но его значимое для субъекта содержание подвергается качественным изменениям и включается в опыт субъекта [7, с. 118].

Возможность актуализации забытого допрашиваемым материала основана на возбуждении соответствующих нервных связей или ассоциаций. Ассоциация представляет собой связь меж-

ду психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого. И. М. Сеченов писал, что «ассоциация представляет обыкновенно последовательный ряд рефлексов, в котором конец каждого предыдущего сливается с началом последующего во времени... Ассоциация есть непрерывный ряд касаний конца предыдущего рефлекса с началом последующего [9, с. 88]. В психологии различают три вида ассоциаций: по смежности, по сходству и по контрасту. В процессе судопроизводства ассоциативные связи в естественном виде редко могут быть использованы, они требуют соответствующей интерпретации [4, с. 153].

В криминалистической тактике способы оживления в памяти запечатленного или забытого выглядят в качестве тактических приемов или их системы. Такие приемы могут быть эффективно использованы не только в отношении свидетеля (потерпевшего), но и подозреваемого (обвиняемого) при забывании им отдельных обстоятельств с учетом бесконфликтной ситуации допроса.

Определение конфликтности или бесконфликтности ситуации допроса может оказаться сложной задачей. Так, допрашиваемый может сделать заявление типа «уже ничего не помню», «был пьян и не помню происходящего», и т. п. При «косвенном отказе» от показаний допрашиваемый обычно указывает о полном выпадении из памяти происшедших событий и не проявляет усилий к воспоминанию «забытого»¹⁾. Установить, имеет ли место «косвенный отказ» от показаний либо допрашиваемый действительно забыл интересующие органы расследования обстоятельства, помогает следователю анализ таких данных, как время, прошедшее с момента восприятия определенных фактов, характер события, последующая деятельность допрашиваемого, его состояние в момент восприятия, индивидуальные особенности памяти и др.

Система тактических приемов, направленная на актуализацию в памяти забытого, может включать: а) постановку напоминающих вопросов; б) предъявление вещественных и письменных доказательств; в) демонстрацию иной материализованной информации; г) использование изобразительных возможностей допрашиваемого; д) оглашение показаний иных лиц; е) допрос на месте события. Предложенная система является наиболее типовой. В процессе ее использования эффективным приемом может оказаться любой из указанных либо их комплекс, что обусловлено психологическими особенностями допрашиваемого, своеобразием запятого материала, степенью запоминания. Возможность реализации отдельных тактических приемов системы обусловлена сложившейся к моменту допроса ситуацией расследования.

¹⁾ Термин «косвенный отказ» применительно к указанной ситуации допроса используют Л. М. Карнеева и И. Кертэс (2, с. 329).

Успешное использование системы тактических приемов определяется эффективностью каждого из них. Рассмотрим специфику отдельных тактических приемов, входящих в предлагаемую систему.

Важным тактическим приемом, направленным на актуализацию забытых обстоятельств, является постановка допрашиваемому напоминающих вопросов. Их цель состоит в напоминании допрашиваемому обстоятельств, способствующих возбуждению ассоциативных связей во всем их многообразии. Следователь обычно задает несколько таких вопросов, что способствует процессу последовательного припоминания забытого. Положительный эффект в припоминании забытого имеет постановка вопросов в хронологической или логической последовательности об обстоятельствах, предшествующих событию преступления, сопутствующих ему или следующих за ним. К примеру, в г. Харькове была совершена квартирная кража. Предполагалось, что преступники могли проникнуть в квартиру либо с помощью подбора ключей, либо используя ключи от данной квартиры, утерянные ее хозяйкой еще около года тому назад. По подозрению в совершении преступления были задержаны несовершеннолетние Г., Л. и М., которые отрицали свою причастность к краже. В ходе расследования была допрошена 11-летняя сестра В. одного из подозреваемых. При допросе следователь попытался выяснить, не находил ли кто-нибудь в их семье какие-либо ключи. В своих показаниях В. сообщила, что однажды она нашла два ключа, с которыми играла, а затем отдала их своему брату. Однако время нахождения ключей и день, когда она передала их брату, она не помнила. Следователь решил поставить ей следующие напоминающие вопросы, способствующие припоминанию: а) времени, когда она нашла ключи: В каком месте были найдены ключи? Почему В. оказалась в этом месте? Куда она направлялась и с кем? б) дня, когда ключи были переданы брату: В каком месте она их отдала? При каких обстоятельствах состоялась передача ключей? Чем она занималась в это время? Постановка указанных вопросов позволила В. припомнить интересующие следователя обстоятельства, имевшие важное значение для дальнейшего расследования.

При допросе свидетелей или обвиняемых нельзя допускать постановку наводящих вопросов, содержащих элементы суггестии. В. И. Смыслов указывает, что искусство постановки вопросов в том и заключается, чтобы вопрос не наводил допрашиваемого на ответ, а стимулировал его память на припоминание того или иного обстоятельства [10, с. 219, 220]. Три типа наводящих вопросов рассматривает Н. И. Гаврилова: а) вопросы, содержащие прямую подсказку, когда внушение направлено на предмет вопроса и совпадает с ним (например: «Были ли на похитителе пер-

чатки?» — при условии, что свидетель похитителя назвал; б) вопросы, направленные на характеристику свойств внушаемого представления, на уточнение его деталей (например: «Какого цвета были перчатки у похитителя?» — при условии, что свидетель назвал похитителя, но о наличии перчаток не говорил; в) вопросы, представляющие собой непрямую подсказку, когда они направлены на предмет, лицо, действие, реально существующие, известные свидетелю и им названные. Внушение вводится в констатирующую часть как второстепенный элемент и направлено на несуществующие, но, на первый взгляд, незначимые детали (например: «Как выглядел севший за руль похититель, который был в перчатках?» — при условии, что свидетель описал факт угона машины и назвал похитителей [1, с. 101—105]).

Система тактических приемов, направленных на актуализацию забытого, включает такой прием, как предъявление допрашиваемому вещественных и письменных доказательств. Здесь процесс вспоминания опирается не только на мыслительные ассоциации, но и на непосредственные зрительные ощущения [5, с. 48]. Во время предъявления того или иного доказательства, допрашиваемый узнает показанный предмет, воспринятый им ранее, и вспоминает обстоятельства, связанные с ним.

Близким к предъявлению доказательств выступает тактический прием, заключающийся в демонстрации иной материализованной информации допрашиваемому с целью оказания ему помощи в актуализации забытого. При допросе успешно могут быть использованы различные фотоснимки, схемы, рисунки, макеты. Рекомендуются использовать в допросе и такие системы, как «фоторобот», рисованный портрет, альбомы с типизированными рисунками элементов внешности человека, фотоколлекции заведомо непричастных к делу лиц, альбомы образцов различных фасонов одежды и т. п. Сущность рассматриваемого тактического приема состоит в демонстрации (показе) допрашиваемому аналога ранее воспринятого предмета или отдельных его признаков. Указанные предметы могут выполнять роль своеобразных стимуляторов в припоминании забытого.

Восстановлению забытого может помочь и такой тактический прием, как использование изобразительных возможностей допрашиваемого. Содержание приема состоит в предложении свидетелю (или обвиняемому) изобразить воспринятый им ранее предмет или ситуацию, например, нарисовать схему расположения участников события, предметов или вещей в определенном месте. Процесс выполнения такого изображения способствует активизации соответствующих ассоциативных связей. Использование изобразительных возможностей допрашиваемого способствует более

качественному выражению им своих мыслей и облегчает словесное воссоздание происшедшего события.

Рассматриваемая система тактических приемов включает также оглашение показаний иных лиц. Такой тактический прием при неумелом его использовании следователем может приобретать характер внушения; вызывать искажения в показаниях допрашиваемого. В криминалистической литературе содержатся отдельные рекомендации по тактически правильному оглашению показаний иных лиц в допросе. Так, рекомендуется во избежание внушающего воздействия таких показаний на сознание допрашиваемого предъявлять не протокол в целом, а зачитывать фрагменты, касающиеся только обстоятельств, при которых определенный факт имел место [8, с. 141]. Аналогичной точки зрения придерживается С. С. Ордынский, который отмечает, что если следователя интересует разговор, который велся определенным лицом, то свидетелю предъявляются выдержки из показаний не о разговоре, а о времени и месте встречи [6, с. 82]:

Система тактических приемов, направленная на актуализацию забытого, предусматривает допрос на месте события. Психологическая основа рассматриваемого тактического приема состоит в повторном восприятии допрашиваемым той обстановки, в которой происходило расследуемое событие. И. Кертэс пишет, что очень полезно иногда «предъявить» допрашиваемому большую совокупность вещественных доказательств — место происшествия [3, с. 131]. Эффективность использования допроса на месте события показывает и следственная практика. Так, Л. была изнасилована при следующих обстоятельствах: возле кинотеатра «Познань» к ней подошли незнакомые юноши, которые попросили, чтобы она вызвала из соседнего дома их знакомую. Л. согласилась им помочь. Подойдя к указанному дому, преступники взяли Л. за руки и завели в подъезд, а затем на чердак дома, где изнасиловали ее. На допросе потерпевшая Л. сообщила, что она не помнит, где этот дом точно расположен, в какую сторону от кинотеатра они шли, в какой подъезд заходили. Следователь решил провести допрос на месте события. Прибыв к кинотеатру, потерпевшая Л. вспомнила, по какой дороге они шли, узнала дом и подъезд, в который они заходили и даже вспомнила, как в разговоре насильники одного из своей компании называли «Рыжий». Показания потерпевшей способствовали определению места происшествия, установлению преступников и раскрытию преступления.

Таким образом, предлагаемая система тактических приемов может способствовать актуализации забытого в памяти свидетеля (потерпевшего) или подозреваемого (обвиняемого) и получению полных и достоверных показаний. Расширение и углубление

потенциала тактических приемов и их систем связано с дальнейшей разработкой проблем психологии памяти и актуализации забытого, их интерпретацией применительно к уголовному судопроизводству.

Список литературы: 1. Гаврилова Н. И. Ошибки в свидетельских показаниях (происхождение, выявление, устранение): Метод. пособие. — М., 1983. 2. Карнеева Л. М., Кертэс И. Система основных тактических приемов допроса и алгоритм их реализации. //Правовая кибернетика социалистических стран /Под ред. Н. С. Полевого. М.: Юрид. лит., 1987. 3. Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. — М.: Юрид. лит., 1965. 4. Коновалова В. Е. Проблемы непроизвольного запоминания и их использование в судопроизводстве //Актуальные проблемы современной психологии: Материалы научных чтений, посвященных 60-летию Харьковской психологической школы /Отв. ред. Е. В. Заика. — Харьков: ХГУ, 1993. 5. Лукашевич В. Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий. — Киев, НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1989. 6. Ордынский С. С. Тактика допроса свидетеля //Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. — М.: Госюриздат, 1958. 7. Психология. Словарь /Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Политиздат, 1990. 8. Ратинов А. Р., Хилобок М. П. Тактика допроса //Криминалистика: Учебник /Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова.— М.: НИ и РИО ВШ МВД СССР, 1970.— Т. 2. 9. Сеченов И. М. Избр. произведения. — М.: Изд-во АН СССР, 1952.— Т. 1. 10. Смыслов В. И. О тактических приемах допроса свидетелей //Ученые записки. Сборник статей аспирантов ВЮЗИ.— М., 1970. — Вып. XX. — Ч. 3.

А. В. Петришин	- К вопросу об общецивилизованных основаниях государственности	3
И. Б. Шахов	- Социальный контроль в правовом государстве	8
В. В. Речицкий	- К вопросу о политической структуре конституционного процесса в Украине	13
В. П. Қолесник	- Конституционные основы обеспечения межнационального согласия	17
В. Е. Рубаник	- К вопросу об утверждении монопартийности в политической системе Украины	22
А. М. Запорожец	- Теоретические аспекты структуры права Украины	28
С. И. Максимов	- Правовая реальность: инструментальный и коммуникативный подходы	33
В. Я. Тацкий,	- Политико-правовые аспекты совершенствования выборов народных депутатов Украины	39
Ю. Н. Тодика	- О демократизме выработки и принятия правовых актов органов местного самоуправления	47
Н. П. Воронов,	- Основы международно-правовой концепции демократии (постановка вопроса)	54
Н. А. Пономаренко	- Правомочия средств массовой информации по обеспечению экологической гласности	58
М. В. Буроменский	- О совершенствовании правового статуса некоторых участников производства по делам об административных правонарушениях	63
Т. Н. Слинько	- Некоторые проблемы формирования бюджетного законодательства Украины	68
Н. М. Тищенко	- Стандартизация как процесс установления и применения общеобязательных правил	72
В. С. Яричевский,	- Соотношение материальных и процессуальных норм в экологическом праве	76
Л. В. Яричевская	- Некоторые проблемы совершенствования законодательства, регулирующего комиссионную торговлю сельскохозяйственной продукцией	80
Ю. П. Битяк,	- Синдикаты в системе народного хозяйства (к истории вопроса)	84
Н. Б. Рябуха	- Кампания борьбы с бесхозяйственностью во второй половине 20-х годов в Украине	90
А. П. Гетьман	- О функциях состава преступления (процессуальная функция)	96
А. П. Радчук	- Предмет преступлений против общественной безопасности	103
И. Е. Красько	- Уголовно-правовые нормы в системе правового обеспечения отношений безопасности производства	107
С. А. Черниченко	- К вопросу о формах доведения до самоубийства	113
М. И. Бажанов	- К вопросу о понятии, способах нормативного закрепления и системе принципов уголовного процесса	119
В. П. Тихий	- Процессуальная самостоятельность следователя в завершающей стадии предварительного следствия	123
В. И. Борисов	- Межнаучные связи криминалистической тактики	129
Н. Н. Ярмыш	- Проблемы формирования методики расследования преступлений, совершаемых посредством расчетно-кредитных банковских операций	137
Т. Н. Мирошниченко	- Актуализация забытого при допросе: проблемы и возможности	142
И. Д. Гончаров		
В. Е. Коновалова		
Г. А. Матусовский,		
О. П. Бушан		
В. Ю. Шепитько		

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

В ы п у с к 29

Редактор А. Н. Соловьева

Сдано в набор 31.07.95. Подписано в печать 22.09.95.
Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 9,25. Заказ № 1022. Тираж 1000 экз.

Национальная юридическая академия Украины,
310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77.

Харьковская типография № 13, ул. Артема, 44.